

М.С. ГРИГОРЬЕВ

**ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ**

Воспоминания участников

Выпуск № 1

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

10 декабря 1941 года было принято решение о создании комиссии, которая осуществляла сбор и систематизацию материалов по истории Отечественной войны. Она начала свою работу с истории обороны Москвы. 15 января 1942 года последовало постановление Президиума АН СССР «О работе по Истории Отечественной войны», в котором эта деятельность стала охватывать историю всей войны. В дальнейшем она стала широко известна по фамилии ее руководителя — академика И. Минца. Основной целью «комиссии Минца» было написание истории Великой Отечественной войны на основе застенографированных воспоминаний бойцов, командиров и политработников, в которых фиксировалась информация, не попадавшая в официальные приказы, распоряжения, боевые сводки. За время Великой Отечественной войны им было собрано четыре тысячи единиц хранения со стенограммами и записями бесед с непосредственными участниками событий.

В наше время еще в 2023 году Президент России В.В. Путин отметил: «Специальная военная операция, без всякого сомнения, уже стала событием, которое имеет глубокий исторический характер».

Представленная книга «История СВО. Воспоминания участников» является первой из серии книг, в которых приведены воспоминания участников специальной военной операции. Эти воспоминания фиксируются непосредственно на фронте под руководством участника

СВО, члена Общественной палаты РФ М.С. Григорьева при поддержке Комитета Государственной Думы РФ по обороне. В широком смысле эта работа продолжает традиции «комиссии Минца».

Не сомневаюсь, что предлагаемое издание будет интересно не только специалистам-историкам, но и широкому кругу патриотической общественности.

*Председатель
Комитета Государственной Думы по обороне
А.В. Картаполов*

Уважаемые читатели!

Книга, которую вы держите в руках, — особая. Она открывает серию сборников воспоминаний участников специальной военной операции, с оружием в руках вставших на защиту нашей страны от неонацистской угрозы. Под одной обложкой собраны короткие рассказы о военных буднях, о боевых товарищах и настоящих подвигах, совершаемых нашими современниками — добровольцами из штурмовой бригады имени Святого Георгия, отрядов БАРС-2 «Боотур», БАРС-3 «Родина», БАРС-9 «Ростех», БАРС-12, БАРС-13 «Братство» и интербригады «Пятнашка». Герои книги ведут своё повествование от первого лица — иногда прямо и безыскусно, — но оттого сборник становится лишь ценнее.

Традиция сбора устных свидетельств военнослужащих была положена в августе 1941 года, когда непосредственно на фронтах Великой Отечественной войны, в ближнем тылу, а затем и на освобождённых территориях развернула свою работу знаменитая «комиссия Минца». Сегодня её материалы служат серьёзным подспорьем при изучении самых различных событий военных лет.

С 2022 года в зоне проведения СВО активно работает межмузейная группа Российского исторического общества, находящая артефакты для пополнения музейных фондов, посвященных текущим событиям. В свою очередь Максим Сергеевич Григорьев, сам проходящий военную службу, взял на себя сбор воспо-

минаний участников специальной военной операции, часть из которых вошла в эту книгу. Рассчитываю, что это издание, как и вся последующая серия, будут востребованы не только профессиональным исследователям, но и самой широкой аудиторией.

*Заместитель министра науки
и высшего образования Российской Федерации,
сопредседатель Российского исторического общества
К.И. Могилевский*

Уважаемые читатели!

В ваших руках — уникальная книга, герои которой не смогли отстраненно наблюдать за происходящим, сидя у экрана телевизора, и сознательно сделали выбор — защитить страну, семью, будущее детей и внуков.

Это непрдуманная книга. Это живые истории современников, наполненные мужской искренностью и правдой о буднях солдат на передовой. О том, как они оборудуют укрытия, чинят военную технику, собирают собственные и сбивают неприятельские дроны, штурмуют позиции противника; об обнаруженных фактах преступлений нацистов, жестоко расправляющихся с мирными жителями. От этих рассказов бегут мурашки по коже и наворачиваются слезы...

В 2025 г. Российский государственный архив кинофотофонодокументов (РГАКФФД) принял на постоянное (вечное) хранение комплекс электронных видеодокументов от некоммерческого фонда «Исследования проблем демократии» за 2015—2025 гг. Это 1039 видеосюжетов, в которых военнослужащие и мирные жители Новороссии в формате интервью рассказывают о событиях, участниками которых они непосредственно были. Видеодокументы содержат свидетельства очевидцев преступлений против мирных жителей Донбасса, воспоминания участников СВО, свидетельства освобожденных из украинского плена российских военнослужащих, допросы украинских военнопленных.

Первые сто документальных свидетельств уже размещены в электронном каталоге на сайте РГАКФФД, доступны для пользователей архивной информации. Работа по дальнейшему приему таких ценных документов и их введению в научный оборот продолжается.

Без документальных свидетельств и представляемой вниманию читателя книги невозможно представить национальную память России.

Руководитель Федерального архивного агентства
А.Н. Артизов

ВСТУПЛЕНИЕ

Перед вами первая из серии книг «История СВО. Воспоминания участников». Эта книга содержит в себе воспоминания участников специальной военной операции — добровольцев.

Они рассказывают о боевых операциях, в которых лично участвовали. Дают свои оценки подразделениям врага, сравнивают их действия в разных ситуациях. Анализируют, какая наша техника и тактика эффективная, а какая — нет, рассуждают, как меняются боевые действия. Почти все они награждены, и они подробно вспоминают, за что именно получили свои награды.

Но они рассказывают не только о конкретных боевых операциях и их результатах, но и о том, что думают и что чувствуют их участники, оценивают мирное население освобожденных населенных пунктов, упоминают о случаях зверств киевского режима. Они вспоминают и о том, как бороться со страхом, и дают советы будущим участникам боевых действий.

Далеко не все из них до контракта имели опыт боевой работы, а многие даже не служили срочную службу. Они родились в разных регионах, учились разным профессиям и работали на разных работах. Не всех из них поддержала семья и их окружение, но каждый из них — доброволец, который самостоятельно принял решение участвовать в СВО.

То, что вы прочитаете в этом издании, — живые свидетельства того, что не попадает в боевые сводки

и официальные документы, но не менее важно для понимания духа нашего времени и тех людей, которые решили для себя, что не могут оставаться в стороне, когда этого требуют интересы страны.

*Директор Центра истории специальной военной операции,
член Общественной палаты Российской Федерации,
участник СВО
М.С. Григорьев*

БАРС-2 «БООТУР»

Позывной «Простой», командир БАРС-2 «Боотур»

Вообще наш отряд, как и все большинство добровольческих формирований, занимается обороной. В данном случае у нас второй эшелон, линия обороны, купянское направление. Мы защищаем поставленные рубежи и обеспечиваем в случае прорыва, ухудшения ситуации подмену первого эшелона, в том числе и утративших боевую способность подразделений. Вместе с тем также обеспечиваем охрану и тех рубежей, которые сзади нас находятся. Но сейчас какой эшелон — понятие размытое. Очень война изменилась, и практически некоторые наши позиции второго эшелона, они соприкасаются с первым эшелонам, сидят совместно со штурмовиками в одних траншеях от Минобороны. Вместе ведем работу, вместе помогаем друг другу и по разведке, и по применению БПЛА, отрабатываем совместно по многим целям.

У нас в отряде есть подразделение БПЛА, подразделяется на ФПВ-отделение и на «мавики». Отрабатываем. Также есть у нас артиллерия. Гаубичная артиллерия у нас Д-30. Два расчета. Два орудия работают. На сегодняшний день по нашему направлению дивизия особо отмечает именно работу нашей артиллерии.

Весной была контратака со стороны противника. Принимали участие в обороне, и наша артиллерия поразила цели, помешала противнику развивать

наступление. Сейчас у нас артиллерия отрабатывает по целям, которые получаем в том числе от наших союзников. Это пункты БПЛА-расчетов, это опорные пункты, это где можем обнаружить тяжелую технику, в лесополках спрятанную. По всему этому у нас попадания идут именно из наших расчетов сразу со второго и третьего выстрела. Прямо в цель.

То есть не подавление, а именно поражение. Несколько раз отмечалась работа нашей дивизии в положительном аспекте. Команда слаженная работает сейчас в артиллерии. Вырастили своих наводчиков очень грамотных. Ребята работают и заряжены на достижение результатов. Сейчас, конечно, основная стрельба идет по целям. Беспилотники находят их, видят, отслеживают. Результативность отслеживают.

У нас бывают союзники, сами цель отслеживают, попадание в эфир. Либо когда свои глаза работают, тоже своими глазами пользуемся. Тут еще отметить, наша артиллерия научилась за это время боеприпасы сами укомплектовывать, то есть снаряжаем сами заряды. Когда нужно полный заряд, когда нужно ползаряда.

У нас практически две лаборатории. Лаборатория у нас при подразделении БПЛА, где мы полностью переукомплектовываем те птички, которые поступают для того, чтобы они достигали цели — частоты и так далее, чтобы входить. Ну и лаборатория РЭБ. У нас лаборатория, где РЭБ, которые покупают, берем, сами переоснащаем. Все устройства вручную, ребята сами все собирают. Ну, приобретаем, конечно. У нас от Республики Якутия помощь идет. Отношение руководства республики серьезное на помощь всем участникам специальной военной операции. Ну и в том числе и добровольческим формированиям. Никак не обижены в этом плане и спецтехникой.

Поставили нам «Сокола» — это большие болотоходы. Квадроциклы, но большого размера. Специальные шины с грузоподъемностью хорошей. До 8 человек на одном. Здесь после дождей бездорожье, у нас периоды есть, когда, кроме болотоходов, в принципе, по линии фронта другая техника и не может проходить. «Уралы» застревают, ну а с помощью болотоходов мы в принципе все и снабжение формируем.

У нас производят FPV-дроны сами. Хатой называется, поставляют от республики. Есть свои печи для блиндажей. Я уже не говорю про маскировочные сети, гуманитарная помощь, питание дополнительное. Хотя питание в принципе у нас сейчас в армии очень хорошее, но всегда приятно из дома вкусности. Ребята всегда благодарны, когда сезон охоты бывает, нам отправляют рыбную продукцию и так далее.

К нам не приезжают сырые люди, которые не знают, что такое тактика военных специальных действий. Все изначально обучение проходит в Якутске. У нас месяц-полтора каждый боец проходит первоначальную подготовку на базе учебного центра. То есть я вот сам, даже не будучи военным, сам проходил эту спецподготовку. Когда мы уже попали на полигон в Кадамовке, где казачий лагерь, то в принципе мы просто подтверждаем тот навык, который уже имеем. Инструктора с нами на равных беседуют, видят, что мы уже подготовленные. Наши ребята уже фактически владеют и оружием, и физически подготовлены, и тактически имеют навыки. Это очень сильно, допустим, сказывается и на сплочении отрядов. Ребята там уже за месяц-полтора подготовки настолько спланиваются, дружелюбные, здесь уже отработывая на местах, уже намного проще. Все свои здесь встречают. Во-первых, это все преемственность идет. Нет такого, что кто-то отдельно обучался, учатся

все вместе. Кто-то чуть раньше выезжает и встречает уже вновь прибывших. И вот так вот из отряда в отряд идет, как конвейер, колесо и друг друга все знают. Кто-то просто не попал в список первого отряда, допустим. Чуть позже поехал, но тренировались они все равно вместе, их все равно все здесь ждут. Поэтому у нас здесь в этом отношении очень дружный коллектив, все работают вместе.

За время СВО несколько тысяч из Якутии уже прошло через отряд. Возраст в среднем где-то 35—37 лет. Потому что у нас есть и 22-летние, и 20-летние, и 21-летние ребята приходят. Есть и уже под 60.

Мотивация понятна — мужское у всех внутри сидит и отдать долг надо. Кто-то приходит и даже на полгода с определенной целью — пришел, я, говорит, обязан был, чувствовал, что надо. И себя где-то проверить в какой-то степени и перед своими родными, детьми и так далее, чтобы стимулировать их патриотическим чувством, как правильно должно быть вообще. Каждый должен отдавать, ситуация в стране, которая требует.

Я сам с 1922 г. помогал финансово нашим на СВО, какую-то гуманитарную помощь. У нас же много тех, кто собирает средства все время для фронта. В разных телеграм-каналах сборы объявленные, сидишь, все равно переживаешь за это. Потом этого считаешь, что недостаточно уже, видишь, переживаешь, как в моем случае было. Решил все-таки сам поехать. Пришел, переговорил с кадрами, но мне сказали, у нас не получится. Только через увольнение. Ну, думали, что я останусь, потому что как-то немножко несуразно было. С неплохой, так скажем, с высокой должности человек вдруг ни с того ни с сего и хочет поехать. Меня коллеги не поняли. Но я загорелся поехать, поэтому уволился специально. Тем не менее сейчас позвали

обратно. Потому что опыт работы есть. Когда вернусь, могу продолжить службу. Пока я считаю, что пользу я должен здесь больше принести. И когда пошел, уже поступило предложение возглавить отряд. Сомнений не было. Сейчас дослужу, поеду обратно, годовой контракт.

У нас есть Герой России в нашем отряде. Первые добровольцы, которые были здесь изначально с 1922 г., они практически все не только участвовали непосредственно на передовой в стрелковых боях и отражали атаки, но и сами штурмовали, отбивали населенные пункты. Это было в 22–23-м гг.

У нас Колесов — герой. Он у нас первый герой, который получил. Он вывел отряд, когда попали в засаду, в окружение. За что и был представлен к званию Героя. У нас есть кавалеры и орденов Мужества. Предыдущий комбат, «Злой» позывной, участвовал непосредственно в штурмах населенных пунктов, выводили мирное население.

А недавно с нашей разведкой во взаимодействии взяли цель, которую не могли быстро отработать, не достигали наши ни артиллерия, ни БПЛА. Наши расчеты смогли поразить танк, который стоял в укрытии. У нас отработали четыремя, насколько я помню, FPV-птичками. Одну РЭБ затушил и тремя мы сожгли танк.

У нас здесь по линии фронта очень много гексакоптеров, «Баба-Яга», летают. Несколько таких мы стрелковым оружием поразили. С камерой ночью. То есть у нас ребята подготовлены, когда у нас есть чем работать, мы работаем достаточно результативно. Артиллерия у нас еженедельно поражает цель, еженедельно. Это и опорные пункты противника, и живая сила.

У нас последний случай был, когда заезжала коробочка, по нам отработывали с артиллерии. К сожалению,

один боец получил тяжелое ранение, и командир роты оказал сразу же первую помощь. Практически там в шею было сквозное и спина. Тут же прилеты были. На втором прилете он сам накрыл товарища, быстренько организовал, что в укрытие ушли, и там первую помощь уже медики оказали. Быстро сработали, эвакуировали, и с парнем сейчас все хорошо.

Мы сейчас выезжаем в дневное время, поскольку в ночное время мы считаем опасно под тепловизорами это все делать. Мы оборудовали наш район связью непрерывной. Мы отслеживаем наших от пункта А до точки Б. Свою коробочку сопровождаем полностью, трансляция видео у нас идет. С камерой едет боец, непосредственно связист. Он передает в прямом эфире, мы видим картинку — где машина едет, как едет, какие все это звук, картинка, видеосигнал. К этому у нас подключены и наши РЭБ, которые мониторят ситуацию вообще по фронту, где что летит, откуда, и сразу же это передается онлайн-коробке. Коробка сразу же, соответственно, где-то останавливается, где-то в укрытие может стать. На коробочке экранист с РЭБом у нас едет. Есть стрелок обязательно. Экранист ловит видеосигнал FPV противника. И есть стрелок с ружьем, который может отстреливаться. Это обязательно и при завозе бойцов, и при подвозе продуктов, и боеприпасов — на всех задачах.

Позывной «Рекс», командир взвода БАРС-2

Первый раз я на СВО пришел в ноябре 2023 г. Записался добровольцем, прошел подготовку, и в составе «Ботур-9», в составе 44 человек, мы прибыли на СВО. Я был назначен старшим группы, так как имею боевой

опыт. Ранее участвовал в контртеррористической операции на Северном Кавказе.

Я всю жизнь спортом занимаюсь, с детства борьбой, потом ушу, бои без правил, кикбоксинг. Неоднократно был чемпионом и республики, и в рукопашном бою, когда служил в спецподразделениях МВД Республики Саха (Якутия).

Потом демобилизовался, устроился в органы внутренних дел у себя в Якутии. 23 года отработал в системе МВД, и в звании майора ушел на пенсию. Устроился в военный комиссариат республики по военно-патриотическому подготовке. А после начала специальной военной операции я позвонил военному комиссару в Якутск, и он мне предложил должность начальника строевой части, военного комиссариата республики. И с тех пор я работаю и по нынешнее время, являюсь начальником строевой части, военного комиссариата Республики Саха (Якутия).

В 2022 г. комиссар не хотел меня отпускать, но я уже настоял. Не могу сидеть. Всю жизнь везде участвовал, ездил. Подошел, говорю: «Товарищ полковник, не могу находиться здесь, пока ребята там, так как имею боевой опыт, навыки». И он мне дал добро, я написал заявление, прошел медкомиссию, прошел подготовку, прошел двухнедельные боевые слаживания, после чего мы влились в состав БАРС-9 «Боотур».

У меня второе ранение, первое ранение я получил еще на первом контракте. Когда группа выходила с легкого, попали под минометный обстрел. Я как старший шел замыкающим, и как раз между двух прилетов я и оказался. Ну и как учили, в руке всегда автомат. Как держал его, так и долбануло. Автомат не выпустил, получил двойной перелом пальцев. И, как говорится, сначала вроде бы как не замечал, а потом уже доктор подошел, я уже

ни перчатки снять не могу, у меня рука вообще разбухла. Сразу меня в госпиталь увезли, а там сразу сказали, полностью. Палец, говорит, висит, получается, в двух местах перелом. Но восстановился, пальцы на месте.

Супруга меня полностью поддерживает, она у меня тоже пенсионер МВД, майор в отставке. Она все понимает.

Сначала я зашел стрелком на рядовой должности, потом через буквально два месяца стал командиром отделения, получил ранение. Убыл в госпиталь, отправили в отпуск на месяц на излечение. Ну, короче, месяц я не досидел, через 10 дней я уже был здесь. После этого назначили командиром взвода, и вот, как говорится, постоянно на передке.

Были дни, когда тяжело было, и потери у нас были, и ребят теряли. Я всегда стараюсь быть на позитиве, всегда хожу, анекдоты рассказываю, тут подшутишь, там подшутишь. Ну, как говорится, давно с людьми работаю, как бы сразу видно, бывают такие моменты, когда людям тяжело, перегорают. В этот момент, как говорится, как командир приходишь, посидишь, поговоришь, чай попьешь там. Я всегда ребятам говорил: ребята, в себе никогда не держите. Мы один коллектив, получается, мы одна семья. Что-то у кого-то сейчас случилось, говорите. Что-то, трудности какие-то дома, тоже говорите, будем решать. Ну, так оно и было, у нас как единая дружная семья. Получается, у нас батальон большой, но мы, как говорится, все братья здесь, мы друг за другом.

Люди разные у нас служат, есть педагоги, врачи, просто ребята с гражданки, у которых даже не было боевого опыта. Есть люди, которые до этого не служили в армии, но у них есть стремление, патриотизм, стремление послужить Родине. Вот они сами приходят, так же, как и я, проходят подготовку и прибывают сюда.

И по направлениям. Есть ребята, которые до этого вообще оружие не держали. Есть ребята, которые по компьютерам сильные. Кто по электрике, водители. У нас у каждого свое направление. У нас, как говорится, нет таких моментов, чтобы человек без ничего, ничего не умеет и он не нужен. Такого у нас нет. Человек приходит и всему обучается здесь, на месте. Как говорится, в боевых порядках, получается, на боевых позициях мы всему обучаем. Я, когда стал уже командиром взвода, я всегда, получается, днем 3—4 раза посты проверишь, ночью проверяешь, постоянно хожу, проверяю.

У нас есть молодые, есть и 21—22 года кому. Есть, у меня были ребята 58 года рождения. Они приходили, их не брали, но они настояли, жаловались, и их все равно сюда отправили. Такие люди крепкие, старой еще закалки, они крепкие вообще, у них стержень есть, и они никогда у меня не отлынивали. Надо выйти куда-то, квадрат отработать — они идут наравне с молодыми, с оружием, полные БК, продукты, горючка, радиостанции, блоки питания, батареи — мы это все на себе всегда тащили, и они никогда в стороне не остаются.

У нас в основном все охотники с Якутии идут. Жилка есть, по тайге лазают. Знаете, есть такие люди, которые даже фору молодым всем дадут. Они впереди всех несутся и на себе несут все. У нас нет такого, чтобы кто-то что-то один делает. Мы дружно все. Надо что-то сделать, надо окопы копать — все, без проблем. Вещи уложим, охранение выставляем, копаем. Надо куда-то сходить за водой, за продуктами, за БК съездить там или же сходить квадрат от работы проверить — сегодня идешь ты, завтра ты, ты на прикрытии.

Вспоминаю, в 2023 г. зашли на «Запятую», с «Тарасовки» зашли на «Ягодку», с «Ягодки» на «Запятую», с «Запятой» на «Легкое». Это все название позиций.

На тот момент батальон у нас стоял в закрепе на «Запятой». Расстояние позиции было где-то примерно 400 метров. Справа «Волки», слева «Фениксы» стояли — это позывные подразделений, — а мы посередине. Получается, справа лесополка, слева лесополка, а между ними поле. И мы вот на этом поле закрепились и стояли. И получается, до противника было 300 метров. Просто поле открытое. Мы стояли как раз напротив железной дороги. И что запомнилось, это, наверное, первые наши небольшие потери. У меня был боец по позывным «Алтай», тоже бывший сотрудник силовых структур, майор отставки, тоже он в составе моей первой группы заходил. На «Запятой» после обстрела минометного он получил ранение руки, получается, часть кости вырвало, вот тогда людей-то сразу видно было. Никто не замечался. Сразу же мы его тащили в блиндаж. Ребята сразу там уже, как по тренировке, то, что проходили в Бютур-центре. Кто-то жгут натягивает, кто-то броню снял, быстренько каску утащили, носилки поставили, его положили, жгутом перетянули, повязку, все наложили. Сразу же, тут же вышли на связь с батальоном, сказали, эвакуация, коробочка вышла, мы тут же схватили на носилке вчетвером и ребята тоже рядом шли, по переменке вынесли. От «Легкого» до «Запятой» было метров 400 по пересеченной местности, где-то по открытке. Схватили, побежали, а потом, когда уже пришли, загрузили его в «Сокол». Врач прибежал, его принял, все, и его отправили в госпиталь. «Сокол» — это транспортное средство, на котором мы передвигаемся. Получается, это как болотоход. Где «Урал» не пройдет, «Сокол» ползет». Вот мы на них вообще молимся, вот они у нас есть, мы на них и ездим.

Большая благодарность жителям республики, руководству республики. Общими силами собирается

гуманитарная помощь, республика поставляет оборудование нам, получают те же ночники, коллиматоры, ретрансляторы, средства радиосвязи, брони, броня — это все оттуда. Одежда, которую мы получаем, также из республики тоже отправляют. Ну и большое, как говорится, спасибо сказать нашим матерям, женам, сестрам, братьям, которые всем этим занимаются. У нас очень, как говорится, развито это. Очень много пунктов, где шьют маскировку. Вот когда даже мы туда приезжаем в отпуск, они нам всегда: «Ребята, возьмите, возьмите». Конечно, мы летим на самолете, мы много тоже взять не можем. Мы просто собираем груз и отправляем сюда ребятам.

Но все равно, когда даже в отпуске бываешь, едешь сюда, посылки, письма со школ берешь. Дети пишут солдату с пожеланиями.

А противника недооценивать нельзя. Оснащенные они, конечно, хорошо, но и у нас тоже неплохо. Мы уже подстроились под ведение боевых действий. Дронов много, но мы их сбиваем. Артобстрелы идут, но мы уже люди привыкшие. У нас линия обороны, все построено: блиндажи, землянки, места эвакуации — тоже все доработали.

Я так скажу, нет людей, которые ничего не боятся. Страх есть. Все боятся, что домой не вернешься. Я когда уходил, мне племянница говорит: «Дядя Гриша, может, все-таки хватит? У тебя уже 2-я война, уже 3-я командировка на 2-ю войну. Два ранения получил, ну сколько можно?» Я говорю: «Саша, извини, но я так не могу, когда в этот момент там погибают люди. Я как офицер, так как меня воспитывали мои родители, я всегда за справедливость».

Вот я работал в военкомате, военном комиссариате республики, но пришел момент, я встал и пошел.

Позывной «Уран», замполит первой роты БАРС-2

Иванов Борис Петрович, позывной «Уран». На СВО я свой боевой путь начинал в ноябре 2022 г. Это мой первый боевой опыт был. Я работал газовиком у себя. Зарплата нормальная была, всего хватало. Но для себя уже решил, что поеду, что я свой вклад в это дело должен делать. Если останусь в сторонку, то не смогу как бы жить, простить этого. И вот пошел добровольцем.

У нас добровольцы всякие, разные люди разных профессий. Вот со мной в 2022 г. даже один бизнесмен приехал. В то время у него бизнес был, мебельным занимался. В деньгах не нуждался, просто тоже патриот. Позывной его «Эркин». Он все закрыл, свой бизнес закрыл и поехал на СВО. Раньше где-то средний возраст было 40+, а сейчас более молодые приходят. Где-то средний возраст уже упал до 30+. Самые молодые у нас и 22 года есть.

В 2022 г., когда мы сюда только приехали, нас завели в один населенный пункт и сказали держать здесь оборону. Этот населенный пункт считался стратегически важным, он на высоте, и нам с дивизией был приказ такой, чтобы мы не отходили, мы удержались на месте. Вся надежда на вас, вы добровольцы, вы идейные, с пониманием дела приехали. Короче, надеемся на вас, что удержитесь на позициях. Вот так и начинали с этой обороны.

Это населенный пункт Харьковской области, Ягодная называется. Она на высоте стоит. Если бы противник взял этот населенный пункт и поставил там артиллерию, то она могла бы далеко доставать. И этот населенный пункт был очень важен. Мы удерживали

там позиции с сентября 2022 до 2023 г., когда началось наше контрнаступление.

Изначально, когда мы заняли позиции, противник еще не отошел от идеи своего контрнаступления и пытался атаковать, зайти в деревню. Танками там накатывали, пехотой накатывали, но уже как бы ощущалось, что они выдыхаются. Контрнаступление противника уже как бы выдохалось и уже пришло осознание, что мы можем удержаться здесь. Каждым разом уже слабее и слабее накаты становились. Уже не ввязывались в такие длинные бои. Накатывали чисто для своих командиров, чтобы доказать, что они делали накат. Без энтузиазма такого они уже накатывали. Подбиваешь первые машины, уже начинают убегать, выбрасывая всех. Не сильно ввязывались.

Накат где-то, наверное, часика полтора по длительности стало. Заехали триста — четыреста метров, и мы подожгли их БМП. Сбоку у нас РПГ отработал позиция была у него скрытная, он оттуда отработал, и попал что ли так-то удачно. Они оттуда повыпрыгивали, немножко завязался стрелковый бой и уже откатились. Как сейчас БПЛА, активно не работали. У противника активно работала разведка БПЛА, наводили артиллерию, корректировали артиллерию и сбросники.

Очень страшно под артиллерией, под артобстрелом оказаться, это очень страшно. Когда танк по тебе или ГРАД — тогда очень страшно было. Но когда я сюда ехал, я себя уже как-то психологически готовил, что может быть такое, на войну иди, там не игра, и чтобы не себя перед своими боевыми братьями позорить. Я себя уже как-то морально готовил к этому. И даже когда первый обстрел, когда первый раз попали, это был танковый обстрел по позициям нашим. Мы еще не обстреляны были. Да, страх был, я испугался. Но больше

испугался, что мои друзья, боевые братья не выдержат, побегут. Даже я про свой страх забыл и подумал, что они могут побежать. И как бы уже через силу выглядывался, посмотрел, что ребята там делают. Нормальные, живые. Но, слава Богу, тоже ребята такие попались, с характером. Все выдержали первые обстрелы и уже как-то потихоньку начали к этим обстрелам привыкать. И уже даже с какого расстояния, с какой отработать, уже начали считать, понимать уже, с какого калибра работает, сколько раз они могут так отработать и потом переходить к обстрелу. Попадало рядом с нами. Ребята контузии получали. Минимальная дистанция где-то метров 15—20 было.

Был такой вот у нас эпизод один. Один танк повадился именно по нам бить, по нашим позициям в Ягодном. Мы там в подвале жили. И с БПЛА противник засек то, что мы там, уходим-заходим, ну, там постоянно висели. И этот танк начал по нам каждое утро, как бы сейчас точно не помню, с пяти до шести утра отработать. И так пять дней подряд. Ну, еще смеялся, что они, хохлы, пожелают нам доброго утра, там, типа, поздравляют с добрым утром, как бы смеялись и прятались. Но потом уже начал, как бы это, уже нам надоедать, уже как-то он уже близко уже класть начал. И командир наш ротный принял решение, что или он нас, или мы его. И взял гранатометчика, я в то время был пулеметчиком, я с ним тоже повязался пойти. И командир наш передал по радейке, что все, этот танк уже нас достал, мы идем его искать и подбивать его с гранатомета. Он передал по радейке, и вот мы слышим, танк начинает работать, газует и уходит. Оказывается, волну нашу прослушивали, и как только мы это по радейке передали, он все, ушел. И после этого он уже больше не появлялся. Да, испугался, и сразу, оказывается, волну нашу прослушивали.

Вообще нам с нашим командованием очень повезло. Командование всегда о нас беспокоится, в первую очередь о передке, — обеспечивает нас одеждой, именно сезонными одеждами, демисезонные, зимние, летние экипировки всегда у нас есть. Продукты питания. Солдат голодный не может воевать. И с питанием у нас тоже все очень хорошо поставлено. Но это все благодаря нашим командирам. Начиная от комбата, начиная заместителем командира по тыловому обеспечению. С этими у нас, по крайней мере, проблем не было. Мы не голодали, не мерзли. Одеты обуты и сытые всегда ходили.

Война поменялась с 2022 г., и сейчас, оказывается, многое зависит от БПЛА. И сейчас надо, ну это лично мое мнение и моих боевых друзей, наращивать темпы производства именно камикадзе-дронов.

Позывной «Таман», сапер БАРС-2

Я в 2023 г. подписал контракт. У меня трое детей, я за детей боюсь. Пускай я воевать буду лучше, чем они.

Первый раз, когда я подписал контракт, я семье не стал говорить. Я только по приезду на полигон сказал им, что я туда еду. Сейчас уже привыкли.

Я родился в Мегино-Кангаласский улусе, село Тюнгюлю. Там школу окончил. Потом поступил на сельхозтехникум на лесника. Отучился три года. На гражданке у меня профессия лесник была. Я лесником поработал где-то 2 года. Потом ушел на вольные хлеба.

Когда подписал контракт, командир наш, позывной Лис, сразу после двух дней на полигоне забрал меня к себе. На сапера меня готовили.

Я первый контракт отслужил в 2023 г. и домой уехал. В 2024 г. я осенью, в октябре, подписал контракт.

И тоже сразу сапером. В декабре меня ранило, хорошо, что легкое ранение. Потом, после Нового года, в январе. Ну, в конце января тоже ранение получил. Трехсотым стал. Тяжелое ранение.

Оба ранения от камикадзе. Первое ранение прилетело, осколок прилетел в бок. Второе ранение — подбили нас, когда выходили с БЗ. Трое трехсотых и один двухсотый. Медик наш, «Луна» позывной, пацан хороший, помог. В январе его задвухсотило. Жалко. Боевой. Сколько пацанов спас, вытаскивал.

После ранения я почти два месяца по госпиталям катался. Поехал домой после госпиталя весной, подлечился. И вот обратно приехал. Третий контракт подписал, обратно приехал.

Награжден был луганской «Отвагой» и госнаградой тоже «Отвага». У нас тут точка была «Легкая», враги рядом, где-то 70 метров было, и мы там минировали подходы, все минировали. Отбили несколько атак. Отстреливались. За это дали «Отвагу». Тогда это дрон-камикадзе не было, ну, было, но мало было. Не то, что сейчас, сейчас роем летят.

Сейчас все изменилась, вообще изменилась. Сейчас не видишь врага. В основном война с дронами. Этих дронов совсем много стало. Сейчас в основном эти «неразрывы» разминируем. Падают дроны — баба-ежки, эти ведьмы тоже скидывают, их разминируем. Работы хватает. Эти камикадзе тоже бывают так, они упадут и не взорвутся. Их надо обезвредить тоже.

Страх бывает после. Потом, после того как выходишь. Ну, трясет немножко, ну, уже думаешь, ну, нормально, объективно думаешь, мог взорваться. Ну, хорошо, что пока не взорвался. Сейчас разные мины делают, там датчики всякие. Мы постоянно учимся. Враги же все модернизируют, совершенствуют же.

У нас в отряде мы вместе ходим, вместе кушаем с одной миски. Вместе спим. Ну, пацаны все нормальные, все боевые. Никто не ныкается, все работают, что положено, все делают. Вот так. Обеспечение нормальное, насчет продуктов, одежды. Все есть. Ну, практически все есть, можно найти.

Позывной «Чукур», стрелок БАРС-2

Павлов Геннадий Валентинович, позывной «Чукур». Я пошел добровольцем в СВО в 2022 г. Пошел потому, что Родину надо защищать.

В 2022 г. мы лесополки штурмовали, поселки, деревни. Вместе с морскими пехотами. Однажды закрепились в окопе украинском. А через три дня уже наступление было у них. Нас восемнадцать человек только было, у них человек сто было. И с пяти утра до восьми вечера стрелялись, отбивались. Боеприпасы, все заканчивалось, но удержали, они сами отошли. Они были метров сто пятьдесят. Вот там и перестреливались. После ротации три дня на лесополке лежали, потом опять снова подбросили нас на другой район.

Позывной «Махыс», заместитель командира второй роты БАРС-2

Я с 2022 г. здесь. У меня, получается, здесь четвертый контракт будет. А на гражданке работал заместителем главы поселения Наслега. А когда-то срочку служил.

Я родился в Нюрбинском районе, село Харула, учился в средней образовательной школе. Потом, после

школы, учился на автомеханика. Потом в ПТУ пошел, землеустроителем стал. Потом в армию пошел, два года служил. Тоже заместителем командира взвода был, автомобильного взвода.

Когда война началась, я по телевизору видел. И мне хотелось участвовать — Родину защитить. Мы первый раз заходили со стороны Лимана. Потом мы в сторону Харькова поехали. Потом в Ягодный зашли. У нас боевые столкновения там были окопные. У нас много боевых ребят. До конца контракта служили вместе, есть у них боевой дух.

Я когда первый контракт отслужил, отдохнул и потом через год сюда пришел. Уже война изменилась. А раньше, когда мы воевали, там «камиков» не было, только «глаз» был. А сейчас, потом через год сюда пошел, уже «камики».

На войне страх приходит позже. Не сразу. Перестреливаешься, а потом уже боишься, когда выходишь. Прилеты бывают, потом камикадзе взрывается. Ты выходишь, а потом боишься. Выходишь, потом чувствуешь страх. После боя страх чувствуешь.

А во время боя ты не чувствуешь. У тебя же самосохранение все равно есть. У тебя адреналин играет, не чувствуешь страх. Если ты сломаешься, тебя могут убить. Поэтому ты не должен сломаться. Поэтому мы учим ребят тех, которые приходят, рассказываем, как надо действовать в боевых условиях. Главное, не надо паниковать, командиров слушаться надо. Если паника начнется, то там уже страшно будет.

Мы когда первый раз заходили в село Тарасовка, местные нам говорили: «Наши освободители». Мы их эвакуировали, всех вместе забрали. Когда дети, маленькие ребятки приходили, мы им сок, печенье, шоколадки, конфеты всем давали.

Позывной «Кэш», заместитель командира БАРС-2 по работе с личным составом

В отряде я уже год. Я в Кобяйском районе родился, в северной стороне, поселок Сегиан-Кюель. Я по национальности эвен. Я лично не работал оленеводом, но мои земляки — они оленеводы. Но я там все равно хожу, присутствую по стадам, ездим туда-сюда. Я у себя на родине в селе окончил школу, потом поступил в Северо-Восточный федеральный университет, Институт естественных наук. Срочную службу в Бурятии служил. Потом высшую школу инновационного менеджмента государственного муниципального управления закончил. В районе работал, в управлении спорта. Начальником управления спорта работал. Потом, перед СВО я в Якутске жил и в строительной компании работал.

Родственники, конечно, не хотели отпускать на СВО. Но они знали, что если я решился, то уговорить уже бесполезно. Никто даже не пытался говорить об этом — они знают, что это все равно бесполезно.

А срочную я служил в десантно-штурмовой бригаде ВДВ. После того как сейчас мобилизация началась, я лично повестку не получал. А многие мои друзья поехали и в добровольческие отряды, и в Минобороны. Находясь на гражданке, все равно следишь за новостями, смотришь за пацанами, и как-то тоже потянуло. Как-никак я в десантуре служил и меня совесть все равно заставила бы пойти.

Сейчас у нас всегда опасности с воздуха, контактных боев сейчас нет. В 22-м, в 23-м у ребят было много моментов контакта, но при мне такого не было. Мы помогаем штурмовикам. Штурмовики, когда заходят, наша артиллерия сначала работает, отрабатывает по расчетам врагов, и FPV наши тоже летают. Наша артиллерия

славится. Позывной «Айхал», командир артиллерии. Он очень хорошо рассчитывает, считает, и у него всегда очень хорошо получаются прямые попадания. И ребят научил уже, и наш артиллерийский расчет, все они отлично работают на Д-30.

Наш отряд, когда цели находит, отрабатывает по этим целям сам. И еще дополнительно нам соседи дают цели, и дивизия дает цели, и по этим тоже мы отрабатываем. Нам дают координаты, и прямо по ним работаем. И удачное почти всегда попадание.

В артиллерии же считается, что попадание, когда в радиус поражения от цели. Они же это попаданием считают. А наши артиллеристы попаданием считают, когда прямое попадание у них. Если в блиндаж цель, надо в блиндаж прямо попасть, и они попадают так. Даже два раза по одной и той же цели бывает попадание. И эфпи-вишники наши тоже хорошо летают — техника, танки.

У нас в отряде добровольцы от 18 до 70 лет. Бывают и около 70. Не скажешь по ним, что 70, они бывают поживее, чем молодые. Это оленеводы, охотники. У них же образ жизни такой, в тундре, в горах, там всегда ходят, оленей пасут, они как бы привыкшие к таким нагрузкам, и им тут легко, не тяжело. Привыкшие они люди к северным условиям, экстремальным, и здоровье позволяет. Есть профессиональные кадровые охотники, которые в республике у нас. По факту все охотятся. Это сезон охоты, круглый год, можно так сказать. Которые находятся в батальоне у нас, почти все охотники. И все охотятся у нас, любят на уток охотиться. Теперь ребята наши дроны ищут, чтобы стрелять. С ружьями, с автоматами, с дробовиками.

Обеспечение в нашем батальоне очень хорошее. Нас и Минобороны РФ обеспечивает, и республика Якутия обеспечивает. Одеждами, продуктами, оружием,

техникой. Для работы достаточно. Дополнительно еще с республикой очень помогают наши земляки.

А местное население на лицо, конечно, все они приветливые. Но исходя из истории, я бы не доверился бы. Они же так же с хлебом и солью будут кого угодно встречать, кто к ним придет.

Бывает ли страшно? У всех бывает, наверное, страшно. Я хладнокровный по натуре. И я как-то все воспринимаю как есть, отталкиваюсь от ситуации. Просто преодолевать этот страх нужно, я считаю. Просто идти и делать. Просто надо делать то, чему учили на автомате. Не надо стоять, тупить, время тратить. Паниковать ни в коем случае.

Позывной «Ямпа», снайпер ПВО БАРС-2

Я — снайпер ПВО, ночью охраняем. Сбиваем в основном «Бабу-Ягу» и мелкие иногда, и крылья тоже сбиваем. Я лично четыре «Бабы-Яги» сбил, не один, конечно.

Почему пошел в СВО? Патриотизм, советское учение, на срочке служил в спецназе. А родился в Якутии, Вилуйский район, деревня Хампа. И позывной «Хампа». И учился в школе там, потом уже в высшее, в Якутск переехал, потом и так остался. Биологическое высшее. Я сейчас работаю в университете младшим научным сотрудником. Животных изучаю.

Когда на СВО пошел, с женой вопрос был уже заранее решен, потом уже, когда дошли, она уже все знала. Сказала: ну, езжай, все, раз так надо. А дети маленькие. Старшей только 12. Трое детей. Сын — первый класс, младший — два года. Родители — пенсионеры. Отец — водитель, а мать — медсестра.

В БАРСе у нас все сплоченные, в беде не бросают. Если что надо, то надо до конца идти. Мы в закрепах были, эвакуациям всегда помогали, раненых вытаскивали.

У нас, так называется, это надо делать, надо идти. У нас же с детства такое, в Якутии. Вот сезон там короткий, ты что-то должен работать, и это надо закончить в этот срок. А не успеешь, и все. Приготовить все там на зиму, короткий срок надо. Дрова летом, сенокос тоже короткий срок надо. В определенный момент надо быстро делать. Этому трудолюбию нас научили, и здесь надо делать все. Без задних чисел идешь и делаешь, что говорят и так.

Мне проще, я более такой... Спортом занимался, марафон бегал. Ну, страшно... Трясутся, но надо делать. Адреналин там тоже есть, и ты давишь его, не оцепенеешь, а это уже адреналин. Как-то подавляешь и действуешь. Надо действовать. Если не ты, кто еще? Вот так.

Наш отряд хороший, все сплоченные. Кто тоже боялся есть, но все равно как в семье, все равно учатся они. Все достойные, я так думаю. Все должны в свое место там работать, свои задачи исполнять. Мы же сами решили сюда приехать. Мы деревенские, неприхотливые, у нас все есть. Некомфортно, мы не умираем, это нормально все. Еда есть — хватит.

Кто остался на гражданской жизни — пускай живут. Это их выбор. Но они не почувствовали это. Хорошие жизни жили, это не видели, что мы здесь видим, чувствуем.

Позывной «Кулук», командир взвода БАРС-2

«Кулук» по-русски значит «тень». У меня четвертый контракт уже. Я — патриот, мои земляки были уже тут, и знакомые были. И я подумал: почему мне тут

не быть? У меня воспитание такое. Отец — пенсионер МВД, мать — учительница, пенсионерка тоже. У нас по линии отца — семейная династия. У нас родных трое, все в погонах работали, брат работал, сестра тоже действующий сотрудник. Я в уголовном розыске работал в городе Якутске. Отец с детства меня воспитал на охоту всегда на тяжелую. Воспитывал.

В прошлом году, когда мы были в Кременной, я там ранение получил. С Харьковской туда отправили нас. Командир меня позвал и сказал: «Помоги дорожку почистить». Я в это время как раз был на ротации. Он попросил, и мы пошли, вот все очистили и на mine взорвались вдвоем. Ногу поранило. В этот день сперва мы с Лисом получили 300. И после нас «Зулус» задвухсотился на минометке. Мина прилетела.

Из наград у меня есть луганские медали есть. И есть две медали за отвагу. Ведомственная есть — медаль «Воин-доброволец» и государственная «За храбрость» второй степени и орден Мужества.

Мужество в третий контракт мне дали. За то, что девушку спасли, эвакуировали. Мы тогда с ними были в соседней лесополке. Мы связались, поговорили. Она сказала, что завтра мы выходим на эвакуацию и можете нас встретить. А мы сказали, что, конечно, встретим. И, короче, мы поехали до Щуки. Пришли, и там их до десяти часов, их до утра не было. Мы разволновались и спросили у медиков, у вояк. Они сказали, ваша девочка задвухсотилась. Минометка, прямое попадание, сказали. Потом нас позвали, ваша землячка, оказывается, жива, сказали. 300 — ранение на минометке. Я сразу вышел на связь с командиром роты. Сказал, объяснил, что такое было, так, так, так, так было. Он мне сразу, не думая, сразу сказал, давайте, мужики, помогайте, как можете. Ты сам посмотри, ты опытный, сам разрули, сказал.

Принял приказ и вместе вот этими медиками зашел. Нас сперва четверо зашло, вытащили с лесополки, с «Краба» девушку, у нее позывной «Питон». Все организовали, все оперативно, профессионально все сделали, без потерь все вытащили. Она тяжелая была. Когда вытаскивали, танк врага стрелял по нашим ребятам. Прямой танк работал. Хорошо, что без потерь, без происшествий вытащили. Вытаскивали где-то минут 45 по открытке. Там очень большая открытка была. И вот хорошо, что без потерь нормально вытащили. Снаряды очень близко прилетали. Хорошо, что рэбовцы были, останавливали камикадзе. Эвакуационную машину встретили ребята и девушку передали им. Она сейчас уже жива-здоровая, дальше служит.

В отряде у нас очень разные люди, даже пенсионер МВД есть, учителя есть. Сейчас у нас очень много стало молодежи в отряде. А самый старый боец «Палыч» — ему где-то 68; около 70 бывает. У него контракт уже второй, продлил. Он очень энергичный, охотник, сам с севера. Некоторых молодых ребят вообще вставляет он по физике. Лучше молодых даже.

Обеспечение у нас очень хорошее стало в последнее время. Раньше тоже было хорошее, никто ни на что не жаловался. Но каждый год все лучше становится. Интернет вот уже есть в каждом блиндаже. Раньше Интернет только у связистов был.

Противник очень активен в небе. У них очень много камикадзе, ягобаб, ведьм. Глазка 24 на 7 работает, висит. Когда стреляют наши, и сразу, без пяти минут, ответка летит. С «Бабы-Яги», «Ведьмы» вот на дороге выкидывают разных мин магнитных.

Во время стрелкотни не боишься, а после этого вечером сидишь, ужинаешь, когда успокаиваешься, вот тогда вот уже бывает. А второе ранение я получил на камикадзе — осколочные.

А родной мой старший брат тоже служил, мы вместе служили. Позывной «Бас-Бас». Он на разведке. Два раза был тоже на контракте. Недавно вон дембельнулся. А я на пехоте.

Позывной «Гермес», командир взвода БПЛА БАРС-2

Я — командир взвода БПЛА добровольческого отряда БАРС-2 «Боотур» Республики Саха (Якутия). Служу, уже второй год пошел, третий контракт.

Родился в Республике Саха (Якутия) в городе Алдане, там детство мое прошло, школу окончил, поступил в Якутский государственный университет, сейчас он называется Северо-Восточный федеральный университет. Получил высшее образование экономическое. Потом в армию ходил, служил в 14-й бригаде, специального назначения, которая сейчас вот себя уже славой, наверное, покрыла бессмертной тут, на полях СВО. Подготовка у меня была, я бы сказал, нормальная, я горжусь ею. После армии устроился в МЧС, в противопожарную службу федеральную, там отработал и приехал сюда.

Родственники с пониманием отнеслись к моему выбору. Я с родителями поговорил. Попросил их понять. Мой выбор уважать. И с пониманием отнеслись.

А пошел я в СВО потому, что не мог оставаться в стороне. На работе у меня бронь была. Я несколько месяцев обдумывал. Не давало покоя мне то, что вот ребята на защите интересов Родины стоят, а я нет, неудобно себя как-то чувствовал. Было внутреннее ощущение, что ребята там занимаются чем-то таким важным, а ты сидишь дома. Это все и побудило пойти.

Добровольцы — это люди, которые приняли для себя внутреннее решение и пришли добровольно помогать на СВО, чтобы что-то дать, внести какой-то вклад в общую победу. Неважно, как он это сделает. Главное, что он это делает по зову сердца, души. Из идейных соображений, из чувства патриотизма.

В учебке прошел обучение на БПЛА. У меня стремление изначально было на БПЛА попасть. Приехал и сразу попал в отделение БПЛА. И все, с тех пор, получается, нахожусь в этом подразделении. Начинал с рядового оператора FPV и вот сейчас являюсь командиром взвода БПЛА.

Мы и под камики врага попадали, и под прилеты попадали. Моментов много было. У нас и 300-е были в подразделении, и 200-е были в подразделении. Из «Хаймера» самый тяжелый был прилет.

В БПЛА полеты занимают совсем маленькую часть всей службы. В основном это поиск позиций, подготовка оборудования, обслуживание оборудования, изучение оборудования. БК тот же самый. Разведка, выискивание мест, откуда можно работать. Основную часть занимают подготовительные работы непосредственно к вылетам. Задачи разные были. Два танка поразили — это из крупных целей. На первый танк вылетов 5—6 было. Ну и вот крайний танк, тоже месяц назад тоже туда вылетали раза четыре или пять. Сожгли.

Позывной «Балун», ВРИО замкомбата по боевой части БАРС-2

В данное время я служу временно исполняющим обязанности замкомбата по боевой части. Родился в Республике Саха (Якутия), в Усть-Майском районе.

Потом выучился на комбайнера, я сам механик по образованию. В первый раз женился, разошелся, две дочери. Второй раз женился уже на женщине с двумя детьми. Ну, они маленькие были, конечно. Я уже их вырастил. Они уже сейчас у нас большие. У меня от старшей дочки трое. Две внучки и один внук.

Всю жизнь занимался охотой, рыбалкой. В алмазной сфере работал, в геологии работал. И по своей профессии — водителем.

В СВО я сразу понимал, куда я поехал, тем более я приехал добровольцем. У меня два деда воевали и оба вернулись в 1948 г. Дедов в обиду не дам, сам как бы за деда. Я вообще патриот своей страны. Очень люблю Россию.

Когда заходил, я приехал по делам в город Якутск. Если правду сказать, я вообще не по делам приехал, я уже осмысленно приехал, что война началась, надо все-таки помочь стране. И вот решил, никому не сказав, я приехал на СВО. Через три месяца прохождения службы только мои родные узнали, что я на СВО.

Отец сразу сказал: «Я горжусь тобой». Все. Мать сказала: «Вернись живой». Все. Ну а жена, естественно, плачет. Но потом уже привыкли. Как бы уже все нормально.

В 22-м г. я заходил как снайпер. Заходили в ноябре, было тяжело, начало войны все-таки было. И меня как снайпера взяли, у нас пятеро снайперов было. И как отличника, хорошего снайпера, меня забрали в разведку. В разведке я дослужился до командира отделения. Через две недели сделали меня командиром отделения. Через месяц сделали меня уже командиром взвода разведки. Через два месяца я уже стал заместителем командира разведки отряда.

За три года боевой службы очень много знакомств, очень много подразделений всяких разных. И на войне,

как я считаю, без знакомства вообще боевые задачи ставить очень трудно. А я как разведчик должен знать, кто у меня сосед, кто слева, кто справа, кто сзади, ну и, естественно, кто спереди. Очень много было обстрелов в 22—23-м гг., очень много двухсотых, трехсотых, мы их вытаскивали. Я очень много вытаскивал их, почти сотню с лишним человек вытаскивал я с передка раненых. И очень многим помогал психологически. Просто я как сам таежник в тайге, ты с медведем встречаешься, с сохатым встречаешься, бывают осечки. И тут, на войне, это очень-очень мне пригодилось.

Вспоминаю, мы заходили в лесополку вшестером и попали на наблюдательный пункт противника. И вот началась стрельба. Там контакт прямой, 50 метров расстояние. Но мы уже знали, где они лежат, потому что у нас тогда птички были уже свои. У меня в разведке два коптерщика было. А без коптерщика, конечно, дело было бы плохо, кончилось бы. Они заранее нас предупредили, сколько метров оставалось, и конкретно, сколько количество противников выскакивает из-под земли, из-под окопа. И вот мы уже знали все и вышли без потерь вшестером. Лесополка между Ягодной и Ивановкой Харьковской области. Когда заходили, сразу минометчиков мы предупреждали, квадрат им отработывали. Мы как разведка заходили. И выскочило несколько десятков хохлов. Рядом с ними блиндажи, видать, оттуда они и выскочили. Мы вели с ними бой, приказ при столкновении был откатываться.

Психологический страх люди по-разному воспринимают. Я, например, один сюжет помню очень. Когда человек не понимает, когда во время полета человек замыкается, оказывается. Вот это я тоже заметил. Он не может разговаривать, он не может шевелиться. Просто сидит тупо и вообще ни на что не реагирует.

Я вот это видел и этого человека я в чувство привел. Четыре часа разговаривал я с ним. Он сидел в подвале, я ему две кружки чая даже, горячего, теплого. Уже довольно холодно было. Уже как раз зима. Декабрь, январь месяц. Вот разговаривал, разговаривал, разговаривал. Он потихоньку начал в себя приходиться. Говорю, ну ты же понимаешь, куда ты пришел. Надо себя держать в руках. И все, и нормально. Потом он дослужил нормально.

Когда я был командиром отделения, как приказ, в машину прыгаешь, там быстренько доезжаешь. В любой момент может прилететь. Ты же не знаешь, что случится. И вот этот страх просто убираешь и просто задачу выполняешь конкретную. Например, тебе поставили, там, задачу вытащить 20 человек 300-х. И это постоянно, каждый день.

Снайперами у нас выдавали СВД и обязательно ПСО. Но мы сейчас ПСО почти не используем, потому что сейчас у нас в основном работа в темное время суток. Сейчас просто ставим тепловизор. Обычно с СВД, начиная с 400 метров, уже можно работать. Потому что прицельная дальность для СВД, я думаю, 400 метров — это вообще в копеечку. Сейчас вот эти сбросники, как мы их называем, «баба-ежки» и «Ведьмы», они сейчас в данное время прилетают с двумя камиками, с ночниками. И как бы они должны тебя не видеть, надо, чтобы у тебя антидроновый плащ был. Против тепла, чтобы они тебя не заметили. И вот когда они идут с двумя перекрывающими, это очень трудно делать. И стараешься их пропустить и работать уже сзади. Когда начинаешь работать спереди, они уже тебя заметят.

Когда первый выстрел взял, они уже вспышку увидят на тепловизоре. И вот поэтому мы сейчас стараемся пламегасители ставить уже. Но с пламегасителями я не очень дружу. Баллистика очень сильно меняется,

разброс очень большой. Сантиметров 10—15 уже раскидывает. И поэтому обычно стараемся, у кого глушак, пламегаситель, работать напрямую. Я стараюсь обычно пропускать и уже потом стараюсь работать. Или находим такие позиции, где они постоянно закидывают, скидывают. И в эти позиции мы снайперов туда пускаем. И вот они охраняют эту позицию, полностью лесополку. Когда туда пролетает, уже отрабатывает по нему. Бывает, один сброс сделает, бывает, два сброса. Ну и уже сбиваем его. И иногда сбиваем сразу на подлете. Но здесь очень открытая местность и постоянный ветер. Если не учитывать ветер, то реально не попадешь. По противнику максимальная дальность, что я работал, — 720 метров с эсвэдэшкой в темное время суток. Снял бэпээлашника противника, который с поля выпускал птицу. Главная работа снайпера — дыхание. Плохо, если у тебя дыхалки нету, если ты не успокоился и ты не держишь экстренных случаев, когда в тебя стреляют. Ты с дыхалкой должен потренироваться. Задержка дыхания. Там есть несколько упражнений, и можно заниматься. На долгое держание, на долгое выпускание.

Обычно же, ну, снайперов как учат? Обычно ты лежишь на тире, там, отрабатываешь. А когда в тебя прилетает 80-ка, 120-ка, еще стреляет пулемет, еще накладывает все это дело, ты максимально должен быть в психологическом стабильном состоянии, чтобы выполнить задачу. Ну, хотя бы прикрыть своих. Снайперское дело — это же прикрытие в основном своих, которые отстреливаются.

По сравнению с 22-м г. у нас оснащение очень, конечно, сильно изменилось в хорошую сторону. Минобороны, конечно, я хвалю, что у нас все есть.

У противника иностранцы есть. Мы польский язык слышали, когда в Кисловке они стояли. Английский

язык слышали, немецкий. Они обычно от стрелкового боя уходят.

На Украине людей просто взяли и голову им заморочили. Западу Украина нафиг не нужна, это все против России делается. И как бы они просто на этой земле. Просто народ, который там живет, наверное, половина, больше половины, просто их заморочили, и все. Я последних старух и дедушек с Ягодки эвакуировал 22-го года 20 декабря. Вот это число я точно помню. Потому что 20 декабря я последних мирных жителей вывез в Луганскую область.

Местные жители — нормальные, понимающие, поддерживающие есть. А есть и не очень. У нас в деревне соседка была — старушка. И вот каждое утро она меня орком обижала постоянно. Свое гнет и гнет, и все. Я даже говорю, бабушка, говорю, вы же, наверное, в Советском Союзе родились, у вас советское образование, туда-сюда. А потом, когда она заболела, я со своими медиками пришел, капельницу от давления, всякие лекарства. Смотрю, на следующий день я уже сынок стал. Разговаривает уже нормально. Ну, я ей фотографии показываю, как у нас в России хорошо. Вот как у нас вообще. И говорю же, вот даже смотря в ваши деревни, говорю, это же вообще кошмар какой-то. Все старье. Вообще ни одного нового дома нет. Все старое. Дороги все разрушенные. Походу, их просто на Украине доили, и все.

Позывной «Шаман», заместитель командира БАРС-2

Я из Республики Калмыкия, заместитель командира батальона. Я еще в 2014 г. заходил в луганский аэропорт

и там потихонечку двигался. Семья относится ко всему этому с пониманием, нормально, что долг Родине надо отдавать, что защищать Родину надо. Защищать людей, гражданское население и детей.

Орден Мужества мне дали за взятие населенного пункта малой кровью, с малыми потерями. На тот момент я был командиром взвода. Собрал своих командиров отделений, командиров групп, с ними общий план наших дальнейших действий спланировали, скоординировали, все отрепетировали. Взяли с малыми потерями, можно сказать, даже не было потерь, раненые только. В тот момент нам противостояли айдаровцы, в общей сложности в этом населенном пункте было около 50—60 человек. Брали мы 15 человек, это три группы. Каждая группа действовала по определенной своей задаче. А за отвагу мне дали, когда я один из группы выжил, когда мы брали укрепрайон, окопы, линию обороны нашего врага. Я там один остался живой и удержал до подхода подкрепления.

Когда я попал в БАРС-2, я очень сильно удивился, что Республика Саха (Якутия) так обеспечивает, не забывает, поставляет вовремя обеспечение.

Добровольцы — это неравнодушные люди, которые неравнодушны к данной обстановке, к тому, что очень много страдает гражданское население. Наблюдал своими глазами, когда гражданское население соседних, так сказать, населенных пунктов втягивали в один населенный пункт. Они прикрывались гражданским населением, чтобы, допустим, мы не могли использовать артиллерию либо тяжелую технику, чтобы не пострадало гражданское население. Поэтому нам приходилось идти в открытый бой. Гражданские были в подвалах. Допустим, многоэтажное здание, гражданское население заводят в подвал, а на, допустим, первом, втором,

третьем этаже уже находится украинская армия. Это было в Попасной, в Бахмуте.

В СВО самое важное — это стрессоустойчивость. Страх, в принципе, это двоякое ощущение: с одной стороны, он очень хорошо помогает тебе выжить, потому что со страхом у тебя усиливается инстинкт самосохранения, но также страх бывает, если с ним не бороться, тогда ты ничего не можешь, ни помочь товарищам, ни прикрыть их. Это такая тонкая грань.

Позывной «Седой», заместитель командира БАРС-2

У меня уже третий контракт. Родственники в основном поддержали. Потому что это не первая моя война. Это был осознанный выбор сюда идти.

Добровольцы — это идейные люди. Никто их не заставляет идти воевать, никто их не забирает. Люди осознанно идут.

На первом контракте был на должности заместителя комбата по боевой части, непосредственно участвовал в боевых действиях. В 2023-м у нас был участок, приданный нам для обороны, и через этот участок пытались прорваться украинцы где-то в количестве двадцати человек. У нас стрелковый бой продолжался в протяжении 8 часов, и ни один противник не прошел через наши позиции. Этот бой запомнился. У нас линия обороны была окопная. Мы держали длинный участок и противник пытался прорваться через нас. Видимо, хотели группой зайти и с тыла ударить по нашим основным силам. Разведка вскрыла. Тем, что было, тем и отбивались. У нас стрелковое оружие было и минометы, и АГС, и «Корды».

Позывной «Керемес», начальник штаба БАРС-2 «Боотур»

У меня уже третий контракт. Раз взялся, надо служить до победного, до самого конца. А до СВО я был монтажником на газомagистральных сетях. Прошел у нас в Якутске есть центр именно подготовки бойцов. В СВО за полтора года прошел от рядового стрелка до начальника штаба батальона.

Однажды у нас была позиционная линия. И прилеты, это и танк по тебе работает, и минометы работают, и ствольная артиллерия, и АГС работает. Тут надо правильно оборудовать полностью свои позиции, и межкопные щели, и «норки». У нас все было оборудовано правильно, и вот за счет этого у нас не было убитых, ну 300-е, конечно, без этого не обойтись, было много осколочных ранений у ребят. У нас была именно определенная задача — держать свой определенный участок. Ночью украинские дээргэшники. Конечно, по нам постоянно и пулемет работал тяжелый, крупнокалиберный, ну и АГС много постоянно работал, 82-е вот эти тоже постоянно кошмарили. Ну ничего, ребята молодцы. Миномет слышно, как работает, уже понимаешь по какому азимуту они начинают работать. Вот, например, там где-то выход, сейчас примерно уже знаешь, по какому они будут работать. Уже со временем опыта набираешься.

Отряду очень большую поддержку республика оказывает. Снегоболотоходы, которые нам республика выделяет. Если бы не было этих снегоболотоходов, я не знаю, как бы мы на позиции возили бы и провизию, и БК. Вот эти снегоболотоходы — они себя показали здесь прямо идеально. Дают для работы в ночное время тепловизоры, ночники стоят на позициях. Когда идет

смена, кто-то идет, все наблюдают. Республика нам очень много и по обеспечению одежды дает, и все, что необходимо, Якутия нам очень помогает.

Здесь надо брать по обмундированию хорошие берцы, хорошие ботинки надо, чтобы водонепроницаемые. Для зимнего времени одни ботинки, для летнего периода — другие. Две пары ботинок надо обязательно. Нужна хорошая нателка, даже пара нателок. Если получил ранение боец, это ему надо, например, какое-то короткое время, чтобы успеть. Заранее под себя надо подстроить броник, где у него первый эшелон, второй эшелон, аптечка, чтобы был доступ хороший. Быстро себе первую помощь оказал, если нет никого рядом.

БАРС-3 «РОДИНА»

Позывной «Дядька», доброволец, командир БАРС-3 «Родина»

Я воюю на Запорожском направлении, воюю почти с самого начала, когда самые первые добровольцы зашли. С самого начала СВО.

До СВО я жил, как все люди на гражданке. Работа. Семья. Ничего особенного. Обычный среднестатистический гражданин Российской Федерации.

Почему пошел? Ну, я окончил казанское танковое военное училище. Как у офицера у меня профессия — защита Родины. Научили меня защищать Родину. Вот и пошел, для себя я выбора не видел.

Я пошел добровольцем, рядовым стрелком. Потом стал старшим стрелком, командиром взвода, замкомандира роты, командир роты, замкомандира батальона, командир батальона. На войне рост происходит достаточно быстро. Тем более если есть опыт офицерской службы.

Семья с пониманием отнеслись, поддержали. Как обычно в русской семье. Здесь же враг у ворот. Это обязанность каждого русского мужчины я так думаю. Так как мне прививали всю мою сознательную жизнь. Каждый мужчина должен пойти и встать на защиту своей Родины.

Я вспоминаю украинское контрнаступление. Идут на нас, пытаются рушить оборону на вверенном нам

участке. У нас задача не допустить прорыва вражеских сил на данном участке. Мы находились буквально 700 метров до украинского поста. И каждый день мы наносили им огневое поражение теми средствами, которые у нас есть. Работает у нас АГС, минометные батареи наши. И в ответку к нам, помню, два пакета пустили. Девиз нашего батальона — наше бездействие приводит к их действиям. Что, мы будем здесь спокойно сидеть и не приносить им какой-то там ущерб? Тогда зачем мы? У нас всегда активная оборона.

Помню, в июне 2024 г. на направлении Щербаки — Малые Щербаки мы шли на закреп — после штурмовки на опорник Старлинк. Я заводил людей группами. Первая зашла удачно. Вторая — сразу один двести, один триста.

Наши стояли там десять дней. Хохлы пытались отбить опорник. Мы нашим воду доставляли «мавиками» все десять дней. Боеприпасов трофейных было много, еда была, а воды не было. Немцы видят то, что мы скидываем воду, их «мавик» идет туда, и начинают скидывать гранаты и всякую дрянь. А это июнь месяц, воды нет. Трупы немцев, жара. Мы батареи от радиостанций нашим еще сбрасывали «мавиками». Они десять дней стояли. Все «мужика» получили, кто там был. В общей сложности 6 человек там стояло.

Добровольцы — самые мотивированные из тех людей, которые здесь есть. Самые мотивированные, которые добровольно пошли, которые встали в ряды защитников своего Отечества. У них не страх в глазах, а азарт. Сейчас всего у нас хватает. Боеприпасов, продуктов питания, средств защиты — всего хватает. Люди у нас продляют контракты, ну, это их призвание — защищать Родину и воевать с нечистью. Это видят новые люди, которые приходят и по-другому начинают смотреть

на жизнь. Они их как бы перевоспитывают. Человек сам становится похож на них.

Наемников мы тоже наколотили нормально. Два немца, поляки, это кого мы обнулили в бою. Америкосы были, испанцы или испаноговорящие. Поляков целое отделение союзники, соседи расколотили. А однажды радиоперехват у нас был, так сами украинцы говорили про своих же: эти бандеровцы совсем охренели, они нас на убой толкают, они нас вообще за людей не считают. Вот перехваты такие. У них там не все в порядке.

А однажды мы в деревне стояли, там магазин работал. И в этот магазин — точный украинский приход. Там в одной деревне остались бабушки, дедушки и точный приход. Я думаю, что хохлы в виде акции устрашения по мирняку. Они бьют, где непосредственно мирняк, в школу, детский сад, во все административные здания целенаправленно.

У нас отряд заряжен на все сто процентов. Благодаря войне мне удалось познакомиться с такими личностями, которых я бы не встретил на протяжении всей жизни. Я сам готов идти хоть до Польши. У меня очень много близких двухсотых, трехсотых. Я буду мстить, это даже не мщение — мы наказываем за тех, кого у нас забрали, и будем наказывать, пока мы живы.

Позывной «Акад», доброволец, БАРС-3 «Родина»

У меня уже второй контракт. Мой внутренний долг заставил меня подняться, заставил отбросить все бытовые свои дела и идти воевать. Нам всем бросили вызов, я воспринял это как личный вызов и решил пойти на фронт. Я не кадровый офицер, но у меня был

опыт службы в горячей точке на таджико-афганской границе.

Мое решение все поняли, все поддержали. Конечно, сначала это насторожило супругу, насторожило всех родственников, близких. Но решение было положительное, конечно. Никто не выражал отрицательного мнения о том, чтобы мне поехать на фронт.

Всей семье было тревожно, но все поддержали. Я понял, что нужно двигаться на фронт, свой вклад вносить. Это касается всех нас, и все, кто может, обязаны свои силы приложить.

Мне запомнился бой на Щербаках. Запомнились замечательные люди, которые с нами заходили, — Лик, Седой, Хубул, Монитор, Скиф.

На нас тогда пошел батальон противника. С нами были мобилизованные. ВСУ начали щупать фронт. Видимо, пытались прощупать у нас на Щербаках. Ну, мы ударили всем, что у нас есть, всеми своими автоматами, РПГ, АГСом. Нас было в районе 43 человек барсов и в районе, по-моему, если я не ошибусь, человек 50 мобилизованных. А у украинцев наступали подразделения отдельной горно-штурмовой бригады.

А наши ребята из Шторм-3 готовили ночную атаку, они их заметили, завязали с ними небольшую перестрелку, которая переросла в полноценный пятичасовой бой. И мы, и ребята из Шторм-3 тоже, им нужно отдать должное. Молодцы, мы вышли без потерь, без двухсотых и без трехсотых. А у ВСУ осталось там лежать в районе 90 человек. Потом уже мы все уточнили. Они шли на какой-то боевой барбитуре, извините за выражение, стимуляторах, на наркотиках. Вытащили потом два тела на анализы, они были жутко накачаны. Наш боец рассказывал, как он стрелял по ним из пулемета, от противника летели куски с брони, а он потом упал

и через 10 минут поднялся и куда-то пошел. Настолько они были накачаны.

Я думаю, для людей, которых ВСУ используют для такого рода штурмов, это практика регулярная. А вот наемники, они, может быть, тоже сидят на препаратах, но, я так понимаю, они в силу своего профессионализма стараются работать на трезвую голову.

ВСУ выдвигались пешим порядком. Но я предполагаю, у них вообще танк там стоял, я предполагаю, что, если мы достаточного сопротивления бы не оказали, в ход пошла техника. Да, они решили прощупать пехоту, и потом уже в прорыв, если бы он удался, они бы пустили туда технику, потому что у них наготове она уже была. Ребята, наши БАРСЫ встречали их с фланга, их группа была с фланга. ВСУ шли на нас по лесополке, мы их встречали. И мы фланговый огонь очень хороший организовали. Били с РПГ, 20 выстрелов они сделали.

Бой на самом деле ожесточенный был. Может быть, мы в силу небольшого опыта на тот момент не восприняли его таким серьезным. Мы выходили в ячейки, отработывали из автоматов, улыбались, было весело. Успел чаю попить с огоньком. Седой набивал Лику ленты, а Седой у нас молодец, отработывал 82 минами. Лик у нас замечательный птурщик — отправил во врага 9 ракет из Метиса. Архип с Симбой работали на пулемете. Я работал АГСом. Начали работать снайперы. Марксмены — со средней линии, снайперы — с дальней.

А один раз на меня посыпались ВОГи 17-е с дрона. Это очень тяжелая вещь, конечно. ВСУ знают, как их бросать, у них есть опыт. Благо на мне был броник. Если бы его не было, то у меня бы не хватило ресурса внутреннего на то, чтобы потом оттуда уйти.

Я получил три ВОГа под телегой. Потерял сознание, наверное, где-то секунд на восемь. Сквозь бессознатель-

ное состояние слышу крик: «Уходим отсюда, двигайся, встать». Потом я понял, что я сам себе это кричу.

Была мысль остаться: может, за мной кто-то придет. А потом другая мысль прояснила голову, что нельзя остаться, нужно вытаскивать себя. У меня было ощущение, что есть третий коптер рядом, что он чего-то ждет. И нужно было себя вытащить из этого и бежать. Я поднялся, вытащил себя из-под прицепа и на отходе поймал четвертый ВОГ.

Получил еще сзади два осколка, по рации крикнул парням в эфир, что я 300 и двигаюсь, чтобы готовили аптечки. Отдельное спасибо, конечно, еще и хирургу нашему. Он приехал, сразу меня перемотали, подождали хирурга, который под любыми каптерами, под любой опасностью бросается вообще в огонь за раненым человеком. Он меня перемотал, он влил мне кровезаменитель. Я почувствовал, что у меня сердце стало нормально работать.

Позывной «Алекс», доброволец, БАРС-3 «Родина»

Первая причина, почему я пошел в добровольцы, в том, что меня очень сильно задел учиненный киевскими властями раскол православной церкви и те гонения, которым подверглись монахи в Киево-Печерской лавре. Я, будучи ребенком, студентом, я бывал там. Это колыбель русской веры, православия.

Никогда не считал себя глубоко верующим человеком. Но неправильно, когда славян заставили расколоться и одних посчитать правильными, других неправильными.

А вторая причина — у меня есть сын, ему 15 лет. Очень скоро он достигнет призывного возраста. Я, как

любой родитель, не хочу, чтобы ужасы войны коснулись моих детей. Я считаю, что эту работу надо сделать и тем самым обеспечить мирное будущее нашим детям.

Добровольцы — это патриоты своей Родины, люди, оценивающие реально ситуацию, сложившуюся в мире. Мы помним 90-е, когда страну нагибали. Откровенно нагибали, кому не лень. Мы президента, который пришел на смену Ельцину и сказал — нет. Вот тогда я был горд, что мы опять можем сказать «нет» всем остальным и чего-то сами добиться. Вот добровольцы в большинстве своем — это люди, которые осознанно пережили 90-е годы и не хотят повторения этого, не хотят, чтобы нас опять поставили на колени. Для этого мы здесь.

У меня судьба распорядилась так, что первые практически все шесть месяцев я пребывал на Щербаках, где были визуальный контакт с противником, стрелковые бои. Запомнилась первая минометная атака. Было страшно, когда на нас насыпали польки, очень коварные мины. Ты ее не слышишь, ты по факту понимаешь, что вот она — разрыв, и времени упасть не остается, защититься от нее.

Помню первого раненого товарища своего. Он пострадал от ВОГа, обстреляли из АГС. Первую кровь помню. Помню, что осознал, что война пахнет землей, кровью и порохом.

Был у нас доброволец, взрослый дядька, прошедший Афганистан, 59 лет. Посидели, попили чаю, предложили отдых ему в течение суток для того, чтобы адаптироваться. Но он мужик боевой, вызвался сразу пойти на пост на дежурство. Восемь часов он заступил, а в полминуты десятого был атакован беспилотником-камикадзе. Человек получил ранение обеих ног и брюшной полости проникающее.

Доктор с нашей позиции посильную помощь пытался оказать. Прилетели еще три камикадзе, то есть добивали группу эвакуации, но Бог отвел. Прибежали ребята с соседней позиции, мобилизованные, отважные пацаны. Прибежали помогать вытаскивать грузного здорового мужика весом хорошо за 100 килограммов. Скрипели зубами, тащили по узкому окопу. И с ним был его товарищ раненый, как потом выяснилось, он шел с перебитой ногой и не требовал к себе внимания и помощи, потому что видел, что кому-то хуже.

За время контракта я на деле понял, что человеческая жизнь бесценна. Здесь я понял, что каждый хорош по-своему, есть у кого учиться. И неважно, где он родился, в большом городе или в маленьком городке. Мужчины на войне становятся братьями. Я понял, что, независимо от своего социального статуса, ты здесь обретишь братьев, готовых на самопожертвование ради тебя. Как-то раньше я об этом не задумывался, а здесь я увидел, как люди это делают — рискуют в жизни, спасают других. Меня это поразило. Я как-то раньше старался только самому себе доверять, полагаться на себя. А сегодня я понял, что такое плечо товарища, который окажется рядом тогда, когда надо.

Однажды был достаточно спокойный день. Откуда взялся камикадзе, я не знаю. Высоко висел наблюдатель. Прежде чем выйти из блиндажа, у нас есть большой наблюдательный пункт. Глаза и уши, которые смотрят за ситуацией в небе. Запрашиваешь погоду. Сообщают, насколько она безопасна, эта погода, и в соответствии с погодой ты либо передвигаешься, либо ждешь, когда она улучшится. Слышу визжащий звук натужный, камикадзе, они когда под нагрузкой, иной звук, чем тот, который сбрасывает ВОГ и достаточно легкий, а этот с натугой визжит.

Пробежал по окопу, я не думал, что я так быстро умею бегать, 54 года, а быстро. Подскочил в ближайшее укрытие, прижался к стене, слышу один вираж над собой, вираж второй, думаю, все, затихает, улетел. Тут вижу, он спускается в окоп и летит прямо в сторону, я выглянул немножко, он в сторону меня летит. Я ждал взрыва, но жужжание прекратилось. Открываю глаза, лежит вот, в 20 сантиметрах возле ног. Моргает всеми лампочками, дает звуки, а взрыва нет. Я не поверил глазам. Кстати, как рассказывают, жизнь покадрово промелькнула очень быстро. Яркие эпизоды. Детский сад, школа, выпускной. Оно вот так быстро-быстро. Тык-тык-тык-тык-тык.

А взрыва нет. Лежит, моргает. Страшнее было собраться через него перепрыгнуть потому, что ну, хрен его знает, начну прыгать, и вдруг в этот момент работает. Перепрыгнул. Вызвали мальчишек-бэпээлашников, долго ходили вокруг. В результате определили, что не взорвался потому, что два усика впереди не загнулись до конца, не дошли там считанные миллиметры. Разрядили благополучно, унесли к себе, перепрошили и отправили туда, откуда прилетел, — привет от наших.

Мальчишки молодые сейчас иду. Наш призыв был возрастной, много людей было 50+, такие как я. Вот те, кто заходили вместе со мной, мы там были, наверное, в большинстве своем 40+. Сейчас приходит молодежь. Сознание, видимо, поменялось в обществе. Те, которые еще вчера говорили, это не моя война, мне нафиг это не надо, теперь приходят. Видимо, переосмыслили отношение к жизни и к ситуации, в которой страна находится, и вообще к своей стране в целом, в которой они живут.

Приходит момент, когда мужчины должны выйти на защиту своей страны. Это мужское дело. Дома оста-

ются дети, жены, любимые матери, бабушки. Я рад, что у нас такая молодежь.

Здесь работа для всех найдется. И для айтишника, и для любителя компьютерных игр. Это, кстати, самые талантливые бэпээлашники. Как правило, это геймеры. И для водителей найдется работа. И для людей, которые разбираются в дизелях, в электричестве, в связи.

Сейчас всего Минобороны дает с избытком. А по большому счету, жаловаться грех. Всего хватает, тушенка меня устраивает, рыбные консервы в наличии. По питанию, ну, нечего хотеть.

Позывной «Агроном», оператор дрона, БАРС-3 «Родина»

Я родом из Краснодарского края, был мобилизован в сентябре 2022 г. Перед самой мобилизацией, буквально за неделю до начала, я подал заявление на брак со своей девушкой. Собирались уже жениться, должны были расписаться, но мобилизовали. Я решил не форсировать уже события, решил, чтобы вернуться окончательно домой и тогда уже жениться, создавать семью и так далее.

Первая ее реакция, конечно, была — она бросилась в слезы. Но она все-таки такой достаточно идейный человек, понимает, что к чему, здраво, трезво мыслит, поэтому сейчас ждет, надеется и ждет.

Я воюю за правду. Правда на нашей стороне по отношению к киевскому режиму. Конечно же, нужно искоренять этот фашизм, искоренять полностью, основательно. Я не знаю, кто может киевский режим поддерживать, но все мои знакомые, все близкие, все отрицательно относятся к нему.

Я в основном летаю на дронах фирмы DJI. Корректирую огонь артиллерии, провожу разведку, делаю сбросы. Самое запоминающееся, наверное, когда был нанесен максимальный ущерб противнику, — это поражение ствольной артиллерии противника путем корректировки.

Позывной «Гридя», доброволец, БАРС-3 «Родина»

Я — офицер запаса, окончил новосибирское высшее общественное командное училище. Естественно, не смог оставаться равнодушным к происходящему в мире, в стране. Приехал, чтобы поддержать людей Донбасса, Луганска — не смог быть диванным патриотом.

Супруга, она династийная, дочка военного, внучка военного, сестра военного. Супруга военного. Поэтому каких-то специальных разговоров не было. Она меня поняла. Встал, пошел.

В гражданской жизни я — директор предприятия. И небольшие у меня бизнесы. И пришлось приостановить эту деятельность и быть здесь. Начинать я с гуманитарки, помогали со своими сослуживцами, со своими одноклассниками, собирали деньги для бойцов. Далее уже душа одной ногой уже с ними, с бойцами. Опять же, мои однокашники, мои сослуживцы, очень много людей здесь находятся. К сожалению, есть и погибшие среди моих друзей — это еще одна из мотиваций, почему я здесь.

Сейчас мы полностью обеспечены снаряжением, вооружением, питанием. Всем этим Министерство обороны нас снабжает, к ним никаких вопросов, претензий. Не обходится и без помощи волонтеров. Помогает, когда бойцу хочется немножко побыть поближе

к дому, какие-то вкусняшки, может быть, какие-то особые сигареты.

Ну и есть такие вещи серьезные, как расходники. Расходники — это, например, автомобили. Был случай, когда меня выводили сюда на ротацию после полугодового нахождения на передке, 25 километров по трассе пришлось выходить двое суток. А почему? Потому что разбомбили три автомобиля, пока мы выходили. И вот такие вещи серьезные — они нам нужны.

Однажды командир поставил задачу — необходимо было отвлечь противника на себя, чтобы наступающие подразделения смогли лучше выполнить свою работу. И для этого собрали группу разведывательно-штурмовую из нашего подразделения. Трех человек из моей роты, четырех из соседней роты и одного человека с минометки. И вот в составе вот этой группы мы ходили на ложное наступление для того, чтобы выявить боевые точки противника, ну и отвлечь удар на себя. С этой задачей успешно справились, слава Богу, ни трехсотых, ни двухсотых нету. Командование нас представило всех к государственной награде.

Наш комбат сказал, что здесь находится цвет нации. И я поддерживаю его слова. Здесь люди разных возрастов, разных национальностей, разного менталитета, разных профессий, разного телосложения. И эти люди не смогли просто так сидеть на диване. Они точно знают, зачем они здесь. Они четко представляют, зачем они пришли сюда. Таких много.

Меня самого по мобилизации не призвали ввиду здоровья, но тем не менее я готовился, занимался спортом. Сбросил лишний вес, сделал три хирургические операции, чтобы физически тело было готово к спартанским условиям, ну и после этого сам отправился в добровольческое подразделение.

Позывной «Дед», доброволец, БАРС-3 «Родина»

Здесь люди, которым небезразлична судьба нашей Родины, нашей страны и которые патриоты. У меня мать, конечно, переживает. Дочка говорит, мы гордимся тобой, папа.

Украинцы — одурманенный народ. Братский нам народ. Честно говоря, не все, может, там хотят воевать, но есть там горстка тех, кто всем заправляет. Бывало такое, что между вэсэушниками и вот этими нацбатальонами проходили боестолкновениями. Стрелковый бой нормальный. Один раз мы наблюдали удары их артиллерии и «Градов» по их же позициям. А в 2014 г. приходилось сталкиваться с охотниками, которые приезжали на Украину на сафари. Пострелять чисто по людям. Это вот в Донецке такое было, и в Луганске тоже. Они просто платили деньги и приезжали на сафари. Встречались и наемники — арабы, негры, но в основном они нейтрализованы.

До СВО я работал водителем, был в казачестве. Вел группу, подготавливал молодежь к службе в армии и взрослых казаков. В армии стал прапорщиком, участвовал в грузино-абхазском конфликте, в 2014-м был добровольцем при воссоединения Крыма с Россией, стоял на рубеже. В 2014 и 2015 году был в Луганском ополчении. Порой бывало, я проезжал, а сзади снаряды ложились. И сейчас пошел.

Позывной «Зверь», доброволец, БАРС-3 «Родина»

Я решил пойти в СВО, чтобы свой долг Родине отдать, защищать ее, как и остальные другие ребята

та, которые здесь находятся на военной службе. Вне зависимости то есть, мобилизованный это, либо это срочник, либо это доброволец. Я когда-то проходил военную службу в Чеченской Республике, ветеран боевых действий.

У нас есть определенная группа, которая работает антидроновыми оружиями. Да, ну и соответственно... Не только ими, но и другими оборудованиями. Максимально стараемся уничтожить беспилотные птички, чтобы меньше было сбросов и меньше наших боевых ребят страдало от этого.

Однажды я гнался за одной птичкой, чтобы сбить. А мне товарищи потом рассказали, что другая гналась за мной. Но на самом деле я ее-то не видел. Вторую птичку тоже сбили, конечно, потом ее принесли сбитую.

Опытность, конечно, с месяцами, с годами приходит. Самое главное в первую очередь — это бдительность, внимание. То есть не надо быть рассеянным, думать о чем-то другом. Надо всегда слушать небо, когда приходит команда или кто-то передает, что в небе находится беспилотник, эту команду нужно не игнорировать. Нужно подробно прислушиваться к небу, потому что птичку эту слышно, когда она подлетает к вам. Ну и максимально нужно быть сгруппированным, чтобы в этот момент как-то действовать, реагировать так, чтобы она тебя не увидела, а если видела — не могла сбросить или на тебя зайти.

Позывной «Кандагар», доброволец БАРС-3 «Родина»

Я добровольцем с ноября 2023-го. Мне больше 60 уже. Я проходил службу в Афганистане именно в Кандагаре. Потому и позывной.

Я пошел по зову сердца. Не нравилась мне эта вся ситуация, которая происходила на Украине. И те испытания, которые пришлось перенести друзьям и знакомым, именно проживающим в Луганске, в Донецке, я все это видел. Да, да, я участвовал во всех митингах, которые проходили, когда за воссоединение с Россией участвовал. Друзья мои, те, с которыми служба в Афганистане проходила, тоже сами там участвовали во всех этих митингах на общественных началах. Это движение очень сильно было развито именно в Луганске.

Мне родные и знакомые говорят, что гордятся тем, что в таком возрасте пошел. Ну, я чувство гордости никакой не испытываю, если честно. Надо так надо. А в БАРС-3 у нас очень дружный коллектив. Взаимовыручка, взаимопонимание. Люди чище душой становятся. Если что-то есть плохое, часто исчезает, душа остается чистой. Надо верить в себя. Если что-то неправильно — подскажут, помогут, объяснят, поправят.

А всего, чего нужно, питания, например, тут у нас даже, наверное, с избытком. Помогают, гуманитарная помощь даже от незнакомых людей приходит, оно трогает, конечно, когда на Новый год открытки поздравительные от детишек.

Позывной «Рим», доброволец БАРС-3 «Родина»

До СВО я тепловыми установками, отоплением занимался, монтировал, ремонтировал, обслуживал.

Я пошел, чтобы увидеть все своими глазами. Дети у меня есть, дети растут, дом есть, ничего не надо. Думаю — время пришло.

Люди тут меняются на глазах в хорошую сторону. Кстати, много веселых людей, много говорят, смешно, весело, по факту. Весело не будет, не будешь улыбаться — чокнешься. Вообще добровольцы — люди мотивированные. Чтобы готовы были пойти, мы не говорим вслух, но подразумевают, что могут погибнуть. Наверное, больше это воспитание, я так думаю. У меня страха такого нет, когда ты видишь цель, видишь, что надо это сделать. Да, летит, прилетает что-то. Просто идешь и делаешь. Страх потом, когда начинаешь осознавать, даже это не страх, а по факту уже.

Позывной «Студент», доброволец БАРС-3 «Родина»

Я пошел в добровольцы защищать Родину. Все мои товарищи сейчас на передовой, как же я дома? Я хочу вместе со своими страну от врага. Большинство моих служит. Некоторых мобилизовали, некоторые по контракту пошли.

У меня самого раньше опыта боевых действий не было, только служба по призыву была. Я служил в Белгороде. Там мы часто бегали по подвалам от ракетной опасности. Прямо очень часто были обстрелы. Потом перевели в Воронеж служить, и там мы охраняли небо от беспилотников. Ну и, конечно же, до нас долетало.

Я недавно закончил срочную службу и пошел добровольцем. Кстати, также обеспечивают хорошо едой, одеждой и всем остальным.

Родственники сначала пытались отговорить, потому что волновались, потому, что молодой. Но я настоял на своем и пошел, и они смирились с этим.

Позывной «Сим», доброволец, врач БАРС-3 «Родина»

Основная моя специальность — врач-хирург, и работал до СВО врачом-хирургом. Но на передовой — это прежде всего здоровье наших бойцов, которыми ты занимаешься. Люди постарше болеют, приходят с клиническими болячками, и, конечно, эвакуация. То есть при каких-то ранениях мы в составе эвакуационной бригады выезжаем на передовую. Основная задача — это оказать медицинскую помощь бойцу на передовой и эвакуация его. Это основная наша работа.

В отношении медицинских препаратов, бинтов, ваты — у нас есть все в избытке. Еще идут очень большие поставки по гуманитарной линии. У нас проблем с лекарствами нету. Таблетированные препараты, антибиотики, перевязочный материал. Все у нас в избытке. И очень в данной ситуации этого всего хватает. Даже противовирусные витамины. Все эти препараты есть в наличии. И с комплектацией аптек проблем нет. Все военнослужащие, которые к нам приходят на контракт, все получают аптечки.

Всех обучаем на полигоне. Когда мы выезжаем на полигон, у нас краткое руководство по оказанию первой медицинской помощи, плюс моменты пользования аптечками. Это включает в себя наложение использование обезболивающих препаратов, которыми оснащены аптечки, жгуты, турники, которые имеются в аптечках, гемостатики, соответственно, перевязочный материал, препараты, которые входят в группу 1–2, противошоковые препараты. Все это в качестве лекций проводится с бойцами. И все вопросы, которые они задают, мы отвечаем, объясняем. Пытаемся, чтобы люди умели самостоятельно оказывать первую помощь при

ранениях, при травмах. И также оказывать в качестве взаимопомощи помощь друг другу.

У человека чувство страха есть всегда, но здесь как-то оно затмевается абсолютно другими моментами. Когда там есть раненый боец и когда уменьшается время помощи, как-то чувство страха уходит совсем в другую сторону. Ты туда едешь и оказываешь ту помощь, которая ему требуется. Время идет на минуты, потому что это эвакуация. И это очень, конечно, тяжело, очень сложно, но это наша работа. И мы приехали сюда, чтобы делать именно ту работу, которую мы знаем и можем делать во всю силу. Делаем потому, что меня воспитали в Советском Союзе, в нормальной советской семье. У меня дед прошел Великую Отечественную войну, у меня пацаны растут, станут взрослыми и пойдут служить в армию. И хотелось бы, чтобы мои дети и моя семья жила под мирным небом. И чтобы пацанам моим не пришлось оказаться там, где я оказался, чтобы у них жизнь была другая. Кто будет делать эту работу, если не мы?

Здесь люди другие. Здесь люди меняются, люди становятся другими. И как-то получается, что человеческие качества, которые в нашей гражданской жизни уходят в сторону, здесь проявляются во всей красе — уважение друг к другу, взаимопомощь. Тут обращение «брат» — это просто элемент уважения друг к другу, потому что так, как мы здесь работаем, мы знаем друг друга. И мужская дружба, взаимопонимание, честь — это все по-другому. Тут то, что мы потеряли на гражданке, здесь выходит абсолютно на первый план. Здесь доверие друг к другу, тут взаимопомощь, прикрыть спину в нужный момент. Здесь совсем другой мир со своими требованиями.

Местные жители к нам обращаются, мы им тоже оказываем медицинскую помощь, снабжаем их медицинскими препаратами. И если какие-то бытовые

моменты, мы им помогаем. Продукты какие-то даем местным жителям. Ну, отношения у нас с местным населением нормальные.

Позывной «Стена», доброволец, командир отделения связи БАРС-3 «Родина»

До СВО у меня была срочная служба, Чечня, был наводчиком пулемета. Сейчас обеспечиваю, чтобы была связь с подразделениями, с ротами, с полком, этим мы занимаемся. Мы протягиваем телефоны, полевку и ремонтируем. Мы провели связь и потом и повреждения, рации настраиваем, перепрошиваем, у нас не только полевая сфера, все радиостанции.

У меня сын — инвалид с детства. Надо, чтобы он жил нормально.

Первый дрон мне запомнился. Он, видать, возвращался уже за из-за наших позиций. Мы чинили связь, он увидел, развернулся. Мы разбежались, ждем. Все разбежались, а мобилизованный стоит на асфальте и в телефон смотрит. Сброс — ему чуть-чуть царапнуло ухо. Повезло.

Сейчас добровольцы — разные люди из разных регионов, все нормальные пацаны. Кто-то одно умеет, кто-то второе умеет.

Позывной «Хромой», доброволец, БАРС-3 «Родина»

Нам нужно защищать свои территории. Надо думать о детях, о будущем их. Молодежь не шибко торопится в армию идти. Если не мы, то кто? Кому-то это надо

делать. Я долго вынашивал это решение, готовился и принял. Я сам в армии не служил, но всегда этого хотелось. У меня дети все военные, они у меня кадеты. Старший сын уже служил и срочку, и по контракту год.

Доброволец — это человек, который делает какие-то вещи осознанно, то есть его не заставляют, не принуждают, а он идет. Все добровольцы — они немножко другие люди. Они стоят друг за другом очень сильно, хорошо ладят между собой, понимают друг друга с полуслова. Команда добровольцев — это очень сильная команда. От тридцати и выше, до шестидесяти трех, — вот это те, с которыми мне приходилось служить. Тут люди, которые уже имеют семьи, детей, у кого-то их много, по трое, по четверо, по двое. Они все знают о том, что ты на войне.

У меня у самого четверо детей. У меня жена тоже говорит: а если не ты, то кто? И дети, соответственно, у меня тоже военные, к этому нормально относятся. Буду им примером патриотическим. Отец должен быть примером.

Во время боевых действий главное не паниковать. Как говорится, смотри туда, откуда страшно. Вот и, соответственно, потихонечку, помаленечку, всем страшно было. Потом уже понимаешь, откуда какие выходы, в какую сторону летят, с какой стороны птичка летит, какая груженная, негруженная. То есть ты уже начинаешь ориентироваться в пространстве, и страх потихонечку уходит уже на другой план. И уже становишься более профессиональным, в своем деле начинаешь разбираться, страх остался, он никуда не денется, но он уже на втором плане. В первую очередь нужно выполнять задачу, поставленную задачу, а боишься, не боишься, но ты должен выполнить задачу. Страх уже втором плане.

Вот ты выезжаешь на выход, к тебе подлетают птички. Наши были на выезде, и к ним прилетел камикадзе, и оба 300. Ребята живы, здоровы, сейчас проходят реабилитацию, рвутся сюда — обратно.

Местные жители начали пенсии получать российские. Они по крайней мере хотя бы начали себе что-то складывать, что-то покупать. Потому что когда при Украине были гривны, им хватало только коммуналки заплатить, за каждый свет, за налоги — и все. И там оставалось 300—400 гривен на месяц на прожиточный минимум. А сейчас они уже почувствовали разницу, что Россия пришла, у них и социальная защита всякая, и соцпакеты начали появляться какие-то, кто поменял паспорта уже, переоформили недвижимость. Они довольны.

Мы работаем в основном ночью, когда есть вероятность, что тебя не увидят. Ориентируемся только на свой слух. БПЛА издает какие-то звуки, у нас есть детектор на БПЛА, который начинает пищать в случае, если БПЛА где-то рядом. У нас есть антидроновое ружье. Один у нас прикрывает небо, а остальные занимаются работой по устранению обрыва. Если подлетают — тут главная задача разбежаться в разные стороны, не кучковаться к машине.

Позывной «Хромой», доброволец, оператор БПЛА БАРС-3 «Родина»

Я пошел добровольцем в Белгороде. Я не могу, чтобы просто сидеть и прятаться в укрытиях. Надо отвечать, и на своей должности могу достойно дать ответ. До службы я оператором станков ЧПУ работал.

У меня БПЛА в основном камикадзе и «мавики». Снаряжаем в основном СВУ и кумулятивные. Про-

сто пластид с осколками делаем. МОНки разбираем, чтобы больше был эффект, из двух МОНок собираем с осколками. Тротил, пластид — кто во что горазд. Отрабатываем моровоками, термобарами. Дальность уже от цели зависит. Если цель где-то далеко, то уменьшаем вес, что-то можем используем заводское на килограмм. Если что-то близко, два килограмма используем. Работаем на дистанциях пока что 5—7 километров от первой линии, если рельеф позволяет улететь дальше. «Мавик» ищет цель — нашли пехоту, миномет, мы уже подходим, с какой стороны лучше отработать, так как рельеф, погода, ветер — это все учитывается. В нужный момент наносим удар, вот если это пехота, перемещение какой-то пехоты, какие-то ротации происходят. На такой случай отрабатываешь сразу, а готовый уже снаряд стоит с осколочной. Местность знаем хорошо, отработали по позиции. Делал противник себе наблюдательный пункт, пулеметную точку, что-то такое. Было замечено движение, и у нас сразу была отработка по ним. Как-то было подтверждение по миномету противника, что только работал. Мы отработали, было попадание в миномет.

Когда ты привыкаешь к обстрелам, ты уже не боишься. И если у тебя есть понимание, как работает противник, даже если это вражеский, БПЛА-камикадзе, то ты его слышишь и понимаешь, что если он тебя не видит, он по тебе не отработает. Слышно его за достаточно приличную дистанцию, за километры. Смотря чем он снаряжен, если у него большой вес, его будет слышно достаточно далеко.

Чем больше по нам работают, тем больше у нас мотивации работать по противнику. В разы больше становится.

БАРС-9 «РОСТЕХ»

Позывной «Майор», командир БАРС-9

Я — командир 9-го отряда БАРС, позывной «Майор». Воюю с самого начала СВО. Нас начали набирать с начала января, в середине января 2022 г. мы уже начали проходить подготовку для этой операции. С сентября 2022 г. госкорпорация «Ростех» взяла шефство над отрядом БАРС-9. С тех пор он неформально именуется БАРС-9 «Ростех».

Помощь очень заметна. От технического оснащения до одежды — форму нам покупают, бронежилеты, шлемы. Всей бронезащитой мы снабжаемся от «Ростеха». Дронами помогают, боеприпасами. Заметная помощь.

У меня есть с чем сравнить. С самого основания БАРСА-9 я начинал командиром взвода, в первой роте был. Сейчас нам выдают и от армии, и от «Ростеха». От «Ростеха» выдают все — от носков до шапочки зимней.

На данный момент в штате отряда у нас больше пяти сотни человек — две стрелковых роты и смешанный арт-дивизион, отдельно обеспечивающие подразделения. В арт-дивизионе у нас на вооружении находятся Д-30, «Гиацинт», «Ураган», «Град». Есть МТ-12, М-46, минометы и мелкое вооружение. Всегда, конечно, хочется лучше, но у нас снабжение БК от Министерства обороны очень хорошее. Соответственно, мы это и выработываем. По всем целям, которые Министерство обороны нам выдает. Круглосуточно идет у нас работа.

Беспилотники у нас в отдельную группу выведены. У нас есть и SuperSam — разведка арт-дивизиона. Есть FPV, как на оптоволокне, так и обычные, на радиоуправлении. Ну и для наблюдения Mavic.

У нас в отряде есть свои критерии отбора. Не каждый может к нам зайти. Основной критерий — это возраст и физическое состояние добровольца. Потому что, как показывает опыт последних боевых действий, надо очень много двигаться. Двигаться в бронежилете с БК, и не все это выдерживают. Поэтому у нас ограничивается планка 45 годами. Рассматриваем старше, но точных специалистов — артиллеристы, операторы БПЛА, АГСники, водители, хорошие ремонтники. А штурмовые, стрелковые роты комплектуются в большинстве добровольцами до 45 лет.

У нас дополнительно кроме полигона при заходе в течение двух недель проходят курс подготовки на специализированном полигоне 150-й дивизии. Там от недели до двух недель, все зависит от того, был боец уже в БАРСах либо не был. Плюс после этого, по прибытии к нам, они проходят пятидневный курс подготовки еще на нашем полигоне, где им выдается оружие. Это свое оружие, с которым он пойдет дальше выполнять задачи.

У нас там проводятся сборы со специалистами. Это пулеметчики, гранатометчики с расчетами АГС. Проводится слаживание отделений взводов. Отдельно по специальностям там у нас сейчас работает от арт-дивизиона инструктор, где проходят доподготовку прибывающие артиллеристы. Все по плану идет.

Из прошлых боевых операций у меня в памяти отложилась операция, когда мы стояли в Балаклее. Тогда уже начался другой, новый формат войны. Мне, как бывшему военному, было интересно в него влиться, понять, как это все происходит с участием дронов. Со временем ты уже привыкаешь, и это становится рутиной. Сейчас увеличилось количество дронов, интенсивность.

А тогда, когда мы были в Балаклее, у нас были очень интенсивные бои. Сейчас нам больше ставят задач по обеспечению, плюс за счет арт-дивизиона больше задач нам ставят по артиллерийскому уничтожению позиций противника, на уничтожение противника за счет применяемых подразделений БПЛА. Работаем и в составе штатных структур ВС РФ. Работали и с отдельным разведбатом 68-й дивизии.

С ним мы работали севернее Купянска по захвату плацдарма для дальнейшего вывода наших сил и средств для продвижения их к Купянску. Там был такой плоский лес, вот совместно с разведбатом мы его захватывали, удерживали. По итогам боя один из добровольцев нашего отряда был представлен к званию Герой России посмертно.

Там стояла АЗС, а в ней находился противник. Противника совместно с ребятами из разведбата мы выбили и закрепились там. Но они предпринимали неоднократные попытки штурма этих позиций, которые мы заняли потому, что это был хороший плацдарм для удержания нас с их стороны. И для нас, чтобы в дальнейшем через эту точку наши могли продвигаться дальше. Противник все мониторил с помощью дронов. У нас там был Герой России, он там за один вечер сбил порядка четырех «баба-ежек», которые пытались на них сбрасывать ТМки. Из автомата все сбивал, с ружьями еще не заходили. Там у нас несколько человек награждены были орденом Мужества, медалями.

Позывной «Хурма», командир 1-й роты БАРС-9

Я — командир 1-й роты 9-го отряда БАРС. Мой позывной — «Хурма».

Родился я в Ленинской области, в городе Кузнецке. Учился там же, окончил там же, получил образование. Жил и работал там, на заводах, на фабриках, на производствах. Работал на мебельных фабриках, в рекламном агентстве работал. Там, где нужно было работать с руками, там я работал. Мать у меня по образованию инженер. Работала на заводе инженером. Отец — учитель и русского литературы. Преподавал в школе.

До СВО я нормально жил, зарабатывал. В цеху работал. Зарплата у нас неплохая. Город живет. В Москву не все уезжают. Прилично все зарабатывают. На жизнь хватает.

Из моих боевых операций хорошо помню форсирование реки Оскол и взятие плацдарма. Пришла задача силами роты форсировать Оскол, взять и удержать позиции на том берегу, не дать себя выбить, чтобы в дальнейшем расширить плацдарм и линия фронта передвинулась в сторону Купянска. Для начала штурм Купянска, собственно. Это было в феврале 2025 г. И рота держала свои позиции до мая — июня 2025 г. В начале июня задача была у нас выполнена положительно.

Мы ее форсировали малыми группами на резиновых лодках. Перекидывали, натягивали через реку веревку, и уже на противоположной стороне встречала группа. и перетягивал лодку с бойцами и вооружением, БК, продовольствием. Так группы форсировали, накапливались в ближайших посадках и скрытно передвигались до заданных позиций.

Противник постоянно висел над рекой, выявлял наши группы, пытался уничтожить артиллерией, минометным огнем, ФПВ-дронами. Были потери, раненые были, несколько человек погибли. Под огнем артиллерии достаточно тяжело двигаться парням. Ширина где-то 15—20 метров. Где-то лужи, где-то

12 может быть, где-то 8. Везде оно разное. Получается, дальше, в районе Купянска, начинает расширяться, там 100—200 метров. Там уже идет разлив реки. А в 2022 г. задача была по переправе через Северский Донец. Там вот течение куда более сильное. Здесь не такое. Полегче, но противник постоянно ведет наблюдение. И уже точки пристреляны. Плюс группам нужно проходить сквозь минные поля.

У нас саперы работали. Были тропы — уже разведанные маршруты. Парни проходили, благополучно приправлялись, занимали позиции.

Мы руководили операцией, все наблюдали с воздуха, корректировали движение групп, обнаруживал противника, руководили штурмом онлайн — когда висит дрон и передает видео уже на командный пункт. Это для меня как командира была такая задача. А раньше все время я ходил вместе с людьми, принимал решения вместе. То есть такая новая командирская задача была. Тем более в таких сложных условиях еще не приходилось работать. Рельеф местности, река, насыщенность дронами.

Насыщенность дронами постоянно, ты знаешь, если группа под наблюдением, то парни должны ждать, отсидеться, движение сковано. Допустим, участок в 3—4 километра, группа могла двигаться 3—4 дня. То есть от одной точки до другой, там переночевать, пройти еще 600 метров на следующий день. И там сидеть еще какое-то время, ждать вот этот коридор, когда нет птичек в воздухе.

Наш берег реки куда ниже. 50—60 метров перепада высоты с противником. Если на нашем берегу, допустим, высота, там, 112, то там она 163. По карте ты смотришь, да, все гладко, но, когда вот по факту, то есть парень переправляется через реку, он проходит через минные

поля, подходит к реке, переправляется через нее, выходит на тот берег, и сразу же высота. Метров 600—700 тебе нужно двигаться в высоту с перепадом в 50—40 метров. И дальше высота только набирает обороты. Конечно, не так резко, но только вверх и вверх и вверх идет. У противника преимущество было в высоте. Но мы выбили противника, заняли свои позиции, удержали их.

Еще был очень важный был участок плацдарма, который мог расцечь плацдарм наполовину. И противник стремился нас сбросить оттуда. Но у него этого не вышло. Это было под Купянском.

Нам противостоял украинский интернациональный легион. Были поляки, были англичане, англоговорящие. У них было несколько групп. Англоговорящая группа, польская группа и группа, говорящая на испанских, португальских языках. То есть, когда занимали позицию, там были украинцы, а пытались уже в дальнейшем нас выбить британцы, поляки и испанцы.

Нам некоторых удалось допросить. При них была штатка, подразделение написано, иностранные документы, иностранные шевроны. Штатка была ротного подразделения. Раскинута на три взвода. Стрелковых, штурмовых взводов. Описано вооружение было. Целая рота иностранных наемников воевала против вас. Порядка ста человек. Моторизованная рота. Техника у них была.

У нас там был боец с позывным «Шпинат». Он героически удержал позицию при накате противника. Противник пытался с нахрапа наскочить. Две БМП, пехота. Первым выстрелом сразу «Шпинат» встретил, хорошо попал в бэу, катки полетели, понеслась стрельба. Он подбил с РШГ первым же выстрелом, красавчик. Попал по каткам, бэха встала. Кумулятивного тогда, к сожалению, не было. То есть парни заходили не на

технике, завести много тоже не получалось. Все, что для обороны, несли на себе. То есть одноразовый выстрел. Что смогли, то донесли, не все тоже парни дошли.

Понеслась стрельба, противник спрыгнул, залег в поле. Удалось рассеять пехоту. Вторая бэха крутится, половина даже не спрыгивает на этой же бэхе. Подбирают своих, кто с той бэхи, получают нормально. И потом наши дроноводы доделали дела, подчистили их. Добили полностью БМП и уничтожили остатки пехоты противника.

А другой герой по фамилии Белов — парень большой-большой молодец. Противник предпринял попытку обойти лесом, дойти и занять такую рембазу. Был уничтожен наш боец. Противник закатился, закрепился в здание. Здание, в котором были наши парни, их начали просто разбирать «бабы-ежки». Одна за одной. Парень за ночь уничтожил четыре таких дрона системы «Баба-Яга». Из автомата, из своего стрелкового оружия при помощи тепловизора. Ему все это удалось сделать. И на следующий день мы предприняли атаку этих домов. Пошли на штурм. Наши двойки, тройки обошли, зашли, противник дрогнул, побежал, зашел в другое здание, противника добили, забрали здание. Там Белов получил ранение. В дальнейшем его эвакуировали и благополучно эвакуацию не смогли произвести. Дроны атаковали. Погибли парни, которые эвакуировали его. И, собственно, сам Белов тоже погиб.

Я сам с апреля 2022 г. здесь. То есть как СВО началось. Посмотрел за этой ситуацией и понял, что драка серьезная, в нее надо ввязываться. Я попал в этот коллектив и начал работать здесь. Начиная с бойца я стал потом заместителем командира взвода, потом командиром взвода, долго работал. Руководил группой огневой поддержки, командованием.

Награжден орденом Мужества, медалью «За отвагу», луганскими наградами. Орден Мужества дали в 2023 г. за штурм. Тогда двигались вперед, начинали двигаться. Фронт еще стоял. И начался штурм. Моя группа пошла вперед. Я руководил группой. Заносить БК было тяжело. А у меня рядом был АГС, которым я прекрасно владел. Я доставал спокойно до целей. Парни уперлись в противника. Нужно было уничтожить его, двигаться начинать. Встал за АГС, начал уничтожать противника.

Я уничтожил сначала пулеметный расчет на дистанции 1700 метров, потом уничтожил снайперскую группу на дистанции 1800 метров и потом через сутки сначала поджег склад БК, а потом уничтожил ДЗОТ. Попал прямо в самую ячейку. Там при перепаде высот в 30 метров. На дистанции где-то 1850—1900. Это уже практически предельная для него дальность. Если ВОГ 30-й, то он летит на 2230. Если 17-й — 1730. Я просто прекрасно знаю всю таблицу стрельбы, разница высот. И парни были со спецназа, они помогали, корректировали, нашли этот ДЗОТ с птички, дали точные координаты. И тут пошла уже дуэль у нас. ДЗОТ мы разобрали. У него окошко было с пулеметом Браунинг М2, 12,7 мм.

Сначала пулемет затих. Походу, меняли пулеметчика и пулемет. Опять точка начала работать. Еще раз его заглушил. Они обиделись, конечно. Хохлы отвечали неплохо. Артой накидывали. Однажды мы отошли покурить с парнями, чайку попить. Приходим — воронка в трех метрах.

А медаль «За отвагу» за то, что я держал позицию, когда противник накатывал. Это было еще под Балаклеей, 2022 г. Тогда еще бойцом был. Это первая была отвага. Все крепко встали, решили, все, не дадим. Будем кусаться до талого. Удержали.

У нас были гранатометы, ПТУРЫ, моя группа огневой поддержки работала. Давали такого жара, что... Мы давали вал огня, и противник не шел уже. Они тоже нам поаплодируют ответкой. Еще накат ждем. Встали, держим. Вот так вот и выстояли.

У меня уже были опыт военной службы, службы в морской пехоте, подготовка. Я с АГС работаю трешками, пятерками. Если трешка, ну, отстрелишь три, наблюдаешь, куда лягут. Если дистанция, там, меньше полутора километров. Если свыше полутора километров, ну, ты не заметишь разрыв трешки. А когда работаешь пятеркой, проще считать улитку, сколько ты откидал, и уже потом как бы подводишь, куда тебе нужно. 20 вправо, 30 влево, без разницы.

У командира АГСного отделения закончился контракт, он вышел, я работал дальше. Когда он вернулся, я уже стал командиром взвода, а он вернулся командиром отделения. Это у меня седьмой контракт. Сначала были маленькие контракты, по 2—3 месяца мы находились, и потом заканчивались. Я выходил, отдыхал неделю-две, заходил заново. Потом стали по 3 месяца, по полгода. Вот сейчас по полгода служим. По полгода где-то 4—5 контрактов я отработал.

Я помню прекрасно разговор с матерью, этот разговор, что решил, сказал, что я пошел. «Тебе больше всех надо», как всегда. Я говорю, да, больше всех надо. Ну и все. Мать перекрестила, я пошел.

У нас сплоченный коллектив, который объединен общей целью, занят общим делом. Бывают абсолютно разные среда, сообщества. Просто начиная от деревенского мужика, заканчивая профессорами. И актеры были, и профессоры, и депутаты. Разные люди сюда приходили. Были добровольцы и девятнадцати лет. Вот у меня им двадцать лет в подразделении испол-

нялось. После срочки человек пошел. Да, я решил вот все. Приходят абсолютно нулевые, никакие. Главное с характером чтобы был человек. А здесь мы научим. Были люди под 60 и под 70 были, 68—69, такого возраста. Да, были. Их много в Барсах вообще. Такие отцы несли дежурство, сидели на радиосвязи. Каждая профессия здесь важна и нужна. Каждая может нести пользу.

У меня было стойкое желание быть добровольцем. Уйти именно добровольцем на фронт. Не в армию, не в частную военную компанию. А именно добровольцем. И так вот сложилось. Пришел в военкомат. Хочу уйти добровольцем. В военкомате есть возможность подписать контракт. Нет, я добровольцем хочу быть. Ну все, давай, вперед. Как-то мы поняли друг друга. Ну все, дальше прибыл, попал. Я тоже посмотрел, с кем я буду воевать. Я понимал, что подготовка у меня неплохая. Кому я нужен? Если они заинтересовали меня, значит, я должен заинтересовать их. Ну, так и нашли друг друга и сработались.

Мы прошли от Балаклеи, были там в окружении в сентябре 2022-го, вышли оттуда, перекомплектовались, зашли на границу Харьковской и Луганской области, отбивать обратно потерянное. Зашли сейчас до Купянска. Это была тяжелая зима вообще. Практически ничего еще не было. Такого вот блиндажа вы не встретите на всем фронте в 2022 г. То есть что было в 2022 г. и что сейчас — это две большие разные вещи.

В сентябре 2022-го — тут противник, там противник. Надо собраться, а страх начинает сковывать. Я не знаю, у меня как это получается. Я себе сам в один прекрасный момент говорю, что надо работать. Что-то щелкает в голове, делаешь первый шаг, и ты погружаешься в работу. На все там 200 процентов.

Тогда мы наткнулись на украинскую бронегруппу. Они, получается, разрезали город. Проскочила группа. И получается, нас постоянно обстреливает миномет 120-й, достаточно еще такая зеленка хорошая, там городская застройка и посаженные вишни, такие деревья плодовые, я помню, прекрасные. И, в общем, вот в этих зарослях начинаешь уходить от птички: ага, тебя не видно, ты все выдернешь где-нибудь, опять она тебя срисует, и начинает обкладывать вас миномет. Ну и, в общем, получается, два дома вот так вот стоящих, так дорога ведет. Мы между этих двух домов под вишнями стоим, ждем, когда улетит. Стоим, просто на скорости пролетает БТР, пролетают просто, тоже на бешеной скорости, четыре броневедомоцикла. Раньше был желто-синий флаг, а первый раз мы увидели кресты на броне. То есть до этого крестов не было.

Все, дальше двигаемся. Тут, там обстреляли, там мы постреляли, все как-то. И выкатываемся, в общем, откатываемся к мосту. Уже все, дали задачу, все, отходить из города. Ну и начинаем выходить к мосту, чтобы уже дальше выйти. И получается, дворами выходим и вот он, Хаммер, стоит. Я понял, что у него М2 Браунинг стоит наверху, а он уже такой «тук-тук-тук» — стучится им, короче, в окошко. Я понимаю, что нас трое, они нас разматают. Отходим, во двор передаем по радейке. Блин, парни, тут хаммеры стоят. Блин, можете наблюдать? Начинает работать миномет. Там пока суета еще. То, что там стрелкотня, они занимают позиции, начинает работать миномет. Одно попадание по асфальту, второе. Я говорю, туда работайте. Мы начинаем потихоньку отходить.

Мы корректировали, а ребята начали работать. Они уже были на том берегу. SOS, вижу черный дым. Я говорю, все, работают. Туда я, говорю, отхожу. На-

чинаю отходить. Уже все, из зоны моей видимости они пропадают. Еще одна машина загорелась. Так парни нас прикрыли. Мы отошли к реке. Пользуясь там высокими зарослями камыша, вышли к берегу.

Идет группа людей. В нашей форме все. На русском языке. Я нашего бойца потом спросил: а вообще, что ты с ними говорил? Он говорит, сидят парни, я их спрашиваю, вы куда двигаетесь? Говорят, мы вперед двигаемся. Рассматривает, а у них синие повязки. Говорит, сидят с М4 карабином иностранного типа. Он им сказал, удачи вроде, и задвигал назад. Ну, тут уже как бы все понятно было.

В нашем БАРСе — люди, объединенные одной целью. Такие люди могут сделать реально большое и сильное подразделение. У нас взаимопонимание. То, что любая задача, любая проблема, она обсуждается и принимаются решения. В основном пока плохих решений не было, решения все были правильные. Если с чем-то сталкиваемся, то решаем эту проблему, сообщаем. Да, в рабочем порядке.

По БАРСам, то есть у нас, мы проработали эту систему, а эта система работает отлично. То есть как система закупок, так и система снабжения. То есть закупками у нас занимается «Ростех». Огромное спасибо этому, этой корпорации. Они нам очень сильно помогают во многом просто. Это упростило нам жизнь.

Боекомплект хватает. Питание — тоже все отлично. Мужики все взрослые. Жить, быт мы можем устроить самостоятельно. И как бы не грех и скинуться на какое-то общее дело. Как и везде, да?

В чем-то мы отстаем от противника, догоняем его, нагоняем, а в чем-то мы на голову выше. Нужно увеличивать количество БПЛА, которое находится здесь, на поле боя. Увеличивать бэпээлашников и увеличивать

взаимодействие техникой. По мне, как БПЛА развивается, так и развивается РЭБ. Он всегда догоняет в роли догоняющего. То есть, с РЭБом нужно зайти куда больше вперед. Когда РЭБ обгонит в развитии БПЛА, тогда просто откроются совсем другие горизонты для использования как военной техники, так и артиллерии, и пехоты в целом.

Артиллерию БПЛА пока не может заменить такое. Артиллерия — бог войны. Когда тебя поддерживает артиллерия, ложит точно. Ты чувствуешь, что парни радеют за свое дело. Сейчас толкнемся, сейчас отобьемся, все будет нормально. Ты чувствуешь за собой эту поддержку. Когда работает БПЛА, от него можно отбиться. Если ты используешь РЭБ, дробовики, все средства, у тебя отлично выученная группа, она работает. Она может отбиться от этого вполне. Один-два раза. От артиллерии ты не отобьешься. Не придумали такого.

Я считаю, СВО — дело важное. Надо всем миром собираться. Нечего ждать нам. Надо сейчас работать. Опыт есть, здоровье позволяет. Почему нет?

Позывной «Централ», командир взвода БАРС-9

Должность моя — командир взвода — группа огневой поддержки. Обеспечиваем прикрытие пехоты как при штурмовых действиях, так и при активной обороне. То есть пехота, грубо говоря, выходит на нас, запрашивает помощь, дает координаты, где движется противник. Мы туда отработываем, каким вооружением можем достать туда, какие мы отработываем. Обычно это АГС, ПТРК. В случае, конечно, если противник использует бронетехнику, то это ПТРК. У нас «Корнет», «Фагот», «Конкурс», «Метис» — в принципе, все есть. Всего хватает, да.

«Ростех» помогает, отправляет на обучение. Мы ездили в прошлом году в Тулу, обучались на ПТРК «Корнет». Очень много подчеркнул для себя, хотя с этим сталкивался, но очень много чего не знал. Обучились, мне в этом плане очень понравилось.

Один раз мы снабжали пехоту — подносили БК, организовывали «караван». Непосредственно на передке. Туда было очень сложно попасть, потому что противник сжег всю посадку. Специально, чтобы посмотреть, где мы двигаемся, чтобы проще было по нам наносить удары. Однажды все доставили, а когда наши парни возвращались, они подорвались на растяжке. Хохлы скидывают с «мавиков» растяжки наподобие противопехотных мин, но на усиках. Они раскидывают усики на четыре штуки, и, соответственно, если задеваешь, происходит подрыв. Парни добрались до нас. То есть мы оказали первую медицинскую помощь, все в этом плане. И нужно было уже срочно эвакуировать. Я, Хаебуса, «Викинг» и еще один парень. Мы понесли самого тяжелого, который неходячий у нас был. Ну и, соответственно, на одном из участков, грубо говоря, сожженной этой посадки, мы встретились со второй эвакуационной группой, которая шла за вторым человеком. И пока мы там менялись, перекладывали его на носилки жесткие, уже с колесиком, нас срисовал противник. И, соответственно, когда мы уже пошли, вроде все, мы зашли и успели забежать в зеленку, но они начали отрабатывать по нам кассеткой, ну, кассетными боеприпасами, но мы, слава Богу, убежали. Бежали, был такой позывной «Каин», у него слетели кроссовки, соответственно, я ему кричу: «Беги босиком», подхватил его кроссовки, вот, то есть они, ну, слава Богу, сколько они по нам там, кассетки четыре, наверное, выпустили, но, слава Богу, не попали, и в итоге отправили за нами FPV, ну думали, что уже

добивать нас, но мы успели от них забежать в блиндаж, но самый был смешной момент, что сам 300-й, когда услышал это FPV, он вскочил с этих носилок и забежал в этот блиндаж вперед нас. Соответственно, немножко офигели, конечно, пошутили над ним, что мог бы и сам добежать.

У него были перебиты обе ноги. То есть двойной открытый перелом и ранение паха, в паховую область. И он побежал. Ну, то есть, конечно, соответственно, у него потом открылось кровотечение, мы оказали, опять же, эту медицинскую помощь. Отличился тогда еще Хаебуса, он сбил этот FPV, который летел именно к нам. То есть успел вовремя вскинуть автомат и сбил его, уничтожил.

Раненого мы вытащили с блиндажа, отправили, уже дотащили, грубо говоря, до первой точки эвакуации. Да, первая точка эвакуации, как она, желтая зона. Ему оказал наш медик, позывной «Жук», соответствующую помощь. Ну, и дальше мы уже отправили его потихонечку на ноль, где им там уже занимались более квалифицированные медики. В госпитале и прочее. Да. Это было, когда мы помогали 25-й бригаде, вместе держали оборону.

А медаль «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени получил здесь, в 9-м БАРСЕ. За выполнение боевых задач в прошлом году. Мы штурмовали посадку, помогали пехоте, с АГС ее поддерживали, потому что в момент, когда пехота заняла эту посадку, ночью противник пытался ее отбить обратно. Но мы отработали по ним с АГС, уничтожили несколько боевиков. Группа была где-то из шести человек. Двоих мы уничтожили, двоих затрехсотили. Двое убежали. Потом еще через неделю мы брали еще одну посадку, тоже удачно. В совокупности этих задач меня наградили.

Тогда я работал на АГС. Я был вторым номером АГСа, т.е. я помогал первому номеру, улитки заряжал, т.е., грубо говоря, также в случае чего подсказывал ему, когда ему дают координаты, т.е., чтобы он не отвлекался, я все высчитывал, ему говорил, он уже, соответственно, просто наводил АГС и отрабатывал по противнику.

Был в Вагнере. В 2023-м попал в 32-й БАРС. Там мы тоже непосредственно принимали участие в районе Пятихаток. Мы с Корнетом стояли, наша задача была охотиться на бронетехнику противника.

Мы выставляли его и по ночам охотились за бронетехникой противника. В итоге была уничтожена Брэдли. 3 километра до нее было. Под Пятихатками. Это уже был 24-й год, где-то январь. Зима. Зима, да.

После 32-го БАРСа я пришел домой, наверное, месяца 3—4 отдохнул. Решил, что надо идти дальше. Война продолжается, нельзя сидеть дома, когда моя страна в такой затруднительной ситуации, особенно с моим опытом. Узнал через знакомого, что существует БАРС-9 и устроился сюда. Не жалею, мне очень нравится. Потому что БАРС боевой именно не на словах, а на деле. Здесь именно участвуют в штурмовых действиях. Мы выполняем именно боевые задачи. Мы не отсиживаемся где-то, грубо говоря, в тылах, на закрепах каких-то. Мы непосредственно выполняем боевые задачи вместе с армией нашей.

Из моих боевых товарищей расскажу вам про Сергея Хаебуса. «Хаябуса» — это позывной, есть такой мотоцикл. Он байкер, увлекается мотоциклами и поэтому взял себе такой позывной. Мы бегали с ним вместе, когда он FPV сбил. То есть он, грубо говоря, спас нам жизнь.

И Сэма, командира взвода, помню. Я у него был в подчинении в свое время. Сэм руководил боем, он координировал АГС. Без его грамотных команд было

бы намного больше потерь с нашей стороны, потому что мы АГСом накрыли хохлов и они понесли потери и отступили.

Молодежи в нашем отряде, думаю, процентов 20. Основной костяк — это 30—45 лет. Это, наверное, такой еще советской закалки, грубо говоря, кто родился в Советском Союзе, кто немного застал его.

Потому что, мое мнение, главная ошибка нашего государства, что не было пропаганды, как это было в Советском Союзе. То есть если в Советском Союзе с молодежью работали, пропаганда была, то сейчас нынешняя молодежь вырастает вот на Тик-Токе. В Советском Союзе примером были наши деды, воины, которые участвовали, для многих это герои были. Сейчас для молодежи герои — блогеры, всякие комеди-клубы, которые показывают красивую жизнь. Я считаю, что вот наша проблема вот в этом.

Чем мне понравились БАРСЫ, что командование относится к бойцам в первую очередь как к человеку, то есть их не кидают на невыполнимые задачи. Мы садимся с командованием, разбираем задачу, как лучше сделать, где лучше пройти, где можно отступить, где, наоборот, поднажать. Командование всегда идет навстречу. Плюс у нас командование все в основном с боевым опытом, вплоть до командира батальона. То есть у всех огромный такой же боевой опыт, люди знают, они свою работу выполняют.

Война стала совсем другая. Это не Великая Отечественная, там многое прощалось, здесь не простится. Дроны поменяли войну в корне, то есть сейчас увидеть танк — это, я не знаю, из разряда животное какое-то из Красной книги увидать. В основном они работают из засад, как артиллерия. С закрытых позиций. Сейчас ты просто не проедешь — или ты подорвешься на mine,

потому что сейчас все поля заминированы, или тебя накроет артиллерия и сожгут птички. Ты можешь отправить полк, а из него в лучшем случае рота доберется. Сейчас вот именно такая война. Наступление — это очень-очень-очень сложно, огромный труд, это очень тяжелая работа.

Сейчас у нас оснащение стало лучше и больше. Надо продвигать молодых, командование с боевым опытом, которое здесь уже столкнулось с этим, они знают, они видели это на поле боя, они понимают, с чем они имеют дело. А бывает, человек сидит за тысячу километров от линии фронта и преподает, что вы должны атаковать на БМП с пехотой на броне. Что это? Сейчас все действия — это малыми группами, это двойки, тройки, перебежки. Пока на некоторых направлениях противник больше расчетов БПЛА и FPV имеет.

Хохол — очень грамотный, хитрый противник, очень хитрый. Наши «Герани» доставляют им много хлопот, и это радует очень. Потому что от этого и на душе легче становится. Ты знаешь, что тылы им разносят. Подразделения у них бывают профессиональные, но до нашей армии все равно далековато. Красная армия всех сильнее, она была и будет.

А в бою, если страх есть, самое главное — этот страх уметь побороть. Ну, взять в руки и пойти просто, заставить себя выполнить эту задачу. Потому что есть такое понятие, как ступор. Человек просто встает в ступор, и все. В наше время это подобно смерти. То есть надо просто пересилить себя, сказать то, что ты должен это сделать. А страх нужен, он же помогает выжить. Без страха никуда. Наоборот, если страха не будет, это плохо. Бесстрашный человек совершает необдуманные поступки, где надо, например, приостановиться или отступить куда-то, он идет направо. Бесстрашные

под землей лежат. Царство им небесное, многие в этом плане погибают. Но нужны именно профессионалы.

Нам тыл много помогает. Вот у нас, например, в нашем городе Лакинске есть волонтерское сообщество «33-й батальон», волонтерский. Они очень много помогают нашим ребятам на передке. Соответственно, начиная от еды и всего остального, по мере возможности. Министерство обороны не всегда успевает в полном объеме нас снабдить чем-то дополнительным. Без волонтеров мы не пропали бы, но было бы тяжелее в разы.

На исторических территориях очень многие рады были тому, что мы пришли. Но тут еще очень много работы, предателей, ждунов, которые вроде тебе они улыбаются, друг, брат и сват, а на самом деле при любой возможности, как говорится, могут воткнуть тебе нож в спину. Например, еще очень много машин ездит на украинских номерах. Но ты же уже в России. Что тебе мешает сменить номера на российские? Есть повод задуматься. Сколько примеров тех же, что ГУР Украины завербовали. Поэтому я отношусь с настороженностью к местным жителям. Да, я их защищаю, но и на 100 % я к ним не открыт. Потому что доверяй, но проверяй.

А сколько певцов наших, любимых, когда началось СВО, хаяли нашу страну и говорили, что мы агрессоры. Какие агрессоры? А то, что тут Донбасс до этого 8 лет обстреливали, убивали мирных жителей? То есть когда у них появился заступник, защитник в виде России, оказывается, война идет. То есть до этого 8 лет ничего не было?

А моя семья положительно относится к тому, что я делаю. Я и до СВО и в ополчении был, и в конторе. Это же моя работа. Кто ее еще будет выполнять, как не я? Родственники уже привыкли, что это моя работа. Мать, например, очень гордится мной. Как у меня награды, она фотографирует, показывает, что сын здесь.

В Лакинске я окончил первую среднюю школу, учился в ПТУ на газоэлектросварщика, потом срочная служба, потом работал в Москве в ГБР, группа быстрого реагирования в ЧОПе. А когда начались события на Украине в 2014 г., я пошел в ополчение. В 2014-м мы помогали в освобождении Луганского аэропорта. В 2015-м я служил уже у покойного Гиви в Донецке, у «Сомали». Участвовал в освобождении Донецкого аэропорта. После этих Минских соглашений ушел в контору. Это хороший опыт.

Позывной «Сухов», оператор ПТРК БАРС-9

Я служу в группе огневой поддержки. Работаем на ПТРК, на АГС. А в прошлой командировке я был в штурмах водителем. Первый раз заходил в конце 22 г., в декабрь в 29-й БАРС имени Александра Невского.

Я перед этим купил оборудование и занимался пескоструйной обработкой, покраской. Как раз перед первым контрактом оформил самозанятость, купил вот это оборудование. А потом была мобилизация. Я вот как сейчас помню, что как раз мы там песочили, песочили и красили кран козловой в тот момент. Ну и пошли повестки у ребят у своих как. Друзья писали, что вот, мне пришла повестка, мне пришла повестка. В принципе, я тоже ждал повестку, но повестка не пришла. Не знаю, как-то неправильно было, что все пошли, а я не пошел. И я пошел тоже. Тогда опыта еще никакого не было. А на срочной службе я был в артиллерии на базе хранения. Ну, снаряды перекладывали, грубо так сказать.

С начала контракта было страшно, а потом привыкаешь. Я помню, вначале на «Урале» ездил через

Донецк в сторону аэропорта. Ехали через весь Донецк. Я тогда в первый раз поехал в Киевский район. Мое первое впечатление, я до этого нигде в боевых действиях не участвовал. И вот, когда я первый раз поехал, то есть едешь по этой улице, смотришь, люди ходят как дома, вроде жизнь идет своим чередом и даже не скажешь, что где-то что-то там происходит. А по мере приближения к фронту уже разрушенные дома, уже света нет. И уже когда блокпост проезжаешь, все, свет выключаешь и погнал без света, и педаль в пол, ну и давишь на всех парах, смотришь там вспышки, то есть все взрывается, все там что-то горит, ну то есть идет война. И вот это, вот эти первые впечатления, они глубоко в моей памяти остались. Даже не знаю, как это описать, какими словами. Ну а потом, в принципе, все это, все это когда видишь ежедневно, к этому привыкаешь.

Потом мы работали на Авдеевке. Дали мне «Урал» новенький, всего две с половиной тысячи пробега было. На нем я где-то поездил с месяц. Ребят закидывал на позиции, ротация. Месяца через полтора я уже сел на «буханку». И работали на «буханке» — она удобнее. На Авдеевке поработали и ушли уже на Соледарское направление. Там я перешел в группу эвакуации. Мы расположились на нулях. Занимались и эвакуацией, и подвозом БК и еды, и ротацией.

В Бахмуте занимали позиции. А вокруг в полях на машине никто не ездил. Я пробивал все дороги методом проб и ошибок. То есть, поедешь туда, там тебя срисуют, обстреляют. Тогда такого засилья птиц — FPV не было. Тогда противник «мавики» поднимал — смотрели и пытались достать в основном с миномета.

Один раз я ехал, там был участок такой, с одной лесополки перескакиваешь за другую и через дорогу переезжаешь, и вот дорога была. Там прям открытка

и у них там глаза находятся, то есть они там постоянно меня видели, что я туда проезжаю, а потом обратно. Туда заехал, а обратно старался участок проскочить быстро, прямо там на полном ходу. И только этот участок проскакиваю — смотрю, пролетает ракета от ПТУРа. Они пытались меня достать и ПТУР не пожалели на «буханку». Ну, повезло мне. Я ушел вниз по дороге тогда, ракета мимо прошла. Мы доехали до нулей, открыли сгущенку и давай праздновать второй день рождения. Получил тогда награду «За боевые отличия». Мне ребята говорили: «Ну, куда ты прешься?» То есть там нельзя на машине было ездить. Но это нужно было делать. Это нужно было делать, потому что без этого никак. Как я скажу, что нет, я туда не поеду и все? Есть приказ, его нужно выполнять.

У меня первый контракт был полгода. Потом я съездил домой и вернулся туда же, еще полгода отработал в том же самом подразделении в штурмовом батальоне.

У нас много ребят хороших. Помню, например, белоруса, а позывной у него «Гоша», а звали Юра. У него сейчас, буквально совсем недавно, родилась дочка. Девятый ребенок. Он из Белоруссии и заходил с нами в 22-м г. Также в Александре Невском работал, три контракта отработал. Потом ушел на министерство. На Министерстве обороны год отслужил. Сейчас в отпуске по ранению. Хороший человек — добрый, отзывчивый, на которого можно положиться. Ну и сам факт, что такая большая семья у него, то есть он в принципе гражданин другой страны и он приехал помогать братскому народу.

А еще у нас Мартын был. В 24-м г., уже когда заходили ближе к Часову Яру, ехал она на багги. Наехал на мину, короче, оторвало ему снизу ноги. Он пролечился, поставил протезы и зашел обратно в отряд. Вот это

человек такой силы воли. На протезах зашел обратно в отряд. Сейчас пока что в медицине работает. То есть без ног — и все равно пошел работать добровольцем.

А еще, вспоминаю, в 2023 г. мы завозили на лесополку ребят, саперов. Они только разгрузились, мы разворачиваемся с полки и подлетает дрон к нам. «Матрикс» — наблюдательный, большой. Мы с Димкой, он сначала автомат берет с одной стороны, дверь открыл, пострелял-пострелял, у него не попал в магазин, один выпустил, потом он как-то перелетел на мою сторону, получается, я дверь открыл, уже начал по нему стрелять, ну, может быть, один, один винт ему, я так подумал, что подстрелил, потому что он начал. Сначала высоко поднялся, потом начал постепенно спускаться ну и уходить уже от нас. Ну и что, мы приняли решение, в общем, догнать его. Догнали, короче. А на УАЗике над Лобовым была люстра, такой фонарь. И, получается, вот эта люстра, короче, мы его избили. Ну, Матрикс это наблюдение. Да-да. Большой дрон такой, как мне потом в штабе сказали, что в то время он миллиона полтора стоил. Димка, «Мартын» позывной, все выскочил, подобрал его батарею, сразу вытащил, в кузов закинул — и поехали. Вот такая вот история у него.

Вообще разница людей на гражданке и здесь, что здесь все более открытые, все готовы друг другу помогать. Неважно чем. Взаимопомощь здесь больше выражена. Не так, как на гражданке, то есть здесь совершенно другие отношения между людьми.

У нас в добровольцах и молодежи много, то есть от молодежи до таких людей, кто в годах. У нас были мужики под 60 лет. А самым молодым по 18 лет было. А был у нас, например, скрипач. Он окончил консерваторию. То есть играл на скрипке. Как все, хорошо воевал, нормально. В пехоте. Стрелок.

А в 2022 г. отряд был новый. Не было все налажено. Но буквально через какое-то время уже более-менее начало налаживаться. В принципе, потом никаких проблем я не видел. Сейчас все больше и техники появляется. Машин, конечно, никогда не хватает. Потому что по этим дорогам разбивается все очень быстро. Тем более сейчас такая обстановка, что если раньше можно было ехать как-то более-менее лайтово, где-то какую-то яму объехать, где-то притормозить. Сейчас птицы догоняют. Нужно все быстро делать. Соответственно, ходовая летит, кузов весь тоже расшатывается. Все это дает о себе знать. И машин, я думаю, всегда будет в дефиците. И бензина нам не хватает.

Киевский режим как можно оценить? Нормальный, здравый человек помнит свою историю прошлого, то есть своих поколений, относятся с уважением к своим дедам, которые боролись с фашизмом. А украинцы опять шагнули туда же, получается, в эту же яму. Как к ним можно относиться? Как к фашистам.

У нас командование хорошее. Когда отряд создавался, в первую командировку, мы все были первоходами. С боевым опытом единицы были. То есть все в основном только-только вот приехали, никогда ничего не видели, не обстреляны. И нас не кинули сразу куда-то там в пекло. То есть посидели в обороне, обстрелялись, где-то потихоньку начали потом вливаться. То есть вот эти положительные моменты. Потом само отношение. Младший командный состав — мы вместе заходили, вместе ели с одной тарелки. Он, допустим, стал там командиром батальона сейчас, а я, допустим, такой же, какой и был, водителем остался. Но отношение-то, отношение не поменялось. То есть, естественно, есть задачи, которые нужно выполнять. Я про это ничего не говорю, а человеческие отношения между нами никак не поменялись.

Позывной «Лакинск», механик-водитель БАРС-9

Занимаюсь подвозом боекомплекта на передовую, эвакуацией раненых. Позывной «Лакинск», одноименный город, откуда родом.

До СВО я работал наладчиком оборудования на пищевом производстве. Ну и по совместительству иногда подрабатывал такси. Учился и жил в городе Лакинск. Учился в средней школе. Школу окончил, пошел работать.

До 2022 г. из военного опыта у меня была только срочная служба. После начала специальной военной операции сначала наблюдал, как и что происходит, а потом решил для себя идти добровольцем на фронт. За событиями на Украине я следил с 2014 г., как здесь все происходит. Я понимал для себя то, что страдают дети от этой коричневой чумы, от националистов, что русское все запрещается. Я воспитывался в хорошей семье, в патриотической. Я и исторические и военные фильмы смотрел. В 2014 г. я немножко подумал, и когда уже понял, что пришло время свою лепту внести в происходящее, я уволился с работы и ушел добровольцем в ЧВК на фронт. Мужчины, родственники, братья, отчим меня поддержали. Женщины говорили: «Ну зачем, тебя убьют».

Изначально я попал в 4-й штурмовой отряд. А после ЧВК я 5—6 месяцев отдохнул дома и подписал новый контракт, только уже с Министерством обороны. Это добровольческий контракт — Африканский корпус. Он тоже здесь выполнял задачи на Украине. Вот непосредственно я участвовал с февраля по июль. Это харьковское направление со стороны Волчанск — Липцы, 2024 г. Начал с февраля по июль. После мы вышли,

я улетел в другую страну. Когда контракт закончился, опять же, отдохнул дома, отдохнул 4 месяца. И вот я опять в добровольческом формировании БАРС-9.

Из запомнившегося вспоминаю городские бои в Соледаре. У меня была задача на окраине города в частном секторе занять самое высокое здание — трехэтажный коттедж — и вести радиоэлектронную и звуковую разведку. Мы выставились, и нас обнаружили. Начали работать миномет, танк и все подряд. Все оборудование сбили, мы спустились. Когда по нам начал работать танк, мы спустились с третьего на второй, потом со второго на первый этаж, потом в подвал. В итоге в подвале нас частично завалило. Рация не доставала, не доходила. Было много адреналина. Мы пытались выбраться, но камни были большие, выбраться не смогли. Хорошо, что наша точка была известна — ребята подоспели, откопали нас. Тот день хорошо запомнился. А в Бахмуте и «Хаймерсы» прилетали.

В 2022 г., примерно с октября, я занимался радиоэлектронной разведкой — перехватывали радиостанции украинских сил. С января по март занимались звуковой разведкой — это определение точек по звукам выстрелов, выходам вражеской артиллерии. С марта по июнь меня перевели в артиллерию — на «Малку». В конце июня — начале июля уехал на белгородское направление: нужно было открыть новое направление подразделения. Мы с разведкой поехали посмотреть обстановку в город Шебекино, а потом в июле нас вывели под Луганск, и тогда у меня закончился контракт. Это было в июне 2023 г. Где-то полгода до января 2024 года я отдыхал. В январе 2024-го г. подписал добровольческий контракт с «Африканским корпусом».

Мне очень понравилась «Малка», и я пошел в артилдивизион. Работал на Д-30 на гаубице наводчиком. Это

было Волчанском направлении. Полгода проработал там, а потом улетел.

Когда вернулся домой, мой друг Михаил — мы с одного города — посоветовал: «Пойдем к нам в добровольный БАРС-9». Мы выполняем любые поставленные задачи. Группа эвакуации — это, конечно, страшно. Каждый день ездить по дороге — очень опасно, потому что сейчас вся война идет на дорогах. У нас есть «Булат», он распознает дроны, когда подъезжаешь ближе, он начинает сигналить. Ехать надо, дорога одна; останавливаться — не вариант, надо пролетать. Если машина остановится, через пять минут ее сожгут. Мы пролетаем — Бог бережет.

Есть люди, которые не могут перебороть страх. Мне кажется, это как-то на генетическом уровне. У меня же главное — выполнить задачу, думаешь о задаче больше, чем о сохранении себя. Ты не бросишь задачу, ты заставляешь себя сделать то, что надо. Страх уходит на второй план, когда сосредоточен на задаче. С опытом страх притупляется, сначала было очень страшно, потом стало легче.

Война раскрывает людей в плане души. Оказывается, здесь очень душевные люди. Кто идет в ополчение — это патриоты своей страны. Во всех подразделениях, где я был, люди очень патриотичны. Многие хорошо знают историю России — от Петра I до нынешних времен. Есть люди, прошедшие чеченскую войну, которые многое рассказывают.

Противник серьезный, хитрый и подлый. На нашем направлении противник больше борется с людьми, чем с техникой. Есть видео, где летит FPV-дрон, люди выскакивают из машины — оператор FPV-дрона не уничтожает машину, а уничтожает людей. Противник работает по стандартам НАТО, много наемников — серьезный враг. Я сталкивался и с поляками, и с грузинами, и с

колумбийцами — кого только не было. С каждой национальностью по паре человек.

Видно, что их обучали, и неплохо. Даже по медпомощи у погибших противника видно, что у бойца был полный набор для оказания себе помощи — значит, он умел это применять. По экипировке — пулеметные прицелы и прочее — видно, что обучение и оснащение на высоком уровне. Нам надо у них перенять мобильность. Например, «буханки» — на них сложно быстро маневрировать: 70–80 км/ч — это не скорость по дорогам, и от FPV-дрона не уйдешь. Нужны более шустрые машины. По бронезащите — тоже есть чему у них поучиться. У многих подразделений наших есть бронев автомобили, но на фронте в основном «буханки», которые мало защищают.

С 2022 г. у нас очень много изменилось в хорошую сторону. Тогда у меня был тяжелый бронезилет «Монолит», около 16 килограммов. С учетом всего, что нести — автомат, провизия, боекомплект, — это сильно утомляло. А сейчас появились новые бронезилеты — облегченные и удобные. По экипировке в целом многое поменялось в сторону облегчения. Раньше была проблема с обычной одеждой — тактические штаны были в дефиците, иногда приходилось использовать трофейную экипировку. Сейчас снабжение стало намного лучше.

По поводу тех мужчин, кто остался в мирной жизни, — это их выбор. Но я считаю, что каждый мужчина, у кого позволяет здоровье и кто в состоянии, должен по возможности помочь родине, внести вклад. Понимаю, у многих свои обстоятельства: если человек не может прийти или боится, он может помогать тылом. У нас много помогают в тылу: материальное обеспечение, гуманитарщики — бабушки вяжут маскировочные сети, это очень помогает, спасает жизнь. Бабушка иногда делает больше, чем здоровый мужчина, лежащий

на диване. Война долгосрочная, и каждый должен хоть что-то сделать, а не просто сидеть на диване.

Позывной «Вятка», оператор БПЛА БАРС-9

Сейчас служу в роте БПЛА. Мне недавно 24 года исполнилось. До этого военного опыта вообще не было, срочку не служил.

Первый контракт у меня летом 23-го был заключен и второй в двадцать четвертом году, сейчас третий контракт. Я первый раз пытался зайти еще зимой 22 г., но не контрактовали меня тогда. Не мог я дома оставаться.

Когда контракт заключил, родители, конечно, переживали очень. Я, когда первый раз поехал, вообще им не говорил. Сказал, что на вахту поехал работать. Друзья нормально отнеслись. Они скорее поддержали. Скорее поддержали. А добровольцев разных видел: от молодых до старых. Одному 19 лет было.

Первый обстрел, конечно, запомнился, когда попал под него. Там минометы в основном, насколько мне помнится: были минометы — польки, и 82-е, и 120-е. Еще, когда заходили, дождь шел. Первую ночь мы там ночевали просто на голой земле. Промокшие, замерзшие. Август 2023-го.

Эти первые штурмы запомнились. Задача была захватить Антоновские дачи в районе Антоновского моста. В нашем конкретном взводе — без потерь. Уже неплохо. Начался стрелковый бой, а потом уже начался обстрел, и мы отошли. А еще потом мы оставались в серой зоне несколько дней для того, чтобы раненые оттянулись. Снабжали нас водой с «мавика». Ну, на «мавик» много не прицепишь, кроме бутылки, там, с водой. По пол-литра нам скидывали, да. Получил «За храбрость» второй

степени. У нас всю группу представляли к награде. Вот как раз за то, что мы остались прикрывать отход несколько дней.

А сейчас бэпээлашники для противника первичная цель. Когда за нами целенаправленно охотились, эфпивишками в основном работают.

Позывной «Сургут», командир взвода БАРС-9

На СВО я уже два года, вот 27 октября. Контракт семнадцатого, двадцатого у меня, как бы я безвыездно, как бы, ну, здесь. То есть никуда не выезжая. Ну, как, в отпуске, как бы, выезжаю. А так, с продлением, с продлением, как бы, не выходя, чтоб до нескольких месяцев постоянно здесь. И все время потом в девятом барсе. Да, да. В первой роте. Со всеми моими любимыми командирами постоянно.

Я пошел на СВО потому, что я патриот. Не могу ровно сидеть на пятой точке, когда война идет. Когда нацисты процветают. Кровь кипит у меня от этого.

Я еще в пятнадцатом году в Донбассе был. Просто в поезд сел и поехал туда. Я шел себя проверить и не мог смотреть, что там наших русских убивают. Веселое было тогда ополчение.

Там разные парни были в 15 г. Один парень пришел с Братска пешком. Вообще пешком шел на попутках. Без денег, без ничего. Только в ополчение шел. Парни с душой были. Какие тогда деньги были, если у меня там была зарплата 15—16 тысяч?

А в 2023-м семья все понимала про меня. Отец сказал: «Я ждал, когда ты пойдешь. Мы знали, что ты пойдешь». Я всех просто перед фактом поставил и все, и ушел. Переживают, конечно, родные.

А до СВО абсолютно гражданская специальность у меня была. В самом начале транспортом занимался, последних пять лет я занимался нефтяной работой, был скважинстом. А до того механиком был.

А сейчас из интересного, помню, мы запускали на противника роботы гусеничные, наподобие танков маленьких. Это действенная вещь, они нагружаются и заезжают буквально в блиндаж — и все. Он поднимает весь блиндаж. Сам робот примерно 50 на 50, а килограммов 6 можно ВВ зарядить и бахать. Грубо говоря, даже полторы танковых мины уже поднимают блиндаж изнутри. Он беспроводной, птичка его сопровождает, и так он идет. Оператор сидит, управляет через птичку.

А в 2023 г. я был пулеметчиком, потом стал командиром отделения и им больше года был. Потом стал командиром взвода. Мы и на закрепах побывали, и там поштурмили чуть-чуть.

Однажды у хохлов была длинная такая позиция, как швабра. Моя тройка и тройка спецназа ГРУ. Дали нам хохлы прикурить нормально так. Там было все заминировано. Мы не дошли метров восемь, наверное, до хохлов. Нас их птички встретили, ну и арта, и все полетело просто. Мы в один узкий хохлячий блиндаж заскочили. Туда в броне я не мог заскочить, приходилось снимать и потом только залезать. Вот вчетвером мы там сидели, птички нас встретили, арта полетела, кассеты, что только не летело. Я вылетаю, собираю оружие, заскакиваю туда, броню накидал на вход. Хохлы нас чего только не скинули, думали, уже все, но ничего, вылезли, как бы, ну, живы, все нормально, все вышли.

Помню, однажды наши заскочили, выбили опорник. «Гаррисон» там выбил хохлов, потом «Шпинат» добил их. Хохлы решили отбить и на бэхе решили атаковать, выбить пацанов. И они с одноразки бэху их сожгли.

А на Усах не смогли. Это лесополка так называлась. Я был в штурмовой группе. Мы пошли, закрепились, а союзники не смогли толкнуться там. Нам пришлось там оттянуться, потому что ну не было смысла нам отдельно идти, должны были с трех сторон идти. Парни союзников не смогли свою задачу выполнить, минимально заскочить с других сторон.

Со мной разных профессий люди служат. Кого только нету. Есть с высшим образованием, есть простые парни. Парни разные есть. Например, Фома у нас был. Он самый молодой, что-то 20 лет. Он год отработал. Парень — молодец, и раненых выносил, и двухсотых выносил. И с ним таких же много очень было. А был еще полковник один, танкист. Мужик тоже с большой буквы. Где-то под шестьдесят лет ему уже. Он такой живчик — и молодым некоторым фору даст. Всегда рвется, всегда за руки держать его надо. Они, как правило, советской закалки люди, воспитаны так. Он — реально танкист. Причем такой, боевой. Он и в конторе был, он и в «Ахмате».

У нас в БАРСе оснащение очень хорошее, наверно, мало кто сравнится с нашим отрядом по оснащению. Хватает всего абсолютно. Командиры работают, грех жаловаться. У нас все есть вообще, так что я не знаю, что можно еще. Многие заходят в своем снаряжении, в своей броне. Человек идет работать. Ну, это твоя рабочая форма. Все.

Нам главное, чтобы дисциплина была, чтоб мотивированные были люди. И не по шаблону надо действовать. Чтобы в лоб мы не перли. Чтобы командиры с солдатами общались, дружнее были, собраннее. Надо чтобы полигоны были хорошие. У нашего БАРСа хороший полигон. Командиры стараются, чтобы личный состав учился, развивался. Наши командиры всегда прикладывали много усилий для этого. Там все есть

для того, чтобы ты развивался. Начиная от летунов и кончая стрелкотней.

Но и противник-то у нас вообще оснащен сильно. Беру даже обстановку в небе. Раньше FPV камикадзе не было. Понятно, что все технологии мира с ними.

А так, что на Украине сейчас — это вообще дико, у меня в голове не укладывается. Мы много ездим, проезжаем, и в каждой деревне стоит памятник советскому солдату. Когда-то от фашистской оккупации сильно пострадала и Белоруссия, и Украина. А сейчас на Украине нацизм.

Кстати, в 2015 г. у ополчения сначала ничего не было. Бабушки нас кормили, сынки, сынки нам говорили. А с самого начала одна каска на взвод была и один бронник. Что мог надел, на голову повязал, и все, и погнали.

Вы спрашиваете про страх? Страх — он помогает. Не будешь бояться — все тебе. Не может человек не бояться. Это естественная функция организма. Самосохранение. Как можно не бояться, когда в тебя стреляют? Просто ты его как-то перебарываешь уже в себе. Как-то по-другому на это смотришь. Привыкаешь. Внутренне собрался и все. У меня что, мои пацаны идут, и как, я не пойду, что ли? Я с детства так воспитан. Как все пошли — и я пошел. Надо первым идти — значит, надо. Командир дал задачу — все, собрался, булки сжал и побежал.

Позывной «Гиви», стрелок БАРС-9

Брат ушел на контракт в Минобороны. Я узнал через полтора месяца и, ну, я решил тоже пойти. Родной брат служит, и я тоже решил пойти.

Семья у меня поняла. Мы поженились в 2024 г. Родилась дочка в 2024 г. Мне тогда исполнилось 46 пол-

ных, а моей жене — 42. Я уехал на контракт на полгода, приехал — уже родилась дочка. Я приехал домой на пару месяцев и потом на полгода уехал снова воевать.

Я жил в поселке Нижнянске (Крайний Север, Саха (Якутия). Потом переехал в Воронежскую область, в город Лиски, к родителям. Потом поехал по вахтам работать. А на вахте работал строителем. Устраивался на разные места, как у нас часто бывает: устроился в одно место, а делаешь другое. В Можайске познакомился с женой.

Как только приступил к службе, был накат. Потом в течение года небо, украинские FPV и все остальное: артиллерия работала, мины тоже были, и группы их ДРГ заходили. Мы были на направлении к Николаеву и Одессе.

Однажды с моря была украинская ДРГ. Примерно 9—12 человек. Мы отбили их накат.

А вообще у нас в БАРСах люди разные: большинство полностью патриотические, есть и «финансово-патриотические». Сейчас жизнь такая, сами знаете. Одно другому не мешает. Государство поддерживает финансово, есть и льготы. Люди постарше, они выполняли ту же работу, что и 40-летние, и 60-летние, — все то же самое.

Противник — хитрый. Оснащены они неплохо: есть FPV-дроны, наблюдатели летают, есть «крылья», снабжение у них хорошее. Они бывают очень изощренные. Надо бить врага, чтобы у них поскорее закончились люди и чтобы другие страны перестали им помогать. Надо отучать их.

Позывной «Сибирь», наводчик БАРС-9

Я родился в Алтайском крае, в Барнауле. По специальности автослесарь. Всю жизнь работал руками.

До СВО занимался монтажом натяжных потолков и работал в цехе по изготовлению окон.

Почему я решил пойти добровольцем — решил себя проверить и узнать не из телевизора, а лично, что здесь происходит. У меня старший брат тоже следом за мной пошел.

В 2022 г. по мобилизации мне повестку не прислали, я ждал повестку, но она не пришла. Я сам уже пошел. Попал во второй БАРС в пехоту. Тогда были трехмесячные контракты, я чуть задержался — четыре месяца, потом еще один контракт. Потом мы с девятым БАРСом пересеклись, пообщались; второй контракт уже пошли в девятку.

Помню, мы стояли в деревне. Нам сказали удерживать деревню любой ценой, стояли, мы держали, отстреливались, уходили на позиции. Два раза хохлы пытались, но после двух накатов через 10—15 минут они отступали.

Самый страшный первый накат у меня и был в Ягодном. Я впервые видел такое, когда со всех сторон все летит, еще и грязь по колено. Второй раз уже как водитель: не знаешь, доедешь или нет, но надо выполнять задачу. Страшно, но сел и поехал. Если не ты, то кто? Хотя я видел, которые после первых взрывов убегали в подвал и их оттуда не могли вытащить. Такого одного списали.

В девятку я заходил как стрелок, но обстоятельства сложились так, что пришлось стать водителем: водителя не было — он подорвался на mine, и пришлось сесть за «буханку» и за «Урал». Я ездил по передку: развозил людей и продовольствие.

Дронами по мне били два раза. Один раз FPV не долетел метров пять, упал. Второй раз «Урал» подбили. С коптера прилетело. Первый раз я даже не понял — взорвалось, сзади бахнуло, не долетел. А второй раз попало

между кабиной и тентом. Ничего, «Урал» восстановили, дальше ездим. Повезло, что была натянута маскировочная сетка. Получается, два заряда не сработали, один сработал. Если бы все три сработали, было бы плохо.

У нас в отряде люди разных возрастов и убеждений. Есть даже бизнесмены, кто бросил свой бизнес. Вот тот же водитель, который потом меня сменил, — у него был автосервис, а он пошел в СВО. Он потом продлевал контракт, то есть не на одном контракте уже был. А был еще сапер у нас, пенсионер. Пенсионера взяли, так как у него большой стаж. Ему ближе к семидесяти, но он ас своего дела. Он в Ягодном подорвал вышку, которая украинцам служила ориентиром; она кирпичная. Он ее аккуратно подорвал прямо между домами. Специалист.

Сейчас по сравнению с 2022 г. я вообще никаких проблем я не вижу. Надо — пожалуйста, выдали, в артиллерии всего полно, проблем с боекомплектom нет.

Но и противника нельзя недооценивать: если посмотреть с военно-технической точки зрения, оснащены они хорошо. У них не только советское, но и натовское обмундирование, оснащение. Можно сказать, что с половиной мира воюем, а не только с Украиной.

От местных жителей с 2022-го я не видел от них негатива, скорее поддержку. Помню, старый дедушка нас подкармливал, была бабушка, не хотела уходить, ругалась: «Когда же вы укропов наконец выбьете?»

Позывной «Муха», связист БАРС-9

Служу в подразделении БАРС-9 связистом. Это второй контракт. Родился я в городе Казани. В 1989 году. Учился в 21-й гимназии. Потом пошел в техникум на автослесаря. Пошел в армию. В армии отслужил

я радиотелеграфистом в Военно-воздушных силах. Пришел с армии, работал. Все, наверное, перепробовал. И потом решил подписать контракт.

Каждое поколение мужчин воевало, вот и я тоже решил пойти. Родственники, конечно, не хотели отпускать. Жена у меня, двое детей, ее тоже можно понять. Она все равно будет переживать за тебя, что бы ни случилось, в любом случае. Я все-таки настоял на своем и пошел сюда.

На первом контракте мы ходили в караваны, ребята еду приносили, воду. Там километра три, наверное, четыре. Пешком, да. Сейчас мобильные все стали, а раньше все только пешком. Броня с автоматом, рюкзак по 20 килограммов. И все, в путь-дорогу. Выводили раненых, трехсотых вытаскивали. Группой эвакуации одновременно были. Ребята дотаскали до одного места, а мы туда шли и перехватывали у них. И тащили их уже к медикам.

Помню, по открытке, по связистам бежал, по полю 300 метров, с двумя катушками в руках, птицы летали. Страшно было, очень страшно. Ну, что поделаешь, это работа, ее надо выполнять. Залезал на дерево без брони. Это не смешно звучало. Чтобы этот провод кинуть, чтобы связь провести, чтобы была связь.

Мы стараемся всегда дороги обходить, где машины могут проехать. Порвет просто провод, и придется потом идти искать. А если еще провод наматает, его вытянет полностью. Приходилось залезать на деревья. Перекидки делали по 6 метров через деревья. Десять километров где-то провода мы кидали за два дня, грубо говоря. Там же и дождь был, грязь, слякоть, ужас. Летають птицы, страшно. Ну, что поделать.

Страх — он всегда рядом. Я не знаю таких людей, которым не страшно. По крайней мере, не видел, которые говорят, что вот, я ничего не боюсь. Любой боится.

Даже тот, который с 14 г. воюет, он тоже боится. Он уже привык с этим страхом жить как-то. И тоже со временем привыкаешь, а что сделаешь-то? Ты же пришел, надо работать. За тебя никто твою работу не выполнит.

Помню, как-то я одного мальчишку вытащил. У нас этот мальчишка был бэпээлашник, позывной «Дрозд». Его как-то затрехсотило, мы его на колесе тащили, на носилках. Ему под локоть залетел осколок, он еще упал на эту руку, сломал ее. Жгут, обезбол, перевязка на руку. Фиксация руки была, потому что она у него в локте была сломана. Потом ему капельницу поставили, и к вечеру оклемался, начал ходить с капельницей в руках, а когда мы его притащили, он весь бледный. Мы ему оказали на позиции первую помощь, а у него начало протекать потихонечку. Вот он уже что-то там бледней стал, и мы в итоге побежали с колесом. Это, грубо говоря, те же самые носилки, только есть такая приبلуда — колесо. Одно колесо просто, оно прицепляется к носилкам посередине, и когда ты, грубо говоря, ты его не несешь на руках, а катишь. Намного легче, намного, чем его на простых носилках нести, потому что люди, грубо говоря, разные бывают, и комплекции разные. Колесо очень сильно облегчило все это.

Из тех, с кем служил, вспоминаю Зандака. Мы с ним заходили вместе в одно время. Он до сих пор здесь. Вот это водитель. Человек, наверное, просто с железными яйцами. Я первый раз такого человека вижу, который свою работу выполняет прямо на все 130 процентов. Он водитель, он ездит по позициям, ребятам привозит там продукты, еду, ну, все, что надо. Он едет не по такой дороге, по которой спокойно можно ехать, а там птичек очень много, ждуну лежат, бывает. Это камики, которые садятся и ждут. Там птичка смотрит, глазами — едет кто-то, они включаются и поднимаются.

Зандак был всегда готов ехать в любой момент, в любое время суток, в любую погоду. Он тоже боится, но он выполняет то, что надо делать. Потому что ребят тоже, грубо говоря, они там тоже долго не просидят без еды, без воды. Он очень хороший, позитивный человек, как бы никогда не унывает, что бы ни случилось. То есть он всегда такой веселый, всегда улыбается.

Я после первого контракта что-то домой пришел, что-то туда рывнулся, сюда рывнулся, что-то все не так. Нет там ничего такого интересного. Все рутина. Как-то прям все скучно и уныло. С людьми трудно общаться с некоторыми. И вот просто, грубо говоря, захотелось обратно. Здесь у меня ребята с первого контракта еще остались.

Степень оснащенности у нас растет, становится все проще. Раньше мы работали на тапиках, сейчас IP-телефония у нас есть, которая через Интернет связывается. Но работает на той же полевке, на которой работают и тапики. В принципе, все то же самое. Но идем в ногу со временем. Стоит обычная станция, маленькая, как роутер, но чуть побольше роутера. И уже не надо выходить на коммуникатор, чтобы тебя соединили с кем-то туда, туда-сюда. То есть ты уже напрямую можешь кому хочешь, тому и позвонить. Куда тебе надо, туда ты позвонишь, куда твои провода мы кидаем.

Все есть. Обеспечивают всем. Всего хватает. Работай — не хочу. Главное, чтобы было желание, и все.

Позывной «Икар», доброволец, заместитель командира взвода БАРС-9

Я заместитель командира 1-й стрелковой роты 9-го отряда БАРС. Мой позывной «Икар».

Добровольцем я стал, получается, в 2014 г. И продолжаю до сих пор. В 2014 г. на луганском направлении мы работали, да. Первая моя командировка в составе компании была — это как раз штурм Дебальцева. Штурм Дебальцева был в февраль, конец января, в февраль 15-го. То есть сама командировка с 14-го на 15-й год.

А срочную я служил в спецназе внутренних войск, потом контрактником еще пару лет. Ну вот тоже захотелось что-то поменять в своей жизни, потому что чувствовал, что я еще молод и открыты все дороги. Хотелось еще чего-то попробовать.

На СВО первый раз я попал в апреле 22-го года. Был небольшой период, когда меня пригласили в 45-ю бригаду спецназа ВДВ. Тогда были краткосрочные контракты по три месяца. У меня были там знакомые, которые предложили мой опыт привнести к ним. Я с ними поработал. Надо отдать должное, что 45-я бригада сама по себе на высоте.

Потом в компании. Крайняя должность у меня — замкомандира разведывательного взвода. А после 2023-го в БАРСЕ-9. Вот и получается, коллеги уже были здесь, связался с ними, зашел сюда, в девятый БАРС. Контракт шестимесячный отработал я здесь в качестве командира стрелкового взвода. Вышел на отдых, как раз начались события в Курской области, мне захотелось поучаствовать в работе именно на своих территориях, в освобождении своей земли, скажем так. Там в 25 БАРСе я отработал шестимесячный контракт. Курская операция подошла к завершению. Противника мы вытеснили с нашей земли. Сейчас вернулся обратно в 9-й БАРС.

Как мужчина я выбрал этот путь. Все мои знакомые отнеслись с уважением к выбору.

Однажды помню, когда я был командиром взвода, у нас была задача закрепиться в лесополосе совместно

с союзной 25-й мотострелковой бригадой. Совместно с ними работали. По нынешним меркам соприкосновение с противником достаточно плотное было. То есть лесополоса была занята противником, мы закрепились в соседней — 800 метров. Лесополка выкошена артиллерийским огнем была, т.е. по ней передвигаться можно было, только пригнувшись в полном приседе, чтобы тебя не было видно. В небе постоянно висели глаза. Малейшее движение, сразу же туда что-нибудь летело. Хорошего товарища, позывной «Апач» я тогда потерял вот именно в тех боестолкновениях. Мы попали под снайперский огонь с ним вдвоем. Скорее всего, снайпер нас перепутал, потому что командира можно вычислить всегда как бы. Пришел на позицию, крутит головой, руками показывает, кому куда идти. Начал вести огонь по мне. Я понял, что меня вычислили. Я ползком оттуда ушел. И условились с ним, что я выхожу, а он там через пять малых за мной следом. И он тоже практически вышел из этого сектора. Как будто что-то его толкнуло оглянуться назад. То есть он приподнялся и оглянулся. И в это время получил пулю. Он был еще жив. То есть я начал его вытаскивать, подтянул еще парней, вызвал по радиостанции. Мы начали его выносить. Мы его вынесли, эвакуировали, он умер в госпитале уже. То есть ранение тяжелое было. Все усилия мы приложили, чтобы вытащить его.

На курском направлении вот у нас одна из задач таких была — это вывести мирняк. Мирных жителей, оставшихся — достаточно известный такой поселок Плехово. Долго за него шли бои. Вот после штурма как раз Плехово, мы как раз только оттуда вышли, и нужно было опять туда зайти, потому что появилась информация, что там есть мирные жители, их нужно найти и по возможности вытащить. Эвакуировали их под огнем артиллерии, под ударами FPV, т.е. не стеснялся противник, видел, что

мы выводим мирных в гражданской одежде, все равно били по нам. Мы сбивали дроны сосредоточенным огнем. Каждый понимает, что делать. Сосредоточенным огнем вполне реально можно сбить FPV.

Что касается страха, те, кто не боится, им место в психиатрической больнице. Просто усилия над собой делаешь. И опять же, когда ты ответственен за людей, то именно это перебарывает страх.

Я орден Мужества получил за операции в составе 45-й бригады в 2022 г. Ну, был эпизод такой, когда мы выбили противника из укрепрайона, штурманули, получается, его. Должно было подойти подразделение закрепа, но они не смогли к нам подойти. Ну и, получается, неделю нам пришлось держаться самим. Ну, вот за этот эпизод и получил орден.

БК у нас там был. Сейчас есть вариант снабжения по воздуху теми же самыми коптерами. Мы даже своих бойцов можем снабжать БК, водой, продовольствием. Тогда еще не получило это такого развития.

Отвагу получил за Дебальцевскую операцию. Хорошо помогли нашим парням. Мы тогда как раз шли в наступление. Ну и попали, можно сказать, в артиллерийскую засаду. Начали бить нашу технику с САУ. Плюс подключились пулеметные точки, гранатометные точки. Ну, пехота начала по нам работать. У нас были боевые машины. Дозоры тогда. Это такой экспериментальный проект. На этой машине стоит пулемет «Утес-12.7». В этой машине мы оказались, я тогда был пулеметчиком. Печенег у меня был. Два пулеметчика мы оказались в этой машине. Мы вылезли в верхние люки, чтобы из пулеметов можно было вести огонь. И тут на наших глазах в прямое попадание артиллерийского снаряда в КамАЗ. Те, кто остался цел, повываливались просто из кузова. Кто-то там с осколочными ранениями,

на ком-то одежда загорелась. Ну и получается, вот это скопление людей мы прикрыли своей машиной. Вдвоем со вторым пулеметчиком. «Зема» позывной у него был. Мы спешили, вышли из машины, рассредоточились и начали вести огонь на подавление пулеметных и гранатометных точек, чтобы дать возможность загрузить в машину трехсотых, вывести их. Нам уже тоже места в этой машине не оказалось, потому что она переполнена. Мы уже, прикрывая друг друга, выходили пешком оттуда. Первую отвагу, получается, первую государственную награду получил за те события.

Кто остался в моем окружении, все проверенные парни, которым можно доверить свою спину. Разные люди, конечно, попадались на пути, но отсеялись, скажем так. Война отсеивает.

Если брать наше подразделение, 9-й отряд, намного выросла степень оснащения. В первую очередь техникой мы стали укомплектованы. У нас появились мотоциклы, квадроциклы, машины, «буханки». «Буханки» — это рабочие лошадки этой войны, которые перевозят больше, чем должны они переносить, перевозить по этим дорогам. Они частенько выходят что-то из строя. Мы не переживаем за то, что мы остались без машины. У нас всегда есть подменная. Оснащенность в первую очередь техникой. Это можно отметить. «Ростех», несомненно, в этом помогает. Боекомплекта тоже хватает, номенклатура боеприпасов расширилась. Если раньше у нас на АК-74 были только простые ПС, то сейчас у нас есть и повышенная пробиваемость, и бронебойные патроны. Выходя на задачу, можно забить БК именно пэпэшками или бронебойными. С этим порядок.

Противник силен. Это же те же самые русские, назовем их так, славяне. Которые одурманены какими-то идеями бредовыми. Противник силен, хитер, грамотен,

т.е. какие-то новинки они моментально принимают на вооружение и начинают применять. В начале у нас был период очень большого отставания в плане применения дронов. Сейчас мы начинаем соперничать с противником. Может больше года, но все машины на 99,9 % транспорта укомплектован комплексами РЭБ. Раньше не было возможности на каждую единицу техники его поставить.

Изначально у любого нормального человека не укладывались бы в голове события в Одессе в мае 2014 года, когда просто людей заживо жгли, забивали камнями, все это под лозунги «Слава Украине» и все такое. Одного этого примера, я думаю, достаточно. Опять же, как это назвать, признать героями Бандеру, Шухевича и прочих товарищей, которых, кроме как моральными уродами, назвать нельзя. Признать их героями нации, в честь них ордена какие-то — у нормального человека это не укладывается в голове. И поколения народа уже выросли на вот этой пропаганде, которую скинули.

А отморозков я больше встретил на гражданке, чем на войне. Там их больше. На войне я намного больше адекватных людей встречаю.

Позывной «Мак», командир взвода минометной батареи БАРС-9

Я родился в глухой деревне. Там сейчас живет человек десять, это Свердловская область. Я оттуда в третьем классе уехал. В техникуме учился на автомеханика, потом ушел в армию. А родину защищаю уже 11-й год.

На СВО с марта 2022 г. Тоже пошел Родину защищать. До этого с 2015 г. в конторе участвовал в боевых действиях. Работал на 82-м, на 120-м миномете. Тогда работать было попроще, чем сейчас, так как не было

столько птиц в небе. Работал в Новоалександровке, Попасной, Покровке, Бахмуте. С начала и до конца.

В госпиталь там попал. Плотно хохлы отработали, по нам отработал три семерки и пакет «Града». Они сначала три семерки отработали, и потом сразу же Град пакет сверху накрыл. Вот оттуда меня госпитализировали в госпиталь. А я не понял даже, очнулся — уже валялся. Я что-то вылез наверх. Ну и все, потом так ничего не понял, очнулся уже в окопе. Уже потом очнулся от выстрелов «Града», когда он начал пакет выкладывать.

Это было перед Покровкой, 2022 г. Но в этот день мы встали и работали плотно. Прямо работа интенсивная у нас была. Хорошо целей подавили в этот день. Мы в лесополке встали и в траншееке жили, а миномет стоял повыше. Работали плотно с трех минометов. С 120-го, от трех километров и дальше. В день по 80—100 мин выпускали. Птиц не было так много, как сейчас. Работать можно было эффективно.

Мы после «Града» пытались отойти по окопу в другую сторону, отводить расчет. Но хохлы на опережение кинули, может, танчик стрельнул, может, еще что-то. Я понял, что туда не отойти, пошли в обратную сторону. Отошли в обратную сторону, пока окоп не закончился. А хохлы на нас шли все в броне, в касках, и они до нас не дошли метров тридцать. Не дошли метров тридцать, пошли в обратную сторону. Они нас не увидели, думали, все прочесали, и пошли в обратную сторону. Ну, вот так вот мы спаслись, потом нас эвакуировали в госпиталь с контузией, с контузией. Приехали за нами. Эвакуация.

А другое ранение уже в БАРС-9 получил недавно. Ехали на буханке. И камикадзе прям в буханку зашел. Возвращались с позиции, «Булат» запищал, и разрыв в буханке. В крышу попало. Я глаза открыл, смотрю, живой. Руки-ноги пошевелил — на месте. Напарник,

со мной которой сидел, кричит: «300». Мы остановились быстренько, в лесополку заскочили, перемотали его. И нам надо было ехать дальше. Буханка не загорелась, большая дыра в крыше, но она не загорелась, и так доехали сами. У меня — перелом кости. А я не понял даже, что у меня перелом был. Я только здесь понял, что у меня перелом. У меня там кровь течет, осколками еще позацеплял, но они такие, незначительные.

Из наград у меня орден Мужества и две медали «За отвагу». Медаль за Сирию еще получил.

Сейчас в день, бывает, по двадцать, по тридцать мин отработываем. Сейчас нельзя работать так плотно, как раньше, потому что постоянно небо под контролем. Отработал — и в укрытие, там ждешь, пока небо чистое будет, и дальше работаешь. Так, как раньше, уже нельзя работать, потому что не дают птицы.

В БАРС-9 у меня все устраивает. Обеспечение нормально хорошее. Все, что нужно, все дают. Питание, отличная одежда. Бронирование выдают полностью все. Все новое, все качественное.

Позывной «Багз», замполит минометной батареи БАРС-9

В СВО с декабря 22 г. До этого семнадцать лет военнослужащим был. Потом вышел на пенсию. Жил в курортном городе, работал. И решил снова испытать себя и пойти на СВО. А родился я в городе Кострома. Вырос, окончил школу 11 классов. Призвали в армию, в срочную службу. И там же, на срочной службе, под конец службы написал и заключил контракт. Служил и в Президентском полку. Командир отделения, а потом заместитель командира взвода.

Когда я на СВО документы подавал, жена не знала. Жена узнала в момент, когда мы поехали в военкомат уже за документами. Приехал за женой, говорю, поехали, дело есть. Приехали в Пятигорск в военкомат. Ну, она так примерно догадываться начала. Ну, переживала. Ну, сейчас уже спокойнее. Тоже немножко привыкла. Ну, опять же, мы с ней живем всю жизнь. Как бы она привыкла, что я военный. Поэтому особых проблем не было. Больше дочка младшая переживала. Сейчас уже восемнадцать, на тот момент было пятнадцать.

На СВО у меня было много встреч с хорошими людьми. Очень много замечательных людей здесь встретил. Со многими общаюсь. Никогда бы мы не встретились, если бы не здесь. Они с разных регионов. Здесь пыль, ненужность сметает, смывает. Честнее люди становятся. Лучше видишь их, людей. Во всех ситуациях каких-то.

Добровольцы — разные люди, с разными мыслями, с разными целями сюда приходят. Кто-то здесь меняется, кто-то не выдерживает, уходит. В большинстве случаев люди возвращаются, в другие формирования заходят, кто-то в Министерство обороны уходит. Тут по каждому человеку можно рассказать свою историю. У каждого свой путь, своя история прихода.

Я вспоминаю нашего первого командира — позывной «Рок». Для меня, вот честно, был образец командира, начальника, боевого товарища. Его отношение к людям, его отношение к войне. Его именно отношение к людям, именно человечность, хотя человек много где был и до начала СВО, но именно его отношение к людям, к людям приходящим, каждому конкретному бойцу, каждому конкретному добровольцу. Понимаете, он, не повышая голоса, умеет... Скажем так, человек, который уважаем настолько, что ему не надо отдавать приказ или там что-то, это может звучать в качестве просьбы, но любой

боец подразделения готов вывернуться, извернуться, но решить эту задачу, еще что-то. Для меня это много значит. Не какими-то карательными мерами, не какими-то поблажками. У него этого не было. Если ему надо, то разбейся, но сделай, даже если он этого не требовал. Просто из-за огромного уважения к этому человеку. Причем это уважение зарабатывалось. Приходили люди, не зная его, и через 2—3 недели они сами делали этот вывод. Хотя и задач там было много каких-то, но вникал во все мелочи. Он погиб, подорвался на mine.

Что касается страха — не бояться здесь нельзя. Все, кто не боится, рано или поздно погибают. Вопрос, как человек умеет этот страх преодолевать. То есть кого-то в ступор, кого-то в панику, кого-то, наоборот, к разумным действиям. Тут сказывается, у кого-то опыт, какой опыт есть. Я считаю — двум смертям не бывать, одной не миновать. Либо да, либо нет. Дома сбивают машины. Люди в ваннах тонут. Травятся всякой гадостью. А у нас такая работа.

По сравнению с 22 г. во всех подразделениях лучше стало, службы встали на какую-то колею, в какую-то колею, все уже отлажено, ненужные люди ушли, нужные пришли, у всех все налажено. 2022 год был проблематичнее — вся логистика, все только вставало на эти рельсы после гражданской жизни. Даже армии нужно было время измениться после гражданской жизни. Сейчас все встало, как оно и должно, сейчас все отлажено, налажено. Как показывает и практика, и история, и уже не первый раз, мы достаточно быстро учимся, и даже у врага учимся. И если даже сравнивать с 22 г., то, что нам необходимо, мы переняли, и достаточно быстро.

По БПЛА выросли специалисты свои, которые не полигонные. Которые все на практике. Когда все это начиналось, найти пилота бэпээлашника — это было

сродни жемчужине, иголке в стоге сена. Это были вообще единичные. Кто-то где-то что-то слышал. Люди с бевым опытом все-таки это очень много значат. Которые не теоретически, а все это на практике. Сейчас в этом вопросе мы не уступаем хохлам. Воспитали своих специалистов. Опять же, приходит кто-то новый и передает боевой опыт в этом вопросе.

Все, что необходимо, все в отряде выдается. У нас в отряде с этим проблем нет, если есть возможность обосновать, для чего это необходимо. Делается заявка, и спокойноенько эта вещь, если она действительно необходима, приобретается. Люди отработывают свои контракты и уезжают, с собой форму вывозят, и какую-то из формы они даже не одевали. Даже в сложных условиях, когда нет возможности постираться, у тебя всегда есть смена и комплекты. С этим проблем я сейчас не вижу никаких. Есть все, начиная от трусов и носков и заканчивая бушлатами, шапками, варежками, перчатками. Это действительно так. Поэтому по поводу обеспечения, что продукты питания, что форма одежды, что с этим проблем как бы нету.

Украинские власти толкнули свой народ на возвращение нацизма, хотя сколько там во время ВОВ воевало и боролось с этим. Для нас это где-то в крови. Мы в детстве играли в войнушки про немцев, у всех дедушки воевали.

Позывной «Садык», ВРИО замполита артдивизиона БАРС-9

Служу с февраля 23 г. До этого тоже воевал, но за пределами России.

Это мой третий контракт сейчас идет в БАРС. Первый контракт я был на должности командира отделения,

он же вычислитель. Я в основном это считал и передавал это на орудия. Иногда выходил, чтобы отбить огневые позиции. А уже второй контракт я был на должности командира взвода реактивной системы залпового огня. Она же «Град», БМ-21 ГРАД и БМ-27 Ураган. Выезжали тоже отбивать огневые позиции, также я выезжал работать, будучи командиром взвода. Там основная заваруха и происходила.

Сейчас реалии войны поменялись очень сильно. Раньше учили, когда выезжает, например, боевая машина, встает, бежит топогеодезист, отбивает бусольку, потом отбивает орудие, потом они там что-то считают и в итоге открывается огонь.

Сейчас это все очень сильно изменилось по одной простой причине. Очень много беспилотных летательных аппаратов, которые не дают тебе свободно передвигаться, перемещаться. И, по сути, потраченное время равно цене жизни. Сейчас выдвигаются заранее на какую-то огневую позицию, привязка к местности. Для того, чтобы в дальнейшем боевая машина приехала, встала 3—5 минут и произвела залп.

Однажды в 2023 г. у нас «Град» поехал, дали повышенной дальности боеприпасы, и «Град» поехал работать — обнаружили украинскую военную технику натовского образца. Надо уничтожить было. Соответственно, зарядились, выехали. У нас там висело две птицы. После двух выстрелов птиц хохлы начали глушить. Потеря сигнала. Два выстрела — это первые пристрелочные. Потом дают еще два пристрелочных, и в последующем пакет должен уйти. После еще двух пристрелочных нас, видимо, обнаружила украинская звуковая разведка. И в обратную к нам полетели их 155 миллиметров. «Град» тогда стоял в ангарах, и ребята сразу начали оттуда выезжать. Первый перелетел, там, метров, на-

верное, 400. Потом начали по ангару, соответственно, накладывать. Было, наверное, 7 или 8 прилетов. И все были с перелетами, но они подводили, подводили, подводили ближе. То есть в какой-то момент все понимали, что рано или поздно он прилетит в ангар. Первый очень сильным перелетом уже по ангару был. После второго или третьего мы начали понимать, что это по нам. И нужно было что-то делать. Еще очень запомнилось, что в этом ангаре лежало очень много РСов для того, чтобы заряжать «Град». У нас там перекачивалась позиция и стоял полный КамАЗ с БК от Д-30. Большинство людей высчитали, как снаряд прилетает. Примерно высчитали это время и начали выдвигаться с ангаров. И в итоге, как мы уехали, в ангар прилетел снаряд. Ну, все цело, все нормально.

Россия со времен веков очень быстро учится на всех войнах. И можно проиграть битву, но выиграть войну. Мы быстро принимаем и перенимаем опыт противника.

А внутри отряда с личной точки зрения я для себя выбрал вектор того, чтобы ни с кем особенно не сближаться. Это неправильно между командиром и подчиненными. И как максимум, если вдруг кого-то убьет, то легче.

Но у меня здесь товарищ есть, мой хороший товарищ-друг. Мы с ним как раз со времен компании были еще вместе. Только с ним я поддерживаю какие-то межличностные отношения. Но выделить можно, наверное, одного-два человека. Например, это нынешний начальник штаба, потому что под его началом отряд приобрел ту мощь, ту силу, которая сейчас имеется в нем, когда выстроил такую вертикаль власти, что все работает как часы. Если даже одно звено ломается, эти часы дальше пойдут работать. То есть идеальный, прекрасный механизм. Начальник штаба — человек с внутренним стержнем, волевой, решительный. Где-то

может прям сильно-сильно надавить, чтобы получить что-то. Результативный человек.

Киевский режим — сильно много нацизма там, и этот нацизм впитывался давно. Для них местные жители не люди, а инструмент. А тут для нас среди местного населения 80 % абсолютно нормально к нам относятся. Ну, знаете, как бы в семье не без урода, как говорится, и для всех мил не будешь. Скажем так, возьмем, есть и кто за тот спокойный режим, в котором они жили. Их можно понять. Ну, они жили себе спокойно, тут такая вот война. И кому-то мы не милы, то есть без какой-то агрессии, они честно говорят, что им не нравится, что происходит. Но это очень маленькая процентовка, как бы мы их там тоже не сильно касаемся и не трогаем, живут они себе спокойно и живут.

Про украинцев много знаю историй. Еще в старом селе, где стояла украинская армия, когда мы ее забрали себе, нас там встречали с хлебом и солью. Такие истории про украинцев нам рассказывали. Мародерство, насиловали женщин.

Людей жалко, даже тех, кто на Украине. Промывка мозгов шла. И кто-то это понимает, кто-то это не понимает. За людей жалко. Что касается украинского политического режима, здесь как бы все понятно, что это не в нормах морали и не в нормах нравственности. Это все очень плохо.

Позывной «Таможня», номер расчета орудия артдивизиона БАРС-9

Я в номере расчета артиллерийского орудия, пушка Д-30, 122 мм, родненькие. Раньше служил на Д-20, 152 мм. В СВО я с 2023 г.

Я родился в городе Пенза. Отучился, как и все, в школе. Окончил 11 классов. Поступил в университет, в институт. Отучился в институте. Получил высшее образование. Пензенский государственный университет. Раньше назывался Пензенский политехнический. Я учился на гуманитарной специальности, я себя считаю гражданским. Я отучился на экономиста, совершенно, то есть, не имеющего отношения никак к военному делу. Но когда возникла вот эта необходимость, благодаря воспитанию, образованию, что было уже сформировано, было понимание, что в стране наступают судьбоносные моменты важные.

Как только СВО началась, первое, что я сделал, я пошел по предыдущему месту в мобилизационный отдел выяснить вообще, что как, как можно поучаствовать в судьбе страны, Родины. Я осознавал важность этого.

А другие побежали в тот момент за границу, по предыдущему месту службы. Я тогда был пограничником и сам был свидетелем того самого велосипедного штурма Ларса. Я на погранпункте сам был, я всю эту картину наблюдал, как они были на велосипедах, самокатах. Я видел их эмоции, видел, как они бежали, как образовалась эта очередь за сутки. Вечером мы ехали со смены по пустой дороге, а в 7 утра следующего дня 15 километров очередь стояла из автомобилей легковых.

Пока на погранпункте они оформлялись, я спрашиваю их, а что ты? Ну, кто-то предпочитал отмалчиваться, ну, лишь бы быстрее процедуру пройти и не вступать в контакт с официальными лицами, так сказать, побыстрее бы прошмыгнуть и все. Кто-то более честным был, говорили. Говорят, это не наше все, нам это не надо. Вот такие были различные эмоции у них.

Это реальная картина, не выдуманная, не с телеграм-каналов. Мы начали списки сверять убывающих

лиц. Кого-то разворачивали, кому нельзя, не допускали на выезд, кому повестку выписали — мы вручали. Кто-то валялся в истериках.

Мы возвращались вечером со смены с дневной в 19.00. Пустая дорога. Утром или ночью началась мобилизация. И утром, спустя 12 часов, мы едем на смену. И эта самая дорога — уже на ней 15 километров очередь из беглецов. Например, стоит молодой человек на пункте пропуска. Говорю, что по цели выезда, куда, что? На работу. Говорю, какую работу? Говорю, вот, смотри, соседняя полоса, в ней двухэтажный автобус, ломится битком, ноги торчат от трудовых мигрантов, специалистов, которые сюда работать едут. Говорю, впервые слышу, чтобы в Казахстан выезжали работать. Он справочку показывает, приглашаем на работу, там, каким-то IT-специалистом, еще что-то. Ну ладно, думаю, случай, может быть, ценный.

И эти справки начали в массовом порядке предьявляться, приглашение на работу, все стало ясно уже, когда каждый из этой 15-километровой очереди ценный IT-специалист. По несколько дней стояла эта очередь, с детьми, с женами, грязные, ни в туалет сходить, ничего, дети визжат, животы у всех болят, но люди с упорством продолжали штурм этого нашего по горам перехода, чтобы быстрее перевалить в другую страну.

Все пахло унынием, какой-то депрессией. А на соседней полосе машина с другой стороны, с иностранной едет. «Жигули» обычные, девятка. Сидят пацаны битком, пять человек, водитель, четверо пассажиров. Я говорю, ребят, а вы-то куда? Говорю, вот, смотрите, соседняя полоса, конца-края не видно до горизонта.

А они говорят, что мы не можем как они. Мы приняли для себя решение, что страна в опасности. Мы считаем, что должны участвовать, должны свою страну не бросить.

Кто их толкал, велел ехать? Нет, сами приняли решение и поехали. Так что, возможно, не все так плохо еще.

Тут каждый для себя уже в меру своего развития, образования, культуры, понимает, хочет ли он смузи продолжать пить и в барбершоп ходить или в СВО идти. А кто-то понимает, что дело пахнет керосином и тот самый момент, возможно, наступил. Ну, изучать историю надо, смотреть, кто за что воюет, почему воюет. Каждый для себя решение сам принимает. Надо понимать, что иногда стране надо помочь. Как бы это пафосно ни звучало, кто, если не мы, никто, кроме нас, и так далее. Я поэтому пошел.

Позывной «Наутилус», старшина артдивизиона БАРС-9

Должность — старшина артдивизиона. На СВО я чуть больше года. Пошел защищать Отечество.

Родственники поддержали положительно. Только так, иначе никак. Ну, жена чуть-чуть повозмушалась, но... А как иначе? Ну, я не знаю, у всех по-разному. У меня все отлично с поддержкой.

Я с Краснодара, окончил институт международного предпринимательства и менеджмента. Водителем работал до СВО. Срочную служил рядовым. Потом в конторе был боевой опыт.

В отряде сейчас начинал с наводчика на Д-30. Потом старшиной артдивизиона. Ничего необычного. Работа как работа. Стреляли, давали цели, да. Есть цель, есть команда, мы ее выполняем, да и все.

Вообще снабжать позиции, в тяжелых условиях, всем необходимым непросто. Подъехать к позиции на МТЛБ, когда летают птички и все остальное. Плюс выгрузить

это все, всех обеспечить, уехать без потерь. И так очень часто, почти ежедневные выезды. БК подвозим, продовольствие, вода, одежда, полностью снабжение идет позиции. Волнительно, конечно, но что бояться-то уже? Поехал и поехал. Ну, как-то не знаю, но уже все на автомате идет. Хотя и прилеты по мне были. Ну, в буханку прилетало, когда мы ехали, дважды. Ну, касательно. Первый касательно. Залетели в лес. Все, выскочили. И начали за небом следить. Обстановку. Все, отстоялись чуть-чуть. Поехали дальше. Второй раз уже и трехсотые двое были. Быстро тоже выскочили. Оказали помощь. Ну в крышу, да, прилетело. Осколочные были у людей. В плечо, в ноги — посекло людям. Замотали жгутом, остановили кровь. Все как обычно. Остановили кровь, оказали первую медицинскую помощь. Потом назад сели в буханку, поехали дальше. Чуть если «Булат» начинает пищать, опять же, мы покидаем машину, так же следим за небом.

Позывной «Кира», номер расчета ДЗО артдивизиона БАРС-9

Я служу уже 2 года. Три контракта у меня было с продлением. Родился в городе Воронеж. Средняя школа, специальность получил автомеханик в училище. Потом работал на одном заводе, на втором заводе. Потом в командировке ездил вахтовым методом в Москву, в Подмоскovie. Потом, как СВО началось, оказался здесь.

Почему пошел в СВО? Потому что, во-первых, я люблю Родину, во-вторых, кто-то должен это делать. Плюс у меня семья. Я прекрасно понимаю, что если я не пойду, то враг может прийти, и я не хочу встречать его на своей территории, у себя дома.

Дети у меня уже достаточно взрослые к этому времени были. Супруга сначала как бы сомневалась, но это же мое решение, в конце концов. Поэтому нормально. Сейчас они все мной гордятся, и меня это устраивает.

Сначала был в Редуте, в РСЗО. Это установка «Ураган», я был номером расчета. То есть моя задача была, когда мы приезжали на огневую, я опускал лапы, домкратил машину и следил за небом — от птичек, от дронов. «Ураган» — это мощь. И из того, где ты стоишь от противника, это больше 25 километров. ПВО прикрывали достаточно хорошо. Потом в Редуте я еще был прикомандирован к орудию Д-20. Это 152 мм.

Там были в нас и прилеты, и украинские танки по нам работали, и артиллерия их тоже. Мы, соответственно, накидываем, в нас практически тут же летит. Ответка от врага по нам. Ну, расчет, слава Богу, мы все живы. Хотя уничтожили у нас орудие. Потом уже по нам, по посадке стал работать танк.

Мы тогда выставились, это было за Бахмутом, какое-то там село мы еще проехали, посадка. Там мы выставили орудия, окопались, там были блиндажи, мы их немножечко там подоборудовали под себя, выставили орудия. Все мы начали работать утром. Выставили орудия, привезли нам БК. Все это было в ночное время суток. Мы, наверное, через день начали работать уже непосредственно по врагу. Вот, отработали мы 8 снарядов, и по нам началась ответка сразу же. Сначала из артиллерии. Пришли примерно где-то метров 150 от нас. Мы сразу свернули орудие ну и разбежались кто куда по своим блиндажам. Сидели, переждали. Потом тем же вечером мы еще раз отработали. Потом еще через день мы начали работать. По нам сразу же начал обрабатывать танк. Примерно снаряды ложились у танка, наверное, метров шестьдесят — сорок. Ну, это уже ощутимо прям

довольно, прям уж у тебя, прям, прям страшно, я бы даже сказал. Вот, когда у тебя над головой он пролетает, там скорость просто бешеная. Мы разбежались, потом в небольшое затишье мы только подходим к орудию, полетели птички. Летели FPV-дроны по две штуки. Три раза по две штуки. Уничтожили они орудие, прожгли они его, прям били целенаправленно по орудию.

Мы там уже ничего не смогли сделать, разошлись по блиндажам. Ну и ждали, соответственно, все, у нас работа закончилась, ждали, соответственно, эвакуацию. Потом враг стал по нам отработывать по всей посадке, не зная, где наши блиндажи, соответственно, стал отработывать танк. И в посадку попадал, и за посадку, и перед посадкой. Когда поняли, что мы не выходим с посадки, они запустили FPV-дроны, а получается, посадка стояла здесь, в поле перед нами, и сзади в поле. Они подожгли дронами поля, надеялись, что мы выбежим, ну и там уже соответственно. Но мы крепились, мы не ушли. Мы не ушли с позиции, не бросили позицию. Потом вечером нас эвакуировали. Потом мы через несколько дней приехали, поутру собрали орудие, переночевали там, и на следующий день забрали орудие в ремонт, да.

Не бояться в таких случаях не получается, ну ты никак не сможешь. Это естественно. Это твой инстинкт самосохранения, страх. Ты слышишь, допустим, выход, ты сразу там пригинаешься. На автомате, скажем, это все. Внутри у тебя заложен вот этот инстинкт. А куда бежать? Если ты побежишь, скорее всего, будет хуже. Какое-нибудь резкое движение сделаешь — будет хуже. Надо всем к этому подходить рационально. И, соответственно, слушать всегда командира.

Сейчас я — заряжающий, пороховой. Пороха заряжаю, орудия, снаряды тоже заряжаю. Мне здесь нравится работать. Коллектив здесь достойный, начальство

на высоте. Все умные, все понимают свою работу и свое распределение работы.

Здесь, на этом направлении, но, в принципе, сейчас везде, я так считаю, очень много птиц. FPV-дронов, крыльев. У врага этого вполне хватает. Кто бы что ни говорил, очень много. Очень много.

В отряде у нас добровольцы разные, абсолютно разные люди, с разных городов, с разными судьбами. Кто-то там был, кто-то там, с разными профессиями. Всякий разный возраст. На моей памяти самый молодой парень — 19 лет, еще в Редуте. Самый молодой парень — 23 года. А самый возрастной — это, наверное, 50 лет.

Что касается украинцев, того, как они себя ведут, как они относятся к пленным и так далее. Говорят, украинцы — братья. Я не считаю их братьями. Есть враг — это враг. Его надо победить любой ценой. Потому что они придут к нам домой и у нас никого не пощадят.

Позывной «Мерефа», оператор штаба БАРС-9

В СВО начиная с 2022 г., с самого начала.

Я участвую, потому, что неравнодушен к будущей судьбе Украины и ее населения. Очень неравнодушен. Потому что у меня есть украинские корни, у меня есть очень много знакомых. Я прекрасно знаю, каким образом нынешнее правительство Украины, точнее подобное правительство Украины, пришло к власти. В семье приняли мое решение, я взрослый человек. Ну, скажем так, в своей семье как я говорю, как будет.

Я родился на территории Харьковской области. Оканчивал точно так же обычную среднюю школу. После этого поступил в вуз. Отучился в вузе. Отработал в милиции 8 лет. Уволился из милиции и после этого ра-

ботал в частных структурах. Когда произошел Майдан, я работал в Киеве. Видел это все своими глазами, как это все происходило. Я работал в юридической сфере, в основном это касалось обеспечения безопасности. То есть работа с банками, работа с судами, работа с прокуратурой, с силовыми структурами. Чисто по специальности. Я прекрасно знал, кто стоит за основными фигурантами и основными действующими лицами Майдана. Я уже на тот момент все это знал.

После того как я понял, к чему все это приведет, я уволился с бывшего места работы и уехал обратно в Харьков. В это время уже начиналась создаваться отдельная группа сопротивления. Действующий президент на тот момент, товарищ Янукович, покинул страну. Я вступил в одну из групп сопротивления, в Харьковскую, к сожалению, у нее сложилась плохая судьба. И когда начались репрессии со стороны СБУ, уехал в Российскую Федерацию, забрал семью и уехал в Российскую Федерацию. В Российской Федерации уже вступил в отряд, который набирался. Вот с этого и началась моя боевая деятельность.

Когда были Минские соглашения, я ушел просто в частную военную компанию. Когда возобновились у нас боевые действия, я, как только вернулся с очередной командировки, сразу же ушел в добровольческое подразделение, которое заходило на территорию Украины. В частности, на территорию Харьковской области.

Запомнилась оборона населенного пункта Грахово. Это рядом с Балаклеей. Километров 30 от Балаклеи. Мы осуществляли оборону с 11-м корпусом. 11-й корпус совместно с добровольческими подразделениями. Там было довольно-таки тяжело. Я командовал резервными группами, которые фактически отбивали населенный пункт обратно у украинских подразделений. На тот

момент мы справились. Они не смогли занять населенный пункт. Мы их оттеснили обратно. И вернулись обратно к себе на ПВД.

Я помню, сначала я находился в штабе полка, который отвечал как раз за этот населенный пункт Грахово. Мы обуславливали оборону и некоторые моменты, которые должны были перекрывать. Поступило сообщение от командира подразделения, который конкретно контролировал Грахово, о том, что украинские подразделения развивают активное наступление применением артиллерии, нового тяжелого вооружения, в том числе танков, вертолеты периодически тоже наносили удары с воздуха. На то время уже активно развивалась БПВА, оно уже было у них. Это начало 22-го г.

Мы тогда тоже использовали БПЛА активно. Но тогда у нас не настолько хорошие возможности были, как у них, у них было более современное оборудование. Я находился как раз в штабе, когда поступило сообщение. И учитывая, что на тот момент я командовал фактически группой, я собрался, выдвинулся в расположение. Дал команду на экстренный сбор и выдвижение всего личного состава, которое было у нас в расположении. Также задействовано было три танка, по-моему, один 72, два Т-64.

И с тем количеством личного состава, который я смог собрать на тот момент, потому что мы как бы разбросаны были, выдвинулись в помощь в Грахово. Когда мы подходили, два танка зашли со мной в Грахово, один танк ушел на правый фланг. И фактически мы уже подскочили в момент, когда украинские военнослужащие заходили на край населенного пункта. Оборона была дезорганизована. Фактически они уже сняли передовые посты. Дошло до того, что танки расстреливали чуть ли не в упор наступающую пехоту. Вот как-то

так. И после этого мы там находились на протяжении, по-моему, десяти дней, когда отбросили первоначальный натиск. При мне еще два раза были попытки штурмов, которые были отбиты. Все это время нас там, весь этот населенный пункт, они просто смешивался с землей. Артиллерией, танками. Невзирая на то, что там находились гражданские люди, которых мы пытались вывезти. Очень тяжело было даже передвигаться, потому что беспрерывно шел артиллерийский огонь. Перерыв был два раза в сутки, минут по 20. За это время можно было производить какие-то перемещения. Ну, плюс частично ночное время суток.

К сожалению, наш один танк был подбит. Его сожгли. Очень хороший экипаж, но они приблизились на дистанцию, позволяющую применить Джавелин. И украинские националисты там были, с одной стороны наступали и регулярные войска. С другой стороны наступала группа «Кракен». У них были «Джавелины». В результате наш экипаж погиб.

Орден Мужества я получил после тяжелого ранения. Это было в районе Балаклеи. Украинские войска в то время, они непринято прощупывали оборону, и мы как бы были на разрыве. Постоянно наши подразделения, они перебрасывались с одной точки в другую точку. Тогда украинские войска попытались тоже зайти, заштурмовать пригородный населенный пункт, потом продвинуться к мосту через Оскол. Мы пошли во фланг, скажем так, группой. Напоролась на минные поля и подорвались. Подрыв на противотанковой mine. Ранения были очень сильно обожжены, раздроблены. Меня вытащили, экстренно в госпиталь отправили. Август 2022 г.

У нас отдыха на тот момент практически не было. Постоянно нас бросали, я же говорю, затыкать дыры

создавшиеся. А учитывая, что личного состава было не очень много, то дырок возникало много. Я имею в виду действующих военнослужащих. Была огромная нехватка. Поэтому мы закрывали все эти моменты.

А потом я был в отдельном разведывательном отряде, название «Маэстро», которое действовало на Бахмутском направлении. Точно так же работал в штабе. Организовывал штабную деятельность. Они меня очень сильно попросили прийти и помочь организовать штабную деятельность. Я же человек с опытом достаточно богатым. В прошлом году я у них практически отработал месяцев 7–8. Подразделение работало на Бахмутском направлении, на Часов-Ярском направлении. А потом вернулся в 9-й БАРС.

Командиры подразделений в 9-м БАРС — они все неординарные личности. То есть, ребята с опытом, многих командиров подразделений знаю очень хорошо, потому что мы начинали вместе в 22-м г.

Командир другого отряда «Маэстро» позывной «Кратер». Мы прекрасно знаем друг друга, только по другим ситуациям. И он тоже неординарный человек. Это человек, который вместе со мной двигался в боевых условиях. Участвовал неоднократно в ближних боях. Умный, со знаниями. Он очень хорошо относится к личному составу. Он всегда переживает за личный состав. Он всегда бегал по передку со своими бойцами, лично участвовал и в штурмовых действиях, и в отражении атак. То есть для него не было разницы, как бы, и для одного, и для второго, где находиться. Далек в тылу либо с людьми на передке, понимаете. Он как бы всегда выбирал передок. Вот они в этом очень схожи, в принципе, и я такой же. Мне проще со своими ребятами быть на передке.

Те добровольцы, которые приехали в 22-м г., это люди, которые бросили все и просто поехали защи-

щать Отечество. У многих, кто был в первых рядах, есть родственники на Украине, особенно на Восточной Украине. Естественно, они знали от родственников, что там происходит. Рядом со мной было человек 10–15, у которых близкие родственники на Украине, и человек 10, которые именно уроженцы Украины. Поэтому тут, знаете, задействована внутренняя сущность каждого мужчины, когда начинается непонятное нашествие, непонятное правительство, репрессии, которые там были. Это я свидетель. Я знаю, как людей там поодиночке вылавливали, как их сажали, как их потом находили погибшими либо не находили вообще. Вот поэтому и пошли мы воевать.

Сейчас это уже добровольческое движение больше начинает становиться на профессиональную основу. Уже люди приходят, которые уже набрались опыта за все это время. То есть у них уже есть опыт. Они продолжают набираться опыта.

Возраст все-таки имеет значение, но все зависит от физического состояния человека. На самом-то деле если человек старше 60, ему тяжело работать, потому что работа требует очень сильных физических усилий и физического напряжения. И эмоциональный фон, и психика на пределе своих возможностей работает иногда. Поэтому для пожилых тут тяжело работать. Другое дело, если у человека узкая специализация, которой очень часто сейчас, в современной войне, требуется. Именно те специализации, которые не требуются обычному пехотинцу либо обычному артиллеристу, обычному добровольцу.

Это связанные в основном со средствами радиоэлектронной борьбы, радиоэлектронной разведки, хорошие механики, хорошие артиллеристы, профессионалы своего дела, хорошие специалисты связи. На самом

деле они всегда будут востребованы, они всегда будут нужны. На самом деле хороший специалист — он всегда будет нужен. Даже, знаете, даже старше 60 лет он все равно будет нужен, поэтому довольно-таки много людей старше 60 лет в добровольческих подразделениях. Я таких лично много знаю.

Хороших специалистов всегда будут с радостью ждать и не посмотрят на его возраст и на его физическое состояние. В подразделениях требуются люди, которые являются действительно профессионалами своего дела. Я умею воевать, поэтому я и здесь. Не смотря на ранения.

С начала СВО в войсках многие острые моменты были устранены. Иногда подразделения просто отпадали от своих тыловых служб, потому что основная часть подразделения находится на другом направлении, а небольшие подразделения в другом месте были с проблемами в снабжении. Мы их подкармливали, если надо было. Точно так же, как и они нас подкармливали. В степени оснащенности в плане вооружения мы растем, но хотелось бы быстрее. Средства ПВО, средства РЭБ, средства РЭР, средства контрбатареинной борьбы. Дело в том, что у противника на вооружении находится высокоточное оружие. Противник активно использует те же самые французские самоходки и европейского производства. С высокоточными снарядами.

Враг воюет, скажем так, серьезно. Там очень много наемников, прибывших со всего мира. Там очень много профессиональных военных с Англии, с Америки, с Польши. В последнее время очень активно у них и очень много появляются южноамериканских товарищей различных стран.

Здесь 80 % местных жителей прекрасно все понимает и прекрасно все знает. Они хорошо к нам относятся.

Дальше будет Центральная Украина. Там будут относиться 50 на 50 уже. В западных областях — там уже большинство нерусские. Скажем так, у них другой менталитет. Поэтому там будет тяжелее. Повторяется все то же, что и происходило во время Второй мировой войны, но справились же.

Позывной «Ратник», командир группы БПЛА БАРС-9

Мой позывной «Ратник». На данный момент служу в БАРС-9, командиром группы БПЛА. Добровольцем служу с декабря 22-го г.

До всего этого, до 22-го г., я меньше обращал внимания на подобные вещи. Как-то жил там своей жизнью, все как-то вроде как хорошо было, туда-сюда. А потом, как все это холодной водой, так сказать, сверху ливануло, начал изучать вопрос. Ну и все, что я узнал, мне как-то стало прям тяжело, так сказать, на душе. И захотелось отстоять интересы нашей Родины, не пустить на нашу территорию тех, кто нам навязывал свой образ жизни.

А родился я в Челябинске, на Урале. Школа № 20, лучшая в Челябинске. Маленькая, уютная, семейная. Окончил школу, и по стопам семейным, так как у меня семья рабочих, именно заводчан, металлургия. Я пошел в техникум металлургический. Окончил, как говорили, на самую престижную профессию. Как оказалось, в итоге самую малооплачиваемую. Автоматизация технологических процессов. А как оказалось, люди, бросающие лопатами в горн сырье какое-то, получают гораздо больше. Потом решил на переезд в Тулу, там дальше продолжил жить. Три года, получается, перед СВО я провел там. Дошел до должности старшего мастера,

вроде как и все было здорово, классно, хорошие деньги. Но случился 22-й г., и я задумался о том, что живу в каком-то пузыре. И пошел отстаивать интересы страны.

С самого начала я попал в подразделение БАРС-11, в то время находившееся на Донецком направлении. И, получается, место дислокации у нас было прямо в городе. Что удивило, то, что все мной прочитанное, все мной из каких-либо источников узнанное подтвердилось на месте, моими глазами я увидел, как живет прифронтной город, когда буквально вот автостанция, а вот ракеты, и тут же на окраине ЛБС проходит. Это было, конечно, потрясением, что люди живут так и живут так уже, получается, восемь лет на тот момент. Вот это было как бы для меня такое подтверждение правильности моего выбора, что я иду именно защищать русских людей, русский народ, наш менталитет.

Там нас хотели сразу же похитить в пехоту, как всегда. Но один очень хороший командир как-то подошел к нам спустя три дня после прибытия. Мы копали блиндаж. И он подошел и спросил, кто шарит в компах. Ну, мне-то, как я много работал в свое время за компьютерами, показался этот вопрос человека, не понимающего ничего в компьютерах. Ну и я спросил, а какого уровня знания нужны? Он сразу говорит, вот ты подходишь. И мы попали в подразделение БПЛА. Его позывной «Татарин». На данный момент считаю его моим лучшим командиром, который нас направил, научил всему. Его политика была таковой, что боец должен уметь все. Мы на тот момент сопротивлялись этому, как могли. Я говорю, я же летаю, зачем мне боеприпасы знать как делать? Зачем мне это, то, то, то? Но в итоге сейчас, когда я уже занял ту же должность, что он когда-то занимал, я понимаю универсальность знаний, которые мы получали, и их пользу.

Вместе с товарищем попали в это подразделение. Мой товарищ, позывной его «Биркин». Там целая история была. Его жена не пускала. Он пообещал ей сумку Биркин купить. Какая-то очень дорогая сумка. Миллионами рублей стоимости. И на этом фоне у него и такой позывной стал.

И нам была очень интересна тематика БПЛА. В 2023-м к нам приехал впервые расчет FPV. Мы подумали, что это какие-то инопланетяне, вот эти вот очки, антеннки куча, он летит, у него что-то отпадает, что-то там это. Мы смотрели на все это, смеялись, но, когда он при нас прилетел и уничтожил группу противника вот этим своим жужжащим дроном, мы сразу так, опа, это все серьезно, это нужно изучать. И с тех пор начали углубляться в эту тематику, в чем также достигли определенных успехов.

Получается, на Марьинке мы работали, потом нас перебросили на Запорожское направление, под Работино. И, получается, до февраля 24 г. мы полностью работали там. Интенсивно, каждый день. Очень было напряженно. Там, наверное, все знают, как было. Постоянные обстрелы, постоянные дроны. Убивали нас очень часто, так как у нас оборудование было на тот момент не сильно технологически развитое. Нам приходилось очень близко подходить к ЛБС. Ну что, соответственно, влияло на наше обнаружение, а так как расчеты БПЛА достаточно высокой степени приоритетная цель. Поэтому весело нам было.

Под обстрелы попадали постоянно. В первый раз когда еще ехали и не побывав еще на линии боевого соприкосновения, мы с товарищем обсуждали, как мы себя поведем, когда начнется вот именно война. И мы окажемся вот именно в этом процессе. И наш первый обстрел, все вокруг, рядом кладут. Там буквально

какие-то десятки метров от нас разрывы были. На тот момент нам казалось, это прямо нас убивают. И мы просто с товарищем вот как-то поймали этот момент, самый близкий разрыв, на друг друга посмотрели. Просто улыбка до ушей. Да, мы не обоссались! Видео это где-то даже сохранено. Я там снимал на телефон. Думаю, прямо очень крутые получились кадры того, как мы первый раз почувствовали, что такое обстрел. Под Марьинкой, там была звероферма. Мы работали над ней. Нам говорили, что мы слишком слабый инстинкт самосохранения имеем. Ну, а нам на самом деле просто понравилась та работа, которую нам предложили обстоятельства. Боевое братство, все ясно, все четко, все понятно, задачи, нет никакой фальши вокруг. Как-то все вокруг сплочены, вокруг одной цели. И это как-то нас воодушевляло, ободряло.

Под Работино мы работали до февраля 24 г. Там я получил ранение. Вместе с товарищем нас обоих ранило. Мы уже заканчивали рабочий день, собирали вещи. И в определенный момент, получается, в метре от меня произошел разрыв. Меня отбросило в окоп, я упал слегка. Ну, наверное, на какое-то непродолжительное время потерял сознание. Я очнулся, у меня уже товарищ кричит, живой, живой. Я говорю, живой. Тут же жгуты, прочее, прочее. Он убежал за помощью, я зажгутовался. Все, ребята прибежали и выносили нас. После этого я попал в госпиталь. Вот. И уже тогда мы знали, что есть подразделение БАРС-9, слышали о нем только хорошее.

К сожалению, в прошлом просто не было дронов. Не хватало. Я люблю работать конкретно на ЛБС.

Как-то без отдыха, наверное, месяцев пять в одном подвальчике, пока его «Баба-Яга» не сожгла, мы провели. Получается, что по результатам этой работы, уже

собираясь на второй контракт, мне предложили стать командиром БПЛА в нашем отряде. Не хотел, честно. Ну, потому что и мне нравится вот именно на ЛБС работать.

На том самом Работино очень много было украинской техники. Они там прям колоннами ходили и периодически мы их жгли. Ну, я был сапер, мавикист, товарищ мой был именно пилот FPV и техник. Получается, мы с ним вдвоем такой универсальный расчет был. И мы как бы участвовали периодически в сжигании техники. Те самые «Леопарды» вот эти, М-113. За что впоследствии выписали по медали храбрости.

В целом раньше в большинстве подразделений, с которыми я когда-то пересекался, мы работали догоняющими, инновации перенимали у врага. И по моему мнению, мы не войной занимаемся, а именно какой-то операцией. Аккуратной операцией, ощущение, что если мы не будем выкладываться на 100 %, то это неправильно. Ну, это такое мое мнение. Я просто чуть-чуть категоричен в каких-то моментах.

Киевский режим продажный. Народ, к сожалению, страдает от этого. Ну и для меня до конца непонятно, за что нас можно так ненавидеть. Ну честно, даже все это происходящее, сколько уже лет длится, у меня нет абсолютно никакой ненависти к украинцам. Мне кажется, просто люди, жившие в какой-то оболочке, в которой их воспитали. И мне непонятно, почему до сих пор не приходит осознание того, что жизнями народа достигаются цели каких-то других людей.

В Донецке с местными жителями очень прекрасно было. Прям родные люди, все там улыбочивые, приветливые. В Запорожье было чуть похуже. Тут, я как понимаю, чем ближе к центру Украины, тем более возвращена ненависть к нам. Сейчас, находясь в Харьковской области, по-разному бывает, но в основном хорошие отношения.

Часто помидорами кормят. Страшно, конечно, но идем иногда на риск. На данный момент пока вроде не пострадали. Хорошие люди, обычные наши люди. Не знаю, не умею их бояться пока что. И надеюсь, никогда не придется. Когда-нибудь все-таки подружимся обратно.

Позывной «Старовер», оператор штаба БПЛА БАРС-9

Я оператор штаба, позывной «Старовер». Пошел еще в 2014 г. Сначала в ополчение, потом «Спарта», потом «Первая славянская бригада». И в семнадцатом году решил немного обжиться уже в России, поскольку сам гражданин Украины был. Пока сделал гражданство, туда-сюда, и СВО началась. Как только началась СВО, сразу же вступил в девятый отряд.

Всю жизнь я прожил до 27 лет в Харьковской области. Учился, строителем, сварщиком работал. Учился в Харьковском университете. Работал все время в стройке. Читал правильные книги. Я с детства воевал русскими солдатиками против немецких. Ну, я русский.

Вначале никто не знал, на самом деле, где я. Сказал, что я уехал в Россию на заработки. Потом, ну, сложно было, конечно, от матери скрывать. Даже на душе было, знаете, такое ощущение, когда врешь. Потом сказал, мать восприняла это все нормально. С одним братом я вместе и воевал там.

А у старшего мой племянник-сын в ВСУ служит. Но у меня никаких претензий нет. Это гражданская война. Так бывает.

С 2014 г. были, конечно, и веселые моменты, были и серьезные. Было пару таких моментов, что думал уже, что все.

Это еще в самом начале было. Вообще я не военный человек, я не служил в украинской армии никогда. Мне выдали пулемет. Это было еще при штурме Саур-Могилы. Только сформировалось наше подразделение, это с казачеством еще было, буквально месяц-два мы к ним примкнули в самом начале. И был такой штурм, танки, я как будто в кино попал про Вторую мировую войну. Танки впереди, мы там пехотой за этими танками по вспаханному полю бежим. Реально как в кино. Фонтаны от взрывов по полю. После этого наката мы отошли в Марьинку, в соседнее село. Начали готовить позиции. Выкопали окопы, все дела, окопались. И у меня такой окопчик был. Примыкал к пристройке. А за пристройкой мы натянули проволоку, повесили банки, чтобы, если кто-то идет, было слышно, что кто-то идет. В общем, дежурю я ночью. Слышу, кто-то там швырит. Я с пулеметом сижу, думаю, сейчас сразу же размотаю, как только выйдут. Ночь такая, еле-еле что-то видно. Выходит свинья и начинает хрюкать. Люди, когда уезжали с этого села, они выпустили всю скотину. Там много было скотины разной. Куры, гуси вдикую бегали. И вот она проходит мимо меня, идет к моему товарищу в соседний окоп. И я слышу просто ужасные крики. Свинья орет, он орет. Она упала к нему туда, на него. Он дремал там. Началась вот эта вся возня. В окопе. Это реально был веселый такой момент.

У добровольцев тогда было, возможно, немножко бунтарское отношение к армейским, уставным правилам, но они хотели служить своей Родине. Вот это — основное, мне кажется. Это и есть добровольцы.

В 22-м у нас, можно так сказать, рота была как пожарная такая команда, то есть где прорыв и шли. В одном из выходов — это поселок Грахово возле Чугу-

ева. Тоже у нас была разведка — заскочить в соседний хутор, но он, получается, был в низине, а наши враги сверху, и мы сверху, а этот хутор в низине. Ну и такой тоже был довольно-таки дерзкий накат у нас. Мы туда заскочили с техникой, провели разведку, выявили их огневые позиции, поняли, что лучше не оставаться в этом хуторе. Ну и все, выявили их огневые точки, куда потом наносилось артиллерийское поражение.

Из героических ситуаций для меня героический подвиг совершил наш командир отряда, позывной «Майор» у него. Он тогда был у меня командиром взвода в 22 г. Это тот момент, когда он со своей группой пошел сначала отражать, тогда был серьезный накат противника, когда мы уже отходили с Харьковской области. Под Балаклеей. В сентябре 22 г. И они последние, кто оставался на прикрытии всех войск, которые выходили с Балаклеи именно из города. Потому что там и Росгвардия оставалась, ну там много кого еще оставалось. И они держали позицию, не давали противнику перерезать эти пути, через которые выходили войска. И они же выходили два раза практически из окружения. И он без потерь, по-моему, легкое ранение у кого-то было, так без потерь вывел всю группу. Это серьезно, мне кажется.

Противник серьезный на самом деле, потому что он мыслит точно так же, как мы, потому что основная часть это все-таки такие же славяне, как и мы. Знаете, мне немножко вот эта ситуация напоминает войну Османской империи на Балканах. Когда многие славяне на Балканах поверили в то, что Османская империя пришла туда навсегда, и начали принимать ислам. И таких людей просто те же славяне, которые не поверили в это, начали называть патурченцами. Перебежчиками, как говорится. Ну, вот здесь очень похожая ситуация,

потому что наших оппонентов довольно-таки серьезно завлекли традиции Европы, которая, кстати, всю историю убивала их, как Гитлер, например. Я просто не понимаю, как можно идти на поводу у тех после того, что они сделали за многовековую историю со славянскими народами.

Что касается настроения в боевых действиях, страха, у меня был такой момент, я помню, когда он просто выключался. Когда его перебарываешь, мне кажется, и уже идет увлеченный процесс самой работы, уже как-то вот голова съезжает чуть-чуть, мне кажется. Такой момент был. А так вообще, перебарывается как-то страх. Идешь через него, сжимаешь зубы, стараешься дышать и так далее.

С 2014 г. на исторических территориях я встретил множество хороших людей. Тогда это было Донецкое направление. Очень много людей помогали. Очень много. Во всех планах. И технику помогали чинить. Я за хорошее всегда благодарен тем людям, которые поддерживали. И я скажу, что таких людей здесь было большинство.

Позывной «Краб», начальник связи БАРС-9

Сейчас я служу начальником связи БАРС-9.

Здесь на СВО непосредственно я с 23-го г. Я вообще сам из Севастополя и воспитан был по принципам патриотизма российского. У меня отец был летчиком-испытателем морской авиации. Ну и сам город дает о себе знать, воспитание, то есть Севастополь всегда был патриотическим и настроен на Россию. Когда началась Русская весна, мы с компанией собрались и помогали. Тогда еще было подразделение «Беркут».

Мы из Севастополя поехали на Чонгар переправу. Там помогали «Беркутам», чем могли.

Потом я работал в компании, в 22 г. находился за границей. И в 23 г., когда контракт закончился у меня получилось на СВО попасть.

Я начинал с обычного радиотелефониста. Тапик, полевка, все это. Это все было с самого низа, с самого начала это все проходило. То есть путь был такой, достаточно обширный, с самых низов. Эпизодов-то много всяких разных было. Например, на вышке, когда висишь и дроны начинают летать, не очень приятно. Когда ты на высоте 50–60 метров, а сделать ничего не можешь. Это передающие приемные антенны. Ретрансляторы и тому подобное. Чтобы обеспечить связь на большую площадь, надо задирать антенны. Антенны, естественно, что у нас? Это вышки. Телевизионные. Вот на одной такой вышке населенный пункт Першетравная. Смотрю, дрон висит. Ну, слава Богу, что он оказался корректировщиком. А снизу мины ложатся. И ты не знаешь, тебе куда, чего. Я был примерно где-то метров 50 на высоте. Мы проводили ремонт, потому что дрон-камикадзе повредил оборудование связи. Нам пришлось резко это все делать, потому что батальон остался без связи. Это было в 2024 г. весной. Забрались, я там не один был, там со мной еще помощник был. Надо было поменять антенну фидерного устройства. Антенны и кабеля, то есть мы протягивали эти кабеля, поднимали наверх вместе с антеннами. И в момент, когда мы производили эти все работы, появились птички. Ложились рядом с нами в пределах 100 метров. Скорее всего, по нам стреляли. Переждали мы этот момент, пока там обстрел не закончился. Доделали все и, соответственно, вернулись в расположение по своим блиндажам.

Ну, моментов-то много всяких разных было, когда надо было восстанавливать связь под обстрелами. Под обстрелами восстанавливать связь вообще-то страшновато. Страх надо воспринимать его как есть, как должно. Понятно, что страшно, но ты же понимаешь, что делать-то надо. Кто-то может себя побороть, кто-то не может. Я не знаю, как это объяснить словами. Конечно, страшно, но берешь и делаешь дальше. Я так думаю, что каждый с этим сталкивается. Даже не знаю, что вам сказать по этому поводу. Скорее всего, в первую очередь ты должен побороть самого себя вот здесь. И воспринимать эти все вещи как должно. Мы же знаем, куда мы идем и зачем. Это первое. Ты должен понимать, что такое подписывать контракт.

Добровольцы — это люди самоотверженные в первую очередь, которые встают на защиту Родины по зову сердца. В первую очередь, я так думаю, что это должны быть патриоты своей страны и люди, которые готовы жертвовать ради своей страны. Собой, своим здоровьем. Ну, естественно, помогать ей своими знаниями и умениями.

Много ребят запомнилось. И кого их живых нет, и кто уже закончил контракт. Вот именно из связи кто — это кто меня обучал многим вещам. Это «Май», его звали Андрей. Мы с ним попадали в такие интересные моменты. Восстанавливали под обстрелами связь в населенном пункте Ольшаны.

Обычно у нас были и радиосвязь и проводная линия, проводная линия с минометной батареей и командным пунктом. Постоянно, где минометы находятся, естественно, их ищут и там обстрелы идут. Вот у нас постоянно были задачи по восстановлению этой проводной линии. То есть минометная батарея отстреляла, туда начинает обратно прилетать. Естественно, мы идем

это все восстанавливать. Один момент мы попали под такой из обстрелов.

Когда ты идешь, вроде починил один кусочек, прошел метров 150, а туда, где ты стоял, уже прилетает. То есть ты понимаешь, что, ну ладно, сейчас здесь сделаем. Здесь починили, доходим до следующего куска, уже прилетает туда, где ты только что был. Начинаешь соображать: надо переждать; где-то ищешь укрытие. Когда такие серьезные моменты, мы старались, естественно, переждать, когда вот прямо массово шло, обстрел шел, тогда мы, естественно, где-то прятались, пережидали этот момент. Потом, естественно, выходили обратно связь восстанавливать.

Хохлы с западной поддержкой — это сильный противник, хорошо оснащенный, грамотный. А киевский режим — это подонки какие-то, народ обманывают свой на ровном месте.

Вспоминаю, в Ольшанах жила семья. Мать, отец, внук, бабушка и дедушка. Они до последнего не хотели уезжать. «Это наша земля, мы здесь будем». Они положительно к нам относились, помогали. Мы им помогали, чем могли. Не хотели женщина с сыном уезжать до того момента, пока они, сидя у себя во дворе вместе с соседом, не прилетела к ним 155-ка. И чудом они там все... Семья осталась жива, соседа убило осколком. Сосед сидел напротив сына ее. Грубо говоря, он спас своим телом сына. После этого они, естественно, поняли, что это не шутки, и собрались, уехали в Россию. К родственникам куда-то, я так понял, на Урал.

Родился я в Севастополе, в моем любимом городе-герое. Естественно, там же воспитывался в духе патриотическом, на памяти Великой Отечественной, на ее героях. Севастополь сам за себя говорит. И наверное, моего возраста многие парни воспитаны были

в духе вот этом всем. Учился в средней школе номер 49. Увлекался подводной охотой. Походил по Черному морю на кильколовах. Это после школы. Пошел учиться на судоводителя. Работал на заводе электромеханических систем и оборудования «Омега». Это завод, который производил ремонт авиационных запчастей, агрегатов, то есть таких вот вещей.

В 2014 г. Чонгар, потом группа собралась из нас. Мы поехали под Мариуполь. То есть под Мариуполь, это Новоазовск, потом Водяная, Седова, Новоазовск, Коминтерново. Мое, так сказать, боевое крещение было в 2014 г. Ну а потом с той же компанией, с которой мы, группа единомышленников, и под Мариуполем были, и все дела, у них знакомые в компании были. И вот в семнадцатом году пригласили меня туда, и так вот начался мой уже такой плотный путь добровольца.

Когда приезжаешь домой в отпуск или между командировками смотришь на наших людей — ну, там своя жизнь. Многие не понимают, что здесь происходит, как это все. Естественно, многие даже и не задумываются о том, что это вообще. И ладно. Это выбор каждого человека, что ему делать в своей жизни.

БАРС-12

Позывной «Техник», командир группы 2-й роты БАРС-12

Служу в 12-м отряде БАРС, командиром группы 2-й роты. Первый контракт у меня был подписан в ноябре 22-го г. С того момента, можно сказать, не выходил вообще. То есть фактически три года на фронте.

Я родился в городе Семипалатинске, а потом мы переехали в станицу Кущевская, Краснодарский край. Там школу окончил, там и колледж окончил. У меня специальность — механик. У меня была своя станция обслуживания автомобилей. Дома все оставил, собрал вещи и выехал.

Когда началась мобилизация, много моих товарищей забрали по мобилизации. Я не получил, а когда в 2022 г. пошли бомбить уже и Крымский мост и так далее, и в наши края начало лететь, я не смог оставаться в стороне, решил принять участие в СВО.

Родители вообще не знали изначально, что я ушел на СВО добровольцем. Они думали, что меня забрали по мобилизации. Уже спустя два или три месяца, грубо говоря, первый контракт, они узнали, что я начал службу добровольцем. Начинал службу с 23-го отряда БАРС. После чего и спустя какое-то время вслед за мной в отряд пришел отец. Тоже сюда. Отцу 52 года.

Начинал я изначально службу водителем. Тогда пришел на отряд, водителей очень сильно не хватало.

У нас, считай, на весь отряд два водителя было. Восстанавливали технику, обеспечивали отряд провизией, всем. Потом перешли в БАРС-12, и под Лисичанском вот это время все удерживается.

Помню штурм Сладкова. Я обеспечивал подход группы, обеспечение группы. Тогда брали ребята водокачку. Тяжелая была ситуация. Трое суток. Ребята оставались без провизии. Тяжело было подобраться к ним. Это был 2023 г., если я не ошибаюсь.

Награжден медалями «За храбрость» и «За отвагу». Это из государственных. За храбрость вручили за эвакуацию техники. У нас «Урал» пошел доставать орудия с позиций и подорвался на тээмке. Получается, тогда водитель тяжелый был, 300. Один погибший был тогда из состава группы артиллерии. Тоже человек был 300 тяжелый. На данный момент он, кстати, у нас в отряде находится сейчас. Восстановился, все, зашел. Тяжело было достать тогда машину, потому что, во-первых, было много дронов, летало. Подобраться к машине тяжело было. У машины практически не было ни сцепления, ни тормозов, ничего. Доставали ее своим ходом оттуда.

Вторая медаль за штурм, когда и ребят вывозили, и технику, опять же, доставали подбитую. Тогда ее комбатом у нас «Лентяй» был. Его машину доставали, ее дронами тогда разобрали. «Уазик» «Патриот». У нас тогда две техники пострадали. Мы Уазик доставали и вторую машину доставали тоже. Да честно сказать, в эти моменты не думаешь о том, что страшно или не страшно. Есть задачи, которые надо выполнить, и идешь к выполнению. А страшно всегда. Особенно перед выездами, когда у тебя задача поставлена, первое время идет мандраж. Потом уже, естественно, мысли переключаются на другое, делаешь и все.

Командир нашего БАРС-12 — надежный человек, за которым люди поднимутся и пойдут. Они никогда не скажут нет и так далее. Он всегда понимает все ситуации, он прекрасно знает, как правильно поступить, куда отправить технику. Он никогда не даст людей просто на бессмысленный штурм, это будет вплоть до скандала, а своих ребят отстоит.

С обеспечением в начале было непросто, но потом быстро все наладилось, сейчас по обеспечению проблем вообще нет никаких. Ни в продукте, ни в боеприпасах. Много машин очень получили за последнее время. И багги получили. Вот сейчас новые «Уланы» вторые. Ребята оценили их. Очень проходимая машина.

Что касается противника — честно сказать, это не люди. У них нет человеческих, моральных принципов. Даже при эвакуации раненых они не дают шанса выжить раненому. Они всегда добивают до последнего. Некрасиво, нехорошо действуют.

Позывной «Авдей», техник РАВ БАРС-12

Позывной «Авдей», я — техник по службе РАФ. Ракетно-артиллерийское вооружение. Я ушел сначала в 14-й отряд БАРС, как только вышел на пенсию, отслужив там контракт, восстановился и уже вернулся в 12-й отряд.

А по образованию — я оканчивал Благовещенское ДВОКУ. После того как ушел с армии в 2010 г., из-за сердюковских пертурбаций, попытался найти себя. В торговле был в Дальнем Востоке. Не мое. Предложили банковское дело, два года в банковском деле. Тоже вроде деньги были неплохие, но удовольствия не приносило. А тут позвонил товарищ, говорит, освободилась долж-

ность экспертом-криминалистом МВД. Не отказался. И, если считать, с 14-го г. по 23-й, по июль 23-го, я работал в МВД-системе. Вышел на пенсию, переехал в Питер с семьей. И уже когда закончил вопросы с квартирой, чтобы спокойно можно было оставить в уюте семью, уже спокойно ушел добровольцем сюда на фронт.

Супруга знала изначально. До пенсии оставалось совсем немного, и она сама уже мне говорит, я понимаю, что как только ты выйдешь на пенсию, то уйдешь на СВО. Вопрос только стоял, с музыкантами я уйду или добровольцем. Она знала изначально, что я военный и меня совесть гложет. Все друзья, все мои близкие, все в СВО. Поэтому она знала, что я уйду. Отнеслась с пониманием, не отговаривала, но с огромным переживанием. Особенно первые полгода командировки, это самые болезненные были. Ну а сейчас ждет, ждут. Дети растут, жена ждет. Все хорошо, поддерживают. У меня дочке на данный момент 18 с половиной и сыну 2 с половиной.

Вспоминается наша первая ротация. Мы находились на Купянском направлении. И первая ротация проходила по очень большим открытым пространствам. На тот момент я уже принял взвод. И основная задача и переживание были за личный состав. Даже не столько за себя, сколько за людей. И основная задача была зайти, выйти, выполнить все и вернуться без потерь. Ну, собственно, так и получилось.

У нас там пойма реки Жеребец есть, между населенным пунктом Райгородка и нашими позициями. И это получается почти километр просто по тропинке шириной в шаг человека. Все остальное заминировано, и никуда ты не денешься. Только вперед, назад вообще никогда никто не отступал. На тот момент уже появились камикадзе, уже начались сбросы. Если когда-то

появились сбросники, переживали, как с ними бороться, но он дает шанс выжить. От сбросника ты скорее выживешь. 300, но ты выживешь. А уже от камикадзе сложно выжить, тем более ты ведешь отряд либо ты замыкаешь отряд.

У нас «барсы» ведь большинство немолодые. Основной возраст у нас 40+. Что в 14-м отряде был, что здесь. И побежать вперед — ты не побежишь. Потому что впереди, перед тобой люди. Либо за собой ты тоже на веревочке же не потянешь. Поэтому нужно было грамотно рассчитать расстояние, силы людей. Если нужно — ускориться, если нужно — замедлиться. Но в то же время чтобы можно было и помочь товарищу. Чтобы не оставить его в беде. Дистанция. Она вымерялась. Перед выходом мы в полной боевой тренировались. Смотрели, кто как идет, чтобы правильно расставить цепочки. Уже после этого выдвигались. Причем местность пересеченная. Здесь сложная она была. Большие подъемы резкие, где-то спуски. Да и плюс, чтобы в лесополку подняться, у нас как раз-то открытка заканчивается и под 45 градусов до лесополки у тебя еще 400 метров. Вот, это как раз самый сложный был промежуток, потому что, выдохнувшись на ускоренном темпе, в боевой полностью выкладке. По открытке там же быстро надо. И плюс, пока край не подтянулся, нужно быстро подняться вверх. Вот этот вот участок в 400 метров под 45 градусов. Вот он самый сложный был. То есть там нужно было где-то и мотивировать, и уговаривать, где-то подбадривать. Ну, в основном подбадривать. Мужики-то все волевые. Мужики все со стальным стержнем внутри. Поэтому проблем с этим не было. Единственное, просто именно возрастной ценз. Не более того.

Доброволец — этот тот, кто добровольно выбрал вот эту стезю военную, даже пускай ты где-то и срочку

только отслужил, а может быть, и не служил вообще, но имеешь огромное желание поступить как настоящий мужчина, как настоящий патриот, чтобы защитить свою Родину, чтобы защитить свою семью. Я считаю, что доброволец именно такой.

Среди добровольцев все есть. Начиная от землепашцев заканчивая инженерами, которые делали ракеты. На самом деле очень много профессий. У нас тут большой круг друзей приобретен со временем. Ты бы в жизни, может быть, и в своей предыдущей, до СВО, ты бы, наверное, с ними и не общался. Потому что круг интересов максимально разный. Но здесь объединяет уже идея. Поэтому здесь все люди идейные.

Тут просто так кто сюда попал, таких нет. Все понимают это в лагере формирования. В нужном он месте находится, его это или нет. Поэтому сюда уже приходят ребята, мужчины, которые с полным пониманием, что они здесь делают, для чего они здесь находятся. А профессия не имеет значения на самом деле. Она только дает максимальное подспорье для выполнения задач. То есть это тот опыт, который ты набрал в течение жизни, вот он тебе помогает здесь выжить. А как таковая профессия — она здесь не имеет значения.

Я недавно получил медаль «Воин-доброволец». Ее я сыну могу принести и дочери, показать наряду с наградами отца и деда. То есть я все-таки пополнил стезю, у меня стезя военная.

На самом деле кто здесь находится, уже совершил определенный подвиг. Он вышел из своей зоны комфорта. Ну это прям по-честному. Вышел из зоны комфорта и пришел защищать Родину. Он оставил свой любимый диван, свой любимый холодильник. Ну про супругу с детьми-то я понятное дело, это вообще база, я поэтому и не беру во внимание. То есть там вечером

посидеть с друзьями, чай попить, в карты поиграть, может у кого какие интересы, пообщаться. Он пришел сюда, уже свой подвиг совершил. Я считаю так. Но бывают и больше подвиги.

Я вспоминаю, у нас медик такой был, «Крот» позывной. У него, когда была эвакуация, штурмы проходили через наши позиции, украинский сбросник закинул прямо на рюкзак, «эфку» — гранату Ф-1. Он выжил. У него контракт был на год и оставалось 4 недели до окончания. Он вышел из госпиталя. И все эти 4 недели оставался с нами на позиции. Он уже даже с ротации не выходил: а смысл, говорит. Вытащил на моих глазах 18 ребят. Причем небо полностью гудело.

Страх не было как такового, он просто делает свою работу. Переживал абсолютно за каждого. Там видно было, что глаза горят. Хочется помочь, хочется сделать. Но самолично около 18 человек вытащил. Я на тот момент управлял подразделением. Я это видел, так как это было на правом фланге наших позиций. Как раз где проходила тропа.

Я родился в городе Винница. Мама из Винницы непосредственно, отец из Казатина. Это тоже под Винницей, Центральная Украина, три часа до Киева. Но вырос, повзрослел, стал мужчиной именно на Дальнем Востоке. В 2008 г. крайний раз там был. Я как раз привез супругу, я был на втором курсе, там и отпуск второго курса военного училища. Я повез к родственникам познакомиться. После этого я больше на Украину не ездил.

Я вспоминаю, когда у меня жена там пошла за хлебом с хлебом, элементарно яйца купить. А ей не продали. Просто стоял продавец, смотрел сквозь. Причем тоже девушка. Просто сквозь смотрел, а моя супруга на русском языке говорит. Она говорит, я не понимаю, я кацапа не понимаю. Все, она в слезах ко мне прибежала,

говорит, я больше сюда не приеду. Поменяли билеты, поехали обратно. Мама рассказывала, что начиналось это еще лет так за двадцать до моего рождения. Уже Западная Украина это проходила, что они не понимают русский язык. Естественно, у меня мама за словом в карман не лезла, сразу вкручивала. И сразу они понимали русский язык, и все нормально происходило. Вспышки русофобии уже были.

Сейчас добавляется вооружение новое, я непосредственно с этим работаю. Много очень интересного появилось. Включая даже стрелковое оружие. От пистолетов и заканчивая снайперскими винтовками. Я лично вижу, что идет улучшение, идет наращивание ВПК. Конечно, не без проблем, но в большинстве своем, в лучшую сторону, могу сказать, что идет увеличение, наращивание.

Позывной «Беляш», командир отделения связи БАРС-12

Почему пошел на СВО? Ну, знаете, как у десантников: «Кто, кроме нас?» Вопрос в том, что я офицер запаса, у меня военное училище, именно связи за плечами. Основное, что помочь ребятам именно здесь, на передке, в организации связи.

У меня родители, отец из-под Полтавы. Он чистокровный украинец, мать из Костромы. И оба получились по распределению после своей учебы. По распределению попали в Казахстан на поднятие целины. Там познакомились, поженились. Я родился, и буквально, наверное, мне было полтора года, они уехали в Ставропольский край, и вот я, можно сказать, всю жизнь в Ставропольском крае. Для меня родина — это Став-

ропольский край, то место, где я пошел, детский сад, школа. Я там, в Ставрополе окончил военное училище. И вот уже 35 лет работаю в связи. Женился, дети родились, внуки. У меня двое внуков.

Я кадровым офицером был один год, в 89 г., когда я служил на Украине, в Хмельнице. В 89 г. начался развал армии, пришлось демобилизоваться. И все время отработал связистом на гражданке. Сейчас я начальник службы связи одного из предприятий «Газпрома».

Когда наш президент объявил мобилизацию, я был уже в военкомате. У нас было море людей. И военком вышел, говорит, давайте мы вас будем вызывать по повесткам, потому что вы нам не даете работать. Много было людей, которые пришли сами по объявлению мобилизации.

Я жил в Ставропольском крае. Значит, в октябре 22-го г. я уже принял решение уйти. Жена, единственно, меня уговорила не идти в зиму. Потому что, получается, зимой снег, окопы, как бы давай по весне, в теплое время года, как бы вот это все. И только вот это вот уговорила на задержку, так скажем, на полгода. Ну и весной я ушел. Значит, подписал заявление, написал еще в феврале 23-го г. Ну, пока прошел медкомиссию, профотбор. В конце апреля на полигоне занятия. И с 5 мая я пересек ленточку и уже участвовал в боевых действиях.

Награду я получил за то, что в августе 23-го г. обстреляли наши позиции и восстанавливал связь. Она была на военно-полевом кабеле и на полевых телефонных аппаратах. ТАП-57. Провода все сгорели, потому что здесь степь, уже конец августа был, все высохло, все провода сгорели. И получилось так, что я с тремя товарищами, мы восстанавливали полностью связь, порядка 10 километров, разматывали по минному полю. Ситуации были такие, что поле горит. Оно было об-

стреляно кассетными боеприпасами. Вот они в поле горят, в 100 метрах от тебя, вот они взрываются. Я шел от первого позже метров на 40. Вдруг он подрвется, но я смог его вытащить. А еще на следующий день погибает тот, с кем ты заходил 13 мая.

Страх надо перетерпеть. Силой воли, наверное, заставить себя и понять, что не страшно умереть, страшно быть раненым. Вот это страшно, наверное, мучиться и страшно видеть, как другие мучаются.

А «Зеленский» клоун, которым — как куклой — управляют. Украинская власть не думает о своем народе. Это власть, которая предала народ, предала свою веру. Как можно в Киево-Печерской лавре, я не знаю, как шоу какие-то устраивать... Это кощунственно. У меня отец был чистокровным украинцем, и он знал украинский хорошо, свободно на нем общался. Когда я служил на Украине в Хмельнице, он ко мне приезжал, там с местными общался. Но тот язык, который после 2014 г., он на телевизор смотрит и говорит — это не украинский язык, это западный, где очень много польских, западных слов.

А у нас добровольцы — это те, кто идет по призыву Родины. Это от своего сердца. Добровольцы — они не обязаны идти. Но это тот, кто решил своей душой, сердцем, своим призванием как-то помочь своей стране, своей Родине. По национальности я украинец. Я воюю за свою веру, за свой язык. У меня русский язык родной.

Супруга добровольца

Как узнала о решении мужа, первоначально это были шок и неожиданность, потому что, наверное, ни одна женщина и ни один человек к этому готов не будет. Первый

мой вопрос был, конечно же, зачем? Когда я услышала его ответ, ну, я просто не смогла его не отпустить. Потому что он сказал, что это мой долг. Это моя Родина. Я военнослужащий в отставке, офицер. Поэтому я просто должен туда пойти. И ты, как жена, меня должна понять. У меня не было выбора. Да, мне было тяжело. Да, мне было очень страшно. Но я его поддержала в этом. Дети сказали: ты всегда знала, что папа так поступит. И большой неожиданностью для них это не было. Поэтому, в общем-то, отреагировали нормально.

Позывной «Колючий», командир группы эвакуации БАРС-12

Жил я на Сахалине и продолжаю там — семья ждет меня дома. На гражданке я вел небольшой свой бизнес. Индивидуальный предприниматель. Занимаюсь в основном туризмом — Сахалин, Камчатка, Курилы. Еще занимаюсь детьми. Летом проводил на своем участке Зарницы для детей. То есть пытался компенсировать то, что школа не дает. Сейчас у нас со школы убрали военную подготовку. Патриотического воспитания детям очень не хватает. Они с удовольствием приходят. Я их возил и по полигонам, и друзья мои приезжали туда, офицеры, мы стрельбы, стреляли со всего, что только можно было, что есть только на Сахалине. У меня самого 6 пацанов и 3 дочки. Младшая сейчас в пятый класс ходит.

Пошел на СВО потому, что служил раньше. Знал, что мой боевой опыт может пригодиться здесь. Как оказалось, каждая война — это отдельный лист. Я — кадровый офицер. Служил на Сахалине в спецназе, был в командировках в Чечне, практически проехался по всем горячим точкам, начинал с Афганистана.

Когда Родина позвала в феврале 22-го г., я прибыл в военкомат с утра пораньше, думал, что буду одним из первых. А нас там оказалось очень большое количество. Все ребята, мои знакомые тоже, не сговариваясь, все пришли. Как только узнали, что мы вступаем официально в боевые действия, мы все туда прибыли. Все пенсионеры, все, как говорится, достойные люди. Мне всего-то 62-й годик — ерунда совсем, молодой, энергичный.

Когда я пошел, супруга сказала: ну, я знала, за кого замуж выхожу. И поэтому перечить мне не стала. Дети, конечно, с трудом отпустили. Когда был в отпуске, самое сложное было из отпуска уехать. После восьми дней пребывания попрощаться с детьми, с супругой, с родственниками. Но я дал им команду такую, что едет со мной только жена в аэропорт, а все остальные остаются дома. Поэтому спокойно проводили меня.

Наш доктор, который был до меня здесь, уговорил меня возглавить группу эвакуации. Ну, я дал согласие. И вот с тех пор я бегаю, вытаскиваю ребят из самых тяжелых мест.

Вспоминаю, как мы дежурили на позиции «Глазки». Мы должны были наблюдать, фиксировать дроны и, соответственно, по радиостанции передавать, где что, в какую сторону летит. Работа несложная, сориентироваться по местности и сказать, куда он летит. Но случилось так, что где-то там через другие позиции прошел дрон-камикадзе. Он стал сзади ко мне приближаться. Естественно, что убежать куда-то было уже невозможно, я остался на тех «глазках», присел вот в этом окопчике и вот как в сказке про трех поросят как этот поросенок, сию в этом шалашике.

Он один круг сделал, второй круг сделал. Вижу, что ничего другого он не найдет, другой цели, куда бы, а ему

все равно нужно ликвидироваться. Значит, обязательно отработает по мне. Я ничего умного не придумал, кроме как передернуть затвор. И в тот момент, когда он стал уже выходить на меня справа, я вскочил и с первого выстрела его поразил. Он упал в метрах буквально четырех, в пяти от меня. Он еще «жик-жик-жик-жик» — поработал немножко — и упал в окоп, который там находится, впереди. Ну, мне ж интересно, что там произошло. Я туда вытянул шею, смотрю — как она долбанула! А они тогда моду взяли части тээмки, тээмку берут, распиливают ее на три части или на четыре и цепляют уже к дрону. И вот эта вот адская машина сработала так, что я по окопу, вместе с моей крышей, пролетел где-то метров одиннадцать, ударился об стенку. Т-образный перекресточек получился, ударился об стенку, сполз, потерял сознание. Пришел в себя от того, что меня уже тащат наши союзники к себе в блиндаж. Я говорю, стойте, стойте, ребята, вот остановились. Я говорю, подождите. И вот начал пытаться открыть глаза после того, как все это забило камешками и всем прочим. Обработал, смотрю, вроде красное появилось, вижу что-то. Ну, так потихонечку очистил вот. Конечно, с головной болью жуткой, но после этого я понимаю, что если дрон близко находится, лучше от него укрыться, чем вот таким способом его уничтожать.

Когда выходишь на эвакуацию, о себе меньше всего думаешь. Думаешь о группе. У меня была ситуация такая — забрали мы с позиции одного раненого. У него ранение осколочное в живот было. Все это очень страшно было, как говорится. Обработал все, запеленал его, поволокли пешком дальше к месту эвакуации, и вот по всему маршруту нашего движения вот по нам работала и украинская стволка, и эти самые дроны нас били. Чем только нас не гасили, вот проходя по этому

маршруту. У нас у союзников практически в каждом блиндаже были раненые. У меня аптечка, чтобы было понятно, на 16 килограммов весом. Там перевязочные материалы, все у меня, что только необходимо, все оно есть. И мне, уже когда я выходил ближе к месту эвакуации, даже перевязочных материалов не хватило. То есть столько людей были ранены, там считать их не было никакого смысла. Мне было нужно их перемотать и дальше, чтобы я не отставал от своей группы. Шесть человек транспортировали раненого, один шел с ними наблюдателем. Мы немножко задержались, и наблюдатель остался меня дожидаться. Я выскакиваю, говорю, побежали, все. И мы стали уже догонять группу. Я смотрю, что наблюдатель, вот, позывной у него был «Север», вот он прошел мимо поворота, туда, куда нам необходимо было. У меня с одной стороны висит четыре автомата, вот, с другой стороны — три автомата. Это автоматы группы моей, чтобы ребята могли идти налегке. Я стал его догонять. Понимаю, что по окопам я его не догону. Пришлось выскочить на открытку, обогнать его и остановить. После этого мы, там шестой БАРС стоял, нас угостили водичкой, мы водички попили и побежали обратно.

Выдвинулись непосредственно за группой, и вот на этом спуске, где они повернули направо, нам нужно было налево повернуть. Мы налево повернули и по дороге бежим, чтобы быстрее догнать группу. Я не знаю, насколько она ушла, а мне необходимо через каждое определенное время ему смачивать повязку, в противном случае это засыхает, это дополнительная боль человеку будет. Только начали спускаться вниз, и тут я смотрю, справа наши ребята, группа, кричит: «Дроны-дроны!» Прыгайте к нам, но как прыгнуть к ним? Там у меня семь человек, один из них уже ра-

нен и мы вдвоем. Что делать? Единственное разумное решение было — это бежать дальше, до лесопосадочки небольшой такой. Но там не лесопосадочка, а просто ручей там был или низинка такая. Я говорю: «Север», за мной». Ну, благо мужик опытный, он побежал за мной. Мы добежали до этого леска. Я остановился в первой же рощице этой. Схватился за дерево, так вот встал. И он мимо меня, он немножко повыше, покрепче мужичок такой. Я говорю: «Стой, стой». Ну, он метров на пять от меня отбежал дальше, вглубь туда. А дроны как шли, со скоростью определенной, они в эту серединку и начали сбрасывать. Тут стволка по нам отработала. Такое минутное затишье, вот я кричу: «Михалыч ты где?» Он: «Я 300». Я говорю: «Идти можешь?» Он: «Нет». Я отцепляюсь от этих кустов к нему, смотрю — он весь в крови. Я его хватаю за буксировочный крюк и единственное, что нашел, — низинку — это там, где мусорка была. Там, где мусорная яма была. Я его туда закинул, сам только сверху успел упасть, и опять началось это. Бахало-бахало, не знаю сколько, но, видимо, минут 10—20 точно нас долбили. Затишье наступило, и тут такой шлепок — шлеп. Я понимаю, что что-то упало, но не взорвалось. Когда оно сработает, неизвестно. Я раз в одну сторону посмотрел, нету, в другую сторону посмотрел, нету. Назад оглядываюсь, а у нас буквально в метрах трех от ног наших торчит мина, еще дымится. Когда она сработает, хрен его знает. Я давай, вскакиваю, говорю, Михалыч, отползаем, вот. Я вот так лихо одной рукой туда закинул, думаю, сейчас его оттащу, сил совершенно нету никаких. Я оружие с себя сбросил. Это мешок, от мешка остались одни только лямки, потому что все остальное осколками посекло, разбросало. Я его давай тащить, не могу поднять, и я его на себя заваливаю, ногами отталкиваюсь кое-как

потихонечку, потихонечку, как говорится, сантиметриками за сантиметриками я его оттащил от этой ямы, вытащил его все-таки из ямы. Нашел пологое место, вытащил из ямы и затащил за деревья, такие же деревья. Самые крупные, может быть, сантиметров 10 максимум. Говорю, ну что, давай будем лечиться. Все начал делать с юмором. У него 11 дырок только ниже пояса было. И самое такое интересное ранение, это в пятку вошел большой кусок металла. Я его вытащить не могу руками, у меня сил не хватает. Единственное, что я смог придумать, это схватил зубами и выдернул, поломал себе зубы. Так что без зубов ходил полгода. Ну все, его перебинтовал, все сделал. Ну все, говорю, Михалыч, дальше будем смотреть. Снял с него бронжилет, а там еще две дырки. Одна в лопатку слепая и другая в районе шеи сквозная навывлет. Обработал раны, все. Глянул, теперь самое сложное. У него рука левая была перебита, сантиметра два кости действительно не хватало, потому что вырвало все это дело. Кровь ему сразу остановил, а это нужно было уже обрабатывать. И мне его транспортировать тоже нужно. Я давай сначала разговорами отвлекать, потом руку выровнял ему с хрустом, зафиксировал его палочками и слышу, ребята мои уже подходят потихонечку, они мимо нас должны были проходить по траншее, там окоп, окопом не назовешь, потому что сантиметров 40 всего глубиной. Я говорю, ребята, как там? Все нормально? Как Лисенок? Хорошо. Все, я говорю, давайте его через дорогу перетаскивайте, а потом возвращайтесь, будете мне помогать, потому что я один «Севера» не вынесу. Все, ребята пошли раненого уносить, а я потихонечку перепеленал, дальше все забинтовал.

Мы по открытке срезали, потому что другого выхода не было, иначе мы их раскроем. Ну все, потихо-

нечку начал его подтаскивать уже к этой траншейке. Ну, ребята появились мои двое. У меня единственная радость была, что мы подальше от нее ушли, от этой мины. Неизвестно, когда она сработает, у нее хвостовик торчит и дымится все это. Все, ребята пришли вдвоем. Ну, пока там по месту его могли пронести вдвоем. Под мышки взяли, приподняли и дотащили его. А когда в окоп опустили, поняли, что мы его по окопу транспортировать не можем. Во-первых, зигзаги, это понятно, а у нас не на чем. Я вспоминаю, что у меня в рюкзаке оставалась сетка, сеть такая. И я туда наверх залез, нашел эту сеть кое-как, в нескольких местах ее связал, вот обратно вернулся. Но путем перекаtywаний под него сеть разместили, поднять мы его не можем. Сил не хватает, тем более что надо встать вдвоем рядом, а окоп узкий, невозможно это сделать. Я говорю, ну что, тогда будем его по-другому транспортировать. Я опять полез к своей этой яме, вот, нашел там фал, вот, благо что он остался целым почему-то, вот. Фалом зацепил спереди эти сетку. Ребят запеленал двоих и снова пристегнул карабинчиком, то есть как тяговая сила, потому что поднять его невозможно, транспортировать надо было. И только мы сдвинули его с места, ну метров, наверное, десять мы проволокли его, и тут опять налет.

Я говорю еще ребятам, закидываем травой, а там, кроме крапивы, ничего не было в этой засохшей лощинке. Закидали его крапивой, вот, я еще сверху плюхнулся на него, вот, чтобы прикрыть. Он-то у меня без бронежилета, надо обезопасить человека. Вот, а им дал команду, они под перекрытие залезли. Ну, метров буквально 15 от нас сидят. Благо что дроны пролетели, не стали на нас ничего не сбрасывать, или не заметили, или просто-напросто решили, что, раз мы валяемся, значит, уже все кончилось. Они дальше прошли, я говорю,

ребятки, хватаемся. Опять взяли, благополучно донесли до дороги, а через дорогу, по дороге нужно было пройти метров семьдесят еще по открытой местности, чтобы потом снова нырнуть в траншеи. И когда мы его уже тянем, все стараемся, естественно, с юморком, лошадки, троечка и все прочее. И он говорит, Колочий, Колочий. Я говорю, что такое? А можно, говорит, меня по травке? Я говорю, ну выбирай. Справа мины, слева мины. Хочешь, говорю, посередке, там есть немножко подобие травки на дороге, по ней поволокем тебя, но тоже не факт, что там ничего не найдем. Вот мы волоком его, грубо говоря, дотащили до этого места, куда нам нужно было. Дал команду первого нашего раненого дальше транспортировать до места эвакуации. Вот дотащили его там и там я его начал снова обрабатывать. Соответственно, ничего нету — перевязочных материалов нету, ничего нету и воды нету, самое плохое у меня было там. «Кулик» — я его послал за водичкой. Он дошел до этого ручейка, который там был в ложбинке, набрал такой кофейной жидкости, вот, в пятилитровую банку приволок. Говорит, а это, говорит, пить можно? Я говорю, нам все можно. Вот, сам попил, ребят напоил. Ну и благополучно, был у нас водитель такой, «Кот» позывной у него. А я в радиостанцию вызываю, никто мне не отвечает. Вызываю, никто не отвечает, никто меня не слышит. И я никого не слышу. Я уже начал нервничать, злиться на это дело. И тут получается так, что слышу вой нашего автомобиля. Потому что он идет на третьей передаче, на предельных оборотах летит к нам. Подлетает, разворачивается, встал. И вот мы заранее оговоренным методом грузим одного, грузим второго. Я с этим оружием прибежал. Оружие закинули туда, меня тоже затолкали туда, потому что я уже неходячий был. Приехали в госпиталь, сдали ребят.

Все, как говорится, хорошо, слава Богу, успели. Как говорится, тяжелые, но остались живые.

За полтора года службы у меня есть госнаграда одна — «За храбрость второй степени». И самая дорогая награда от Луганского министерства здравоохранения за спасение жизни человека. Это получилось так, что у нас возле нашего места дислокации, бункер, назовем его так, есть газовая фирма, они заряжают газом баллоны. Ну, слышу, кричат: «Доктора, доктора, доктора!» и бегут. Прибегает ко мне мужичок с выпученными глазами. Говорю, что случилось? Он говорит, там человек умирает. Я хватаю аптечку, побежал туда. Прибегаем, а там лежит мальчик килограммов под 240—250. Огромная детина такая. Я только потом узнал, как он эти баллоны вот так вот рукой поднимает и ставит на борт машины.

Да-да-да, большие красные баллоны, да. То есть, это, ну, это как у него грудная клетка, вот. А у него, смотрю, остановка сердца, все. Давай ему массаж делать, вот. Кое-как минут 20 его раскачивал, вот, ну, запустил ему движок, вот, начал он оживать. Ввел ему медикаменты, все как положено. Я говорю, давайте, ребята, скорую вызывайте. Они говорят, а у нас скорая не приедет. Нет, телефоны даже не работают, никто не приедет. Я говорю, садитесь на машину и бегом в скорую, у человека инфаркт. Приезжает скорая минут через 15, он уже стал в себя приходиться. Минут через 15 приехала. Я говорю, ребята, забирайте. Ну, они там умно поставили аппаратуру, сняли кардиограмму. Смотрю, этот фельдшер смотрит его вверх ногами. Я говорю, дружище, ты что делаешь? Вот сейчас посмотрю. Я говорю, ты как-то разверни ее, по-нормальному смотри. Во-вторых, если ты не специалист. Я тебе говорю, у человека была остановка сердца. В срочном порядке он нуждается

в госпитализации. Я посмотрю, посмотрю. Сел в машину и уехал. Буквально минут через 10 слышу, сирена взвыла в городе. Летит машина к нам. Приезжает уже совершенно другая группа. Бригада ребят. Быстренько его на носилочки. Спасибо огромное. Затолкали все. И прошло буквально около месяца. И вот мне удивительным образом приходит вот эта награда. Эти газовики узнали. Почему узнали? Мы просто по соседству стоим. Наградили меня такой гражданской медалью.

Позывной «Серый», командир артгруппы БАРС-12

Позывной «Серый», должность — командир голубичной артиллерийской группы. Служу в БАРС-12. Пришел в СВО в декабре 22 г., добровольцем почти три года. В данном подразделении — полтора.

Когда уходил на СВО, мать понимала, что меня держать бессмысленно. А с женой развелись.

Родился в 1986 году в городе Ворошиловград. Для тех, кто не знает, город Ворошиловград — текущий Луганск. Окончил школу, окончил два курса экономического факультета по специальности экономист-антикризисник. В 2014—2015 гг. немножко принимал участие в боевых действиях. Занимался разведкой и был командиром группы ДРГ.

Как бы есть некие навыки, которые могу применять, которыми могу быть полезен. Опыт военных действий в плане разведки, в плане работы на гаубицах, таких как Д-30, Д-20, «Мста-Б», «Гиацинт». Немножко работал с минометами, 82-й, 120-й. Широкая специализация. Немножко работал с АГСом. Немножко работал с «Кордом». Первоначальную подготовку получил

при прохождении срочной службы по специальностям старший наводчик, оператор-вычислитель, командир орудия. Но помимо орудий, также занимаюсь разведкой, корректировкой, работаю с артрязведкой плотно.

Сейчас у нас, в принципе, все одно и то же. Ландшафтный дизайн, работаем удаленно. Очень много выявляли, очень много поражали. Были и артиллерийские дуэли, работали и по живой технике, и по движущейся. Разбирали блиндажи, доты. Да много чего. Так сразу все. Чего-то конкретного выделить нет. Больше всего запоминаются ребята, которые приходят, остаются. Некоторые выходят, отдыхают, возвращаются.

Например, есть у нас ветеран афганской войны, позывной «Зять», в 23-м г. получил ранение, практически все лицо обсыпано. Это был бутерброд «тээмок». Два раза проехали, а потом наехали на бутерброд так называемый. Это «тээмка», пенек, земля. Естественно, она сдетонировала. Это тогда у меня был единственный двухсотый. «Зять» вылечился, вернулся. Вот недавно снова ушел на дембель. А в декабре отдохнет, снова заходит. Человеку 56 лет. Это такой боевой товарищ, силы духа даже многим молодым. На минометах работает. А был чемпион Новосибирска по самбо. Я его называл Черепашка-ниндзя. У него оставалось три пальца на правой руке, зато сто двадцатую трубу в одиночку тягает. Мужество ребят запоминается, самоотверженность.

Если даже бывают, то ненадолго задерживаются люди, которые пришли сюда за деньгами. Здесь есть цель помочь нашей пехоте продвинуться. При штурмовых действиях очень много артиллеристы мои участвовали. Начиная под Угледаром и заканчивая здесь. Очень много пораженных целей.

Танк мы нашли «Леопард», отработали эфпивишники, наши союзники поразили, сторел, здесь под Лиси-

чанском. Он стоял зарытый давно, его никто не видел, стрелял из кустов. Мы выявили, эфпивишники четко отработали, сразу поразили. Много всего выявляется от орудий противников, которые дальше поражаем, до таких вещей, как станции РЭБ, РЛС, аэроскопы и все тому подобное. Больше десятка орудий противника поразили.

Мы работали практически всеми боеприпасами. Шрапнель, кассеты, дымы, зажигалки, осколочно-фугасные, радиовзрыватель, который выставляется, взрывается осколочно-фугасный снаряд в воздухе, в зависимости от характера цели, на высоте, т.е. в воздухе, а не от удара. С замедлителями хорошо работаем. Это снаряд, который зарывается в землю, а потом уже выкуривает, скажем так. Хотелось бы еще на 152-м калибре поработать, там 46 килограммов весит так называемая пулька, мы их так называем.

Кстати, наша артиллерия рассчитана под человеческий фактор. Полная механика, которая рассчитана именно на квалификацию и знания непосредственного расчета, вычислителя, командира. То есть все устраняется на местах. А взять ту же самую иностранную технику, там если что-то выходит из строя, никто ничего на месте не сделает. Здесь мы и откатники, и накатники на месте снимаем, давление качаем, выверяем на месте. Там такого невозможно сделать. Но в плюсе у западных систем скорострельность, дальность.

Медаль «За отвагу» мне вручили, когда за короткий промежуток времени благодаря нам были выявлены порядка шести орудий, станции РЭБ, станции РЛС и аэроскопы. Все были поражены, помогли продвижению нашей пехоты.

А медаль «За заслуги перед Отечеством» дали еще под Угледаром. Пришел — было одно орудие, уходил — стало четыре. Мы забирали и восстанавливали. Д-30

вытянули из леса, перебрали в ноль. Позиция называлась «Зайка». В рацию кричали, да вы не «Зайка», вы Волки. 5–10 метров поправки были на 18 выстрелах. То есть покрывали квадрат, вели по посадке, закрыли полностью квадрат. То есть там было уничтожение и миномета, и БК, и блиндажа.

Позывной «Орджо», командир стрелковой роты БАРС-12

Служу в отряде БАРС-12 командиром стрелковой роты.

Родился в городе Орджоникидзе, Северная Осетия. Там же поступил в военное училище, высшее военное командное училище имени Сергея Мироновича Кирова, внутренних войск МВД России. Окончил его, попал служить во Владимир. Ну и там от командира взвода до старшего помощника начальника штаба. Потом перевелся служить в город Грозный начальником оперативного отдела. Ну а потом начальник штаба военной комендатуры Итумкалинского района. На пенсию ушел, предложили, был начальником службы безопасности компании «Спортмастер» в городе Владимире.

Началась СВО и поехал в августе 22-го г. Я привык делать то, что делаю лучше всего. А так как всю жизнь провел практически на войне, первую чеченскую, вторую чеченскую, пока в училище учились, там, Осетино-Ингушский конфликт, Южная Осетия, Грузия. С курсантской скамьи воевать начал. У меня жена военный фельдшер. Она со мной и в первую чеченскую была, и во вторую чеченскую. А сюда по возрасту не прошла. Военкомат не пропустил. А так со мной собиралась. Дети привыкли. Они относятся как? Папа на работу уехал.

В 22-м г. был в 5-м БАРС, сначала начальником штаба, потом так получилось, что из-за Изюма отряд выводил уже в роли командира 5-го БАРС. Здесь в прошлом году зашел просто рядовым бойцом, где-то полгода. Да, просто рядовым был, потом заместителем командира 3-й роты, потом стал командиром 1-й роты в августе прошлого года. Вот до сих пор и команду ротой.

Вспоминаю, как позиции занимали под направление на город Северска. Как мы туда заходили. Заходили весело. Нас встретили огнем с АГС, потом полькой, минометом, обработали. Ну и так, шлифанули двумя сбросами с дронов. Но мы взяли все, зашли на украинские позиции. Нормально, даже ни одного трехсотого не было.

Со стороны врага тоже есть профессионалы, мы же оканчивали одни военные училища, одни институты. То есть там есть и ребята, которые и Афган прошли, там, скажем так, срочную службу, и офицеров есть много, кто Афганистан прошел. Но в том числе и мои однокашники есть, с которыми я за одной партией сидел в военном училище. Сейчас по ту сторону баррикад. Поэтому не скажу, что у них не хватает грамотных командиров. Многие эпизоды их действий говорят о том, что есть у них хорошо подготовленные и командиры, и бойцы тоже есть достаточно подготовленные.

А у нас вооружение, экипировка с 2022 г. значительно улучшились. Тогда смешно вспоминать те бронежилеты, те автоматы, которые нам были выданы. Сейчас бронезащита в разы улучшилась практически, и сейчас новое пополнение прибывает, фактически экипируется новыми бронежилетами, касками.

Сейчас у меня старшиной мужик, у которого дома своя достаточно преуспевающая фирма туристическая. Приходили ребята, у которых зарплаты в разы выше,

чем то, что они получают здесь. С «Газпрома» были ребята, у которых тоже, знаете, зарплаты неплохие. И молодые есть.

Мое личное мнение, те, кто сюда пришел добровольно и выполняет здесь боевые задачи, уже совершают геройский поступок. То, что его никто не призывал, никто не направлял сюда, а ребята просто пришли я считаю, это уже дорого стоит.

Позывной «Вуди», командир отделения взвода связи БАРС-12

Служил срочную службу. Сейчас на гражданке работал водителем в Министерстве здравоохранения.

Я пошел сюда потому, что советское прошлое, воспитание советское. Просто встал на защиту людей, у меня дед воевал, а когда соседние государства кричат про Гитлера, это оказалось для меня неприемлемо. Плюс у меня здесь служит друг, он позвал, и я приехал.

Противника нельзя недооценивать. Я не скажу, что они воюют плохо. Вся Европа, я так понимаю, снабжает, корректирует, учит, все дает. Поэтому я не скажу, что они лохи, профессионалы есть там.

Здесь собрались люди, которые приехали не случайно сюда. Прежде всего, все люди разные, все с разными характерами. Мне интересно было узнать, кто как, из разных регионов России. Познакомился с ними, много друзей. Большой какой-то жизненный опыт в плане общения.

Получил медаль «За отвагу» за устранение неисправности на линии связи, после атак беспилотников на терриконе метров 200 высотой. Пошли группы из трех человек, поднялись на гору. Моя задача была

следить за небом. Два моих боевых товарища занимались непосредственно устранением неисправности на ретрансляторе. Неожиданно вылетели украинские дроны. Открыл огонь из автомата, дрон, заметив это, не пошел атаковать ретранслятор, а принял решение оператор его атаковать меня, и как-то я его сбил.

Много друзей. Например, Роман Фролов. Несмотря на первое ранение, он принял решение вернуться сюда снова. Приехал, и так получилось, что получил ранение второй раз. Они ехали на ротацию. Дорога ночью была заминирована «Бабой-Ягой». И они подорвались на mine. Слава Богу, все остались живы. Надеемся на скорое их выздоровление и по возможности возвращение в строй. Потому что мы их ждем.

Позывной «Васильевич», замполит БАРС-12

Супруга, мама, они узнали уже после того, как я уже подписал контракт и уже собирался. Уже поставил их в известность, как бы там уже было ничего не изменить. Ну, поддержали решение. С трудом, но поддержали.

Большинство добровольцев едут сюда Родину защищать. Есть люди, которые, как рассказывают, что, если бы я здесь не поучаствовал, я бы потом жил бы с этим до конца жизни, я должен был здесь принять участие, я должен был защитить. Абсолютное большинство едут из патриотических чувств, едут поучаствовать, едут послужить, едут защитить Родину. Бывают и исключения иногда, бывают и такие, которые отказываются выполнять задачу. Появляется в подразделении какая-нибудь одна личность, которая начинает всех поджуживать... Однажды была ситуация, что вот одного такого послушавшись, уже ребята, причем у некоторых

из них контракт заканчивался буквально через неделю, отказались заходить на боевые позиции, вследствие чего все были уволены. Ну, с внесением в черные списки. Отказ выполнения приказа. Это была простая задача. Нужно было зайти и встать на переднюю линию обороны, которая уже укреплена, все траншеи выкопаны.

Вспоминаю в первую же ночь, как я пришел на боевую позицию, летела «Баба-Яга». Доложил по команде, что слышу звук «Бабы-Яги». В блиндаже маленько стало тесновато, потому что все мысли были, что она летит бомбить именно меня, зная, где я сижу. В то же время никакого опыта не было использования ночных приборов видения. Когда долго в него смотришь, один глаз начинает ослепляться. Так вот, помаленьку, потихоньку опыта набираюсь, но через неделю уже... Там люди быстро привыкают ко всему, быстро находят пути решений, осваиваются. Те, кто просидел там неделю, можно сказать, что парни уже готовы морально.

БАРС-13 «БРАТСТВО»

**Андрей Пинчук, исполнительный директор
Союза добровольцев Донбасса,
командир БАРС-13 (с 8.2023 по 8.2025)**

Я во всех событиях участвовал с 2014 г. Я участвовал в присоединении Крыма, организовывал референдум, брал под контроль украинские спецслужбы на полуострове.

Потом был первым министром госбезопасности Донецкой Народной Республики в правительствах и Александра Захарченко, и Александра Бородея. Потом в России с своими товарищами зарегистрировал и начал организовывать Союз добровольцев Донбасса. Он жил жизнью республик вплоть до начала специальной военной операции и живет этой жизнью до сих пор.

Но одним из элементов этой жизни, помимо каких-то гуманитарных и прочих вопросов, было после начала СВО создание своих боевых подразделений, участие в их формировании.

Было создано несколько крупных отрядов, и добровольческих, и специальных, и один из них — это БАРС-13. Мы помогали комплектовать его личным составом и обеспечить по мере возможности.

В какой-то момент возникла необходимость БАРС-13 с его героической историей подстроить под новые боевые задачи. Я в качестве исполнительного директора Союза добровольцев Донбасса принял командование для того,

чтобы эту подстройку провести, организовать выполнение этих задач. Поэтому я здесь.

Очень многие идут в отряды люди состоявшиеся. В том числе и те люди, у которых все хорошо в финансовом плане, и интеллектуальные люди, в разном плане состоявшиеся.

Военное добровольческое движение — это не просто процесс комплектования каких-то военных коллективов, военное добровольческое движение — это в первую очередь трансформация самого общества Российской Федерации.

Наличие или отсутствие добровольцев, которые в сложных ситуациях для страны, а особенно в военное время, готовы взять оружие не по приказу, а исходя из своих, значит, моральных и патриотических соображений — это признак здоровья общества.

У нас про период лихих девяностых, про период развала Советского Союза, только какой-то совершенно больной человек может сказать, что это все было хорошо. Наличие сейчас добровольцев — это признак выздоровления самого общества российского.

Доброволец — это не просто бездумное механическое участие в войне. Такого практически у добровольцев и нет. То есть доброволец, который берет оружие, рискует самым ценным, что у него есть, — жизнью, здоровьем. Он это делает не по каким-то меркантильным соображениям. Это глупо предполагать, что ради каких-то любых денег, нет никаких особых существенных денег, а человек будет рисковать жизнью. А рискует он жизнью как раз благодаря тому, что он читает правильные книги. Как у Высоцкого в песне было. Значит, нужные книги ты в детстве читал. Поэтому все логично. Он и продолжает читать дальше. Да и писать тоже продолжает.

Сейчас задача — отодвинуть противника, и это правильно, потому что, чем меньше территория противника, тем меньше у него мобилизационных возможностей, промышленных возможностей, возможностей по логистике для того, чтобы наносить нам ущерб. Но это отодвигание — это промежуточная стадия. Конечная стадия — это прекращение украинской государственности.

А потом будет задача интегрировать эту территорию в пространство российской, русской цивилизации. Это уже вопрос комплексной трансформации, а затем перестройка всего того, что является Русским миром, русской цивилизацией, занятия нами по праву принадлежащего нам исторического места.

Позывной «Кубинец», доброволец, БАРС-13

Я с Луганской области и с 2014 г. участвую в войне. Как пришел на седьмой блокпост, взял автомат, так уже и получилось. Вариантов больше не было. С Украиной не договориться. Да о чем договариваться? Смысл о чем-то договариваться, если на нас заходили уже их войска? Их регулярные войска, которые творили всякие непотребности, заходили. Авиация их бомбила нас. Поселочек под Луганском был. Тогда еще залетели их самолеты, снесли весь поселок.

У нас люди всегда работали. Когда другие танцевали на Майдане, у нас люди работали и жили своей жизнью. В основном у нас были шахтеры, рабочие люди. До этой политики нам было далеко. А потом, когда уже начали эти майдановцы к нам приходить, уже было нам дело до политики.

Первое знакомство у нас с ними на станции Луганской проходило. Шла колонна техники их. Просто шли

и обстреливали частные дома, обстреливали с брони по мирным жителям абсолютно, по людям, которые абсолютно ничего, никакого вреда им нанести не могли. Украинское боевое подразделение заходило, армейское на станицу Луганскую.

Наша задача была остановить их, так как мы уже понимали, что не будет никакого мира, никаких разговоров. Ну, пришлось останавливать. Я тогда служил в батальоне «Дон». И получилось у нас, меньшим количеством людей, получилось остановить эту колонну чудесным образом. Как-то так получилось, и пошли мы дальше после этого. Мы их отодвинули, они за Северским Донцом уже стояли.

Техники у нас не было. А так в спортивных костюмах, в чем пришлось, в том и воевали. Оружия мало было. Откуда у нас? У кого? У кого что было, у кого что нашлось. В 2016-м я был уже командиром снайперской группы. Сначала под Дебальцево. На 220-й высоте за Дебальцево тоже принимал участие. Выходил на нас грузинский спецназ. Мы документы их смотрели после того, как бой закончился, мы осматривали людей.

Там на каждом было все, что можно было придумать. И то, о чем мы даже не мечтали, на каждом было надето. Они были уже в противоосколочных костюмах. Со средствами связи активной. Одеты были по последнему слову. У нас такого вооружения не было.

Днем ОБСЕ работало. После того, как уезжали ОБСЕ, украинцы уже четко знали, где мы стоим. То есть по координатам понимали, где что, как, наше количество. Это все сливалось аккуратненько. Причем полным ходом.

Грузины, что заходили, остались здесь лежать, на нашей земле. Мы их передали, командование приехало, мы зафиксировали эти все случаи.

А так много было интересных ситуаций еще до начала СВО. Масса. У нас было ружье противотанковое, древнее, из музея. Оно стояло в музее, 222 номер, срок 43 г., по-моему, выпуска. Благополучно работало, изумительно. 14 с половиной миллиметров патроны.

До СВО было нам тяжело, конечно. Сейчас все на пять баллов. Абсолютно никаких затруднений с вооружением, с продуктами. Если по боекомплекту вопросы, то это все решает наше командование. В общем, решаются эти вопросы. На месте не стоим, развиваемся, то есть постоянно пополняем материальную базу нашу по вооружению. Вот пытаемся что-то освоить новое, пытаемся, опять же, что трофеи где-то захватываем, привозим, пытаемся восстановить как-то, привести их в боевую готовность.

А до СВО была нехватка людей, личного состава. А с украинской стороны — регулярная армия с наемниками и тому подобной нечистью. Подготовленная армия. Подготовленная по вооружению, материальная база. Тем не менее, мы 8 лет эти выстояли.

А сейчас в районе Лысой горы Украина по нам из крупного калибра била, у них есть и 230-й калибр. В основном они на нас выходили и с танчика прямой наводкой и били.

Кассетные боеприпасы постоянно используют, польки так называемые тоже. Не слышно выходов, а прилеты идут. Но у нас в БАРС хороший коллектив. Люди подготовленные идут, настроенные, настроенные серьезно на то, чтобы не пропустить врага. То есть добровольцы — это не мобилизация, где люди кто-то еще чего-то боится.

Парни! У нас боевое подразделение, с хорошим командованием, сплоченный коллектив. Приходите к нам, мы ждем вас. Победа будет за нами.

Позывной «Бэк», доброволец, БАРС-13

Тот опорный пункт врага им вдвоем брали. Вышли первой двойкой штурмовать опорный пункт противника. Полполя где-то прошли, нас заметили, начался обстрел минометный. Потом противник вылез из своего блиндажа, начали по нам стрелять автоматными очередями.

В одном блиндаже их было двое, и там метров триста от них еще один блиндаж левее был. Они тоже нас простреливали оттуда, пули летели, мы видели. Дошли вдвоем до блиндажа противника. Напарник кинул гранату, один на входе стоял, второй внутри был. Его ранило, напарник его добил. Потом я заскочил вовнутрь в блиндаж к противнику. Но он из-за спины мне очередь в упор с автомата выстрелил. Одна пуля в меня попала, остальные — в бронежилет. Я назад вылез, пока он перезаряжал автомат, и кинул гранату. Ему повредило ногу и вылез. Я его добил с автомата.

В шесть вечера мы на шторм пошли, и в пять утра пришли наши парни, подмога, чтобы там закрепиться. А всю ночь я был один там.

А в гражданской жизни я ложил тротуарную плитку, асфальт. Главное перебороть свой страх, не бояться, и Бог с нами, и все будет хорошо.

Позывной «Байкер», доброволец, медик БАРС-13

Моя задача — вынос трехсотых раненых с поля боя, оказание догоспитальной помощи. Я и ранение получил во время боевого столкновения, когда выносил товарищей. Приходилось отражать украинские налеты, мне и прилетело. Это был сброс взрывного устройства

с дрона, который нас преследовал. Когда я выносил товарищей, меня накрыло.

Я еще в 2014-м воевал. Тогда я поехал на Донбасс. Я считаю себя русским человеком, изъясняюсь на русском языке, сны вижу на русском языке, в любви объясняюсь на русском языке и трепетно отношусь ко всему русскому. И, глядя в телевизор, я счел необходимым пойти и надавать по щам тем, которые покусились на моего русскоязычного собрата. Я видел кадры, как они измывались над нашими православными священниками, над пленными русскими бойцами, добровольцами. Это, конечно, не могло не колыхнуть моего сердца. Я решил идти, участвовать.

В 2022-м ничего не поменялось. Мотивация все та же. Я — гражданин России. Русский мир — для меня это не лозунг, он для меня актуален и животрепещущ.

Из того, что запомнилось, сейчас вспоминается обстрел с вражеского танка, я укрылся в блиндаже с товарищем. Это феерично, поэтично ощущалось. Мы были на захваченных у врага позициях. Там были ими сооруженные блиндажи и бункера. В момент обстрела танка я находился в блиндаже. И непрерывно молодец. Потому что, ну что говорить, что греха-то таить — страшно. Каждая клеточка сжимается от ужаса, когда прилетает от танка. Где-то слышишь далекий выход — и тут же невероятный бах. Телевидение не может передать воздействие на мозг, на нервную систему от взрыва, от его мощности. Жутковато, конечно. Как танк закончил свою процедуру, я из блиндажа вылез. Вокруг все было сметено, перепаханно, сожжено. В метрах семи от того блиндажа, где я находился, были мои товарищи. Они погибли. Я с мая 2022 г. нахожусь в зоне соприкосновения с противником. И это был самый жуткий случай.

Сейчас у бойцов основное — это осколочно-взрывные ранения. Стрелковые — минимум. И дронами бьют. Раньше враг использовал их против металла, против техники. А сейчас не чураются просто единичного солдата изничтожить.

А однажды я на втором этаже дома ночью спал после ротации с передка. Услышал, что как разорвалось над нами. Как будто сбрасываемые кирпичи, стучавшиеся о крышу дома, и рядом падающие. Утром, как выяснилось, были разбросаны мины, отстреливающие усики. Наш сапер был вызван для обезвреживания, выдающаяся личность в своем деле. Он пришел, попросил нас не подходить к окнам, говорит, парни, я сейчас буду разминировать, так что это... И вот через некоторое время раздался первый взрыв, я услышал его голос, я расслабился, тут же положил голову на подушку. Через несколько секунд — уже вдвое мощный взрыв. Я выскочил из дома, подбежал к месту, увидел... он взорван, другой посечен, контужен. До этого он имел дело только с нашими отечественными взрывными устройствами, с этим знанием. Он подорвал натовскую мину и взял в руки. Она прямо в руках у него и разорвалась.

А подразделения из бывших заключенных — мне довелось с ними, если так можно выразиться, сотрудничать в качестве медика. Парни отчаянные, мужественные. Я говорю о тех, с кем мне довелось повстречаться. Отчаянные, мужественные, отличные. Погибших было среди них очень много. Они находились на территории ирригационного бассейна, бетонного, без всяких укрытий, держали его пулеметами.

Слева и справа в лесополках находился неприятель. И вот они его держали, находясь по периметру этого бассейна. А укрыться нельзя было, там никакой расти-

тельности. Их забрасывали просто минами. Но парни стояли до конца. Честь им, хвала и слава.

Позывной «Старый», доброволец, БАРС-13

Позывной у меня «Старый», мне 64. Я добровольцем пошел, потому что чувствовал за собой долг перед Родиной, Отечеством. Срочной службы у меня не было, я не проходил срочную службу, у меня были по учебе отсрочки. То есть надо было все-таки отдать долг Родине, как говорится.

В гражданской жизни последнее место работы — это администрация. Был главой администрации сельского поселения. Мы сначала заехали в лесополосу, в лесополосе находились, и жили, и все остальное там, окапывались и так далее. А потом уже меняли позиции, и потом я перевелся в минометку, в минометную батарею. В минометной батарее дослужился до командира миномета. Мы уже с моим боевым товарищем между собой решили, что надо в батарее своей минометной, нужны операторы БПЛА, непосредственно корректировщик нужен. Мы нашли, и птичек нашли, и школы — отучились, где всему этому учат в целом. И сейчас продолжаем обучение, пока время позволяет. Комбат делает акцент на учебу, чтобы были обучены все люди по максимуму и подготовленные ко всему. Мы продолжаем сейчас уже как операторы БПЛА в своей батарее.

Когда мы сюда заехали, поселились в лесополосе. Со временем нас птичка срисовала, как здесь говорят, и начали по нам стрелять. Был один человек у нас тут — «Зодчий» позывной его. При бомбежке, когда нас начали накрывать, надо падать, в любом случае падать,

а потом перебежать куда-то уже более глубже, глубже прятаться, так сказать, искать какие-то там укрытия. А он в это время просто встал и побежал, что-то куда-то там пошел. При очередной мине, то есть при прилете, то есть он получил ранение. Первую помощь ему оказали. Вроде как он пока был живой, пульс, дышал. Ему оказали помощь. Потом его на носилки и в машину эвакуации. В конце скончался.

Когда в минометку перевелся, в номере расчета был. По нам ответка прилетала. Прилетала жестко, орудие в дырах. То есть сама труба, ствол дырявый. Мы только подготовили позицию, укрытие, яму, чтобы в таких случаях хотя бы в яму нырнуть и переждать обстрел. В общем, нас опередили, нашу позицию спалили и начали по нам работать.

Этого следовало ожидать, потому что надо позиции менять, а у нас уже там менять некуда позиции. В этом месте, в самом Бахмуте, уже много-много-много вокруг стояло минометчиков, то есть орудий полно, то есть смысла не было куда-то там передвигаться.

Добровольцы — это делать мужское дело, это есть такая, как говорится, профессия, Родину защищать. Работа такая.

Позывной «Гера», доброволец, БАРС-13

Изначально я воюю из-за того, что я в Белгородской области живу. Нас давно конкретно обстреливают. Я решил идти воевать. Ранение получил. Сейчас второй уже контракт — коллектив здесь меня устраивает. Ребята нужны, поэтому во второй раз сюда же и пришел.

Привели нас на позицию. Показали место, где окопаться. Мы окопались. Человек 25. И пошли на нас

украинские накаты. По пять, по семь бывало в день. Но это нормально так.

Они стреляли много. Метров со 120—150. А у нас «Утесы» были. В основном все у нас с автоматами были. И нас хорошо поддерживало подразделение, что около нас было. Они молодцы, нас всегда там поддерживали огнем.

И через недельку нас уже дымовухами закидали. И пошли хохлы в атаку на нас под этими дымовухами, под прикрытием. И потом в окружении мы полностью были. Взяли БТР и прорывались уже. Почти все 25 человек на одном БТР, на броне выезжали.

Тогда меня и ранило. Осколками меня секануло. Минометы, скорее всего. Осколок как талисман теперь ношу.

Прямо с боем оттуда удалось вам выехать на скорости, прорваться. На нашу территорию заскочили на БТР. Дальше своим ходом, пешком выходили уже.

Тут у нас коллектив обалденный, все дружные. Все друг за друга. Кто новые заходить будет, скажу: держитесь, мужики, чтобы победа была за нами.

Позывной «Кият», доброволец, командир взвода БАРС-13

У меня уже третий контракт за время СВО. Я в БАРС-13 с самого начала формирования данного подразделения. И только сюда захожу.

У нас целая группа заходила из ВДВ. Мы присягу давали еще в Советском Союзе. Воспитание наше с тех времен. Пришло у нас 6 человек. Четверо служили со мной в одной части. Двое в том же городе, но в другом подразделении.

В двадцать втором году мы были у села Богородичного. Наша позиция называлась Шервудский лес. И нам на одном месте как-то скучновато стало. Мы тогда с командиром решили разведать, что вокруг нас. Тем более нас уже вычислили. Нам надо было узнать, откуда прилетают мины. И решили мы уже туда сходить проверить.

Ходили под вечер. Нашли, где украинцы точно стоят, где их миномет. И уже в один из дней, утром, в шестом часу, мы уже пошли конкретно с целью взять их. У нас шла группа шесть человек. Добровольцы.

К приходу на их позицию мы разделились, каждый свою задачу знал. Там на передней линии было три окопа. В двух окопах даже уже визуальное было видно, что движение есть.

Четверо пошли именно где было движение, по два человека на окоп. И мы двое уже пошли в третий, где не было движения, тишина была. При уже подходе к этому окопу мы заметили, что сзади еще один есть. Там блиндаж, и как раз вот, запрыгнув в этот окоп, увидели человека. Сразу же ему рот закрыли связали, припугнули.

А четверо других наших бойцов тихо, без выстрела, используя холодное оружие, просто уничтожили четырех. И мы одного взяли с собой.

И при отходе, когда языка отвели на приличное расстояние, в еще один блиндаж мы не стали заходить, а просто закидали гранатами. Две гранаты закинули, после этого заглянули. Двоих врагов мы убили. И так благополучно вернулись к себе уже в расположения.

У нас еще был человек с позывным «Молчун», но он уже очень давно. Он уже и в Афганистане побывал, то есть опыт боевой у него очень большой. Он любитель тоже везде походить, поразведывать.

Наткнулся он на позиции неприятеля. Это буквально через два дня после нашего пленного произошло. Мы его встретили, он один вел шестерых пленных. Шестерых захватил в одиночку. Он потом получил орден Мужества.

У нас в подразделении разные люди, люди отовсюду. Со всего, так скажем, бывшего Советского Союза. Но, попадая в подразделение, становятся частью единого, сплоченного механизма. Все мотивированные. Все поставленные задачи выполняют без лишних вопросов.

Позывной «Атаман», доброволец, подразделение БАРС-13

Я служу с октября 2022 г. Мне 63 года, но попасть в отряд, в принципе, сложностей-то не было. Просто желание нужно, чтобы попасть. И все. В любом возрасте возьмут. Главное, нужно, чтобы физически нормально было, и все. До этого я работал в МВД. А в своем городе я атаман казачьего общества. Так что опыт был и военный, и тяга к военному.

Украины давно обстреливали Белгородскую область. Обстреливали рядышком с нами, и другие районы обстреливали. И чтобы не пришли ко мне домой, я решил пойти навстречу.

Супруга меня понимает. Все-таки, как атаманша, как это атамана не поддержит в такое трудное время? Она знала, что я по-любому пойду сюда. Невестка начала говорить, что не надо, возраст. А супруга сказала: это его решение, если он сказал — пойдет, значит, он пойдет. Казаки всю жизнь воевали, везде были на защите родины своей. Надо было, и я пошел.

И всем говорю — не надо ничего. Идите смело в добровольцы. Главное, чтобы был внутренний стержень хороший.

Позывной «Дузер», доброволец, командир группы огневой поддержки БАРС-13

У меня третий контракт уже идет. Пришел на первый контракт, познакомился с людьми, на второй контракт они стали как семья уже, принял решение пойти на третий.

У меня был знакомый, который уже был в отряде. Дал контакты сборного пункта, созвонился. Люди сказали, приезжай с документами, будешь приносить пользу Родине. У меня и срочная служба была, был старшим разведчиком, в воздушно-десантные войска оттуда. Это давно было.

У нас в отряде на полигоне людей готовят. Специальная подготовка есть у людей в подразделениях. Если это пехота, штурмовики, то у них отдельная своя программа, артиллеристы по своей занимаются, саперы по своей. Обучают люди с большим опытом, доходчиво объясняют. Быстро становятся грамотными бойцами. Здесь вся Россия, и возраста разные. Молодые, предпенсионного возраста, пенсионеры. То есть люди абсолютно разные.

Мы однажды украинское артиллерийское орудие трофейное с их позиции забрали и притащили. Это — МСТАБ-Б, буксируемое орудие. Это было ночью, после обстрела. Колес на ней уже не было. Видимо, украинцы не смогли забрать. Орудие в хорошем состоянии было, ствол не был поврежден. Мы подготовились, заранее привезли там колеса. Остались со вторым человеком

на ночь. Поддомкратили ее, поставили на колеса, сложили. Договорились с мотолыжниками, и поутру, по сумеркам, мы ее зацепили и утащили в свое расположение.

Я получил медаль «За отвагу». В дальнейшем многие ребята, мужчины у нас будут тоже оценены такими же наградами государственными.

Позывной «Кракен», доброволец, командир минометной батареи БАРС-13

Я принял решение идти добровольцем, когда смотрел новости и не мог долго наблюдать за этой картиной. Детей жалко на Донбассе. У меня же братья растут. Мы не будем ждать, когда они придут на нашу землю. Лучше остановить их здесь и сейчас.

Сейчас у меня уже не первый контракт. Служу с 2022 г. За этот период освоил и работу миномета. А до этого проходил срочную службу в составе разведгруппы. Псковская дивизия, отдельная разведрота.

Сначала был обычным заряжающим. Пороховщиком. Основная задача — подготовить мину к стрельбе. Подчистить, все неровности убрать, снарядить. Навязать пороха, в зависимости от дальности стрельбы. Вышибной снаряд в это отверстие вставляем, и надо накрутить взрыватель. Сейчас уже используем карты как цифрового формата, так и обычные бумажные карты. За день, бывает, порядка 150 мин выпускаем. Не с одной позиции. Есть две-три запасные позиции, запасные точки.

Ну и сами мы попадали под обстрелы. Под обстрел «Градов» попадали. Кассетных боеприпасов. Вели непосредственную боевую работу в районе Кременной. И отработывали по противнику. По укрытиям, по пе-

хоте. Ну и прилетела ответка. Прилетело полпакета «Града». По нашему расчету, по нашему миномету. Меня затрехсотило. Пацаны быстро среагировали — вытащили меня. Но работу миномета мы не остановили. Мы продолжили дальше работать. До тех пор, пока не уничтожили точку.

Добровольцы — это те люди, которые равнодушно смотрят на всю эту картину, происходящую в мире, и пытаются внести свой вклад в решение всех этих задач, в данный момент боевых задач, остановить противника.

Позывной «Нигер», доброволец, артиллерист БАРС-13

Я — командир орудия Д-30. Как мы ее называем, «старушка Д-30». Но свою работу делает. В нашем подразделении она приехала с Кременной, на Бахмут уже пошла, на наше направление.

Я сам из Макеевки, родился в Макеевке, жил до 98-го в Макеевке. Тут родственники остались. К ним рядом прилетело. Они пострадали, квартира пострадала.

Это война, это надо понимать. То есть и условия тоже. Должны люди понимать то, что не будет тебе там как дома, ты в квартире улегся, там искупался. Можешь искупаться ты раз за две недели. Но люди должны понимать, куда идут. Я просто понимал, и для меня не было страха, и у меня было понятие, что такое война. Ну какие условия? Мы на войне. Мы на войне, мы должны работать. Вы посмотрите, когда наши деды работали. У них условия еще хуже, чем у нас были. Надо это тоже понимать, что это война.

Однажды, когда мы приехали работать на позицию, отработали по цели. Ну, все, цель уничтожена.

Перевелись на другую цель. И в какой-то момент у нас произошел невыход гильзы. Орудие небоеспособное, нужен ремонт. Цель не доработали, свернулись и уехали. Потом через несколько дней вернулись, начали отрабатывать эту цель, отработали по этой цели, и нас срисовали. Зависла птичка. Весь день висели. Они по орудию не стали отрабатывать, а ждали чисто расчет. Вот весь день мы прождали в укрытии, а птицы просто менялись. Одна залетает, висит, висит, у нее батарейка сжирается, она уходит, сразу же вторая становится на ее место. И висит весь день, вот так они весь день провисели над нами, смотрели, ждали.

Позывной «Самарканд», доброволец, БАРС-13

У меня уже третий заход в СВО, третий контракт. Я в ОМОНе три года отработал. Опыта много — и первая, и вторая чеченская. И в спецназе служил в советское время еще. Был натаскан. На пенсии я посидел чуть-чуть. Быстро вспоминаешь и что-то новое узнаешь. Не стоишь на месте, все же движется, все меняется. Нам в отряде нужны уравновешенные, обучаемые.

Однажды наш БТР подбили укропы. Информация пошла, что они все задвухсотились. А на самом деле там были трехсотые, и парень с Камчатки, Костя его зовут, больше 10 дней там был. Один. Он находился напротив укропов. Где-то 50 метров до укропа было. Он там все грамотно сделал. Разложил оружие, брошенное от укропов, от наших собрал. Положил их так аккуратно. Укропы думали, что там много людей. Там обстрелы были жуткие. Его так накрывало. Укропы не подходили. Они просто боялись. Думали, что там много людей. Но он грамотно все так сделал. Воды

не было. Вообще. Он к БТР, подбитому нашему, ползал ночью и оттуда сливался с радиатора.

И вот он в этом аду находился больше 10 дней. Мы когда уже начали штурмовать, мы спасли, вытащили его. А однажды мы иностранцев слышали. Вначале даже не поверили. По-немецки говорили минометчики.

Укропы как фашисты. Люди-то у нас понимают это, и я с этим согласен. Реально фашизм.

У меня опыт есть, я все это чувствую и вижу, что есть реальная опасность для России. Реальная опасность для нашей Родины. Если мы не будем противостоять этому, просто России не будет. Нас и так хотели порвать в 90-е годы. Тут не получилось, решили таким способом — брат на брата сейчас. На самом деле это же наши братья и брат на брата пошел. «Москаляку на гиляку» — это фашизм настоящий.

В одном селе такую картину наблюдал, когда мы зашли. Калитку открываем, смотрим, человек в костре лежит сожженный. А рядом стол стоит, там водка, шприцы. Наркоты немерено, оружие натовское. Потом нашли там женщину лет тридцати убитую. Ребенок тоже убит. Лет 7—8 ему. Женщину изнасиловали и застрелили. И ребенка заодно убили. Все это хохлы. Они там насиловали, убивали, получается, как бы своих, своих же граждан, они со своими так себя вели...

Они гражданских убивают. Женщин насилуют. Детей убивают. Я лично сам видел тела.

Позывной «Бер», доброволец, БАРС-13

У меня уже была подготовка и опыт. В разных подразделениях, в войсках служил и в полицейских подразделениях. Всего семь лет службы. Я это умею,

хочется этим заниматься. Есть определенный навык, и хочется его применять. Сейчас я командир группы эвакуации. Много эвакуировал и трехсотых, и двухсотых, и оказание помощи легким на месте.

Один раз была эвакуация, двое трехсотых было. Причем изначально была команда, что один трехсотый тяжелый, другой легкий. Пока мы дошли, уже оба стали тяжелыми. Пришлось эвакуировать. Несли далеко, было тяжелое ранение у обоих. Один из них весь был в осколках и ранение тяжелое, пневмоторакс, ранение в грудную клетку. Эвакуация определенным образом должна происходить, он должен быть в положении полусидя. Несли на мягких носилках порядка 2,5 км. У второго раненого были ранение лица и контузия тяжелая. Было очень тяжело, вражеские птицы постоянно мониторили, но донесли раненых, все хорошо. Все грамотно отработали. Птиц было много, но мы от всех спрятались. Мы двух несли с небольшим временным промежутком где-то в полчаса, чтобы не толпиться.

Автомат я свой покрасил. Не с целью красоты какой-то, это сделано в целях маскировки. Я сам умею летать на «мавике», я знаю, что видит оператор, и черная такая палка — она очень сильно бросается в глаза. Установил приклад. Не потому, что он красивый, а потому, что он короче, чем штатный. У меня низкий рост, и с этим мне работать удобно, с более коротким прикладом. Установил рукоятку потому, что с ней удобно из-за угла работать в случае чего. Установил фонарик, если вдруг задача — вход в какие-то темные помещения, блиндажик или еще что-то. Все остальное считаю излишним.

На мне 8 магазинов, еще два на рюкзаке — итого 10, две гранаты РГД-5 и далее конкретно медицина и жгуты резиновые — 4 жгута резиновых, но не резиновых, силиконовых. И еще одна аптечка. Получается, я весь

в аптечках, жгутов силиконовых 5, турникетов 5. Они все у меня в таких местах, где я дотянусь легко руками. Много перевязки, очень много, 8 или 9 перевязочных пакетов, окклюзионные пластыри, еще перевязка, здесь у меня гемостатики. Здесь у меня носилки, мягкие носилки всегда со мной. А там еще одна аптечка, это конкретно моя аптечка, которая будет применяться для меня в случае необходимости, и в этой аптечке стандартный набор, необходимый для оказания медицинской помощи. Аптечка отрывная. Два эшелона.

Ленточные жгуты, именно ленточные, а не турникеты, потому что я не знаю навыки своих союзников, не которые в нашем подразделении, а, например, союзники из соседнего подразделения могут оказывать какую-то помощь. Соответственно, лучше ленточные жгуты, с которыми все более-менее справились. Ножницы, стропорез есть, чтобы быстро что-то отпороть, вскрыть. Сами ножницы сами по себе довольно качественные, хорошие. И обязательно они вот на такой вот веревочке, потому что, когда я оказывал помощь, мне было очень удобно, я что-то подрезал и просто их бросил.

Если на базе выхожу, у меня рюкзак собранный. Рюкзак до двух суток у меня. Лопатка, естественно, снаружи. Еще два дополнительных магазина. Здесь у меня аптечка именно третьего эшелона, дополнительная тампонада, бинты, там же у меня таблетки в таблетницах. Мне вот этого маленького подсумочка хватит, чтобы снабжать, чтобы оказывать широкую помощь медицинскую, широкого профиля, в том числе там много антибиотиков и так далее. Ну, человек на 10 на недельку мне хватит. Здесь у меня открывашка для цинков, нужная вещь, лопатка.

Полтора литра воды, здесь у меня все для тепла, то есть теплые носки, грелка каталитическая, бензин

для нее, здесь у меня пауэрбанк, для того чтобы зарядить гаджет, скотч армированный, мелочи все по мешочкам — очень удобно. Они по цвету различаются, я знаю, где у меня что лежит; пончо от дождя, теплое пончо, его можно прям поверх бронежилета накинуть и какой-то момент в холоде переждать где-нибудь, даже в подвале. Здесь у меня набор еды, тут буквально банка тушенки, сникерс и такое, чтобы не голодать. Здесь еще два турникета дополнительно, жгут один ленточный, один турникет на всякий случай, если чего-то не хватит. По весу это, если взять только БК, здесь уже три килограмма, вот, плюс одежда. Я думаю, рюкзак весит килограммов 10—12, плюс снаряжение, ну, в общем, килограмм, может, 25 выйдет. Если с оружием — совсем много, но, в принципе, со временем привыкаешь к этому весу.

Позывной «Ворчун», доброволец, сапер БАРС-13

Я больше года служу, второй контракт. Пошел нациков уничтожать, помочь парням из Новороссии. А был абсолютно гражданский человек, ремонтировал автомобили.

Сейчас — сапер, а первый контракт — пулеметчик, наводчик АГС. Были ранения. Был награжден медалью «За отвагу». Еще не получил на руки. Награда приехала в мой город, а я здесь. Сейчас она поехала сюда. Когда-то приедет.

Я из пулеметчика все время хотел быть сапером и первый контракт немножко что-то там разминировал, минировал параллельно. Я сейчас могу и за пулемет, и за АГС стать. В чем заключается работа сапера? Установка минных заграждений, снятие минных заграждений

противника, проделывание проходов, завести штурмовую группу, то есть идти с разведгруппой, проделать проход. Я проход проделываю, сзади идет разведка. Мы вместе едем. То есть вы провели их, а они дальше идут на штурм. Наша задача — вторую группу привести, допустим, если там несколько групп заходят. Завести одну группу, потом пойти за второй, вернуться.

Недооценивать противника не стоит. У них сейчас очень много новинок, переделок наших мин старых советских. И не только старых, а которые на вооружении стоят. Они доделывают их с помощью радиоэлектроники. То есть мины стали такие, что к ним нельзя ни подойти, ни мимо пройти.

Есть такой взрыватель, они его ставят. Раньше обычная противотанковая мина на танк срабатывала, а сейчас мины стали так же срабатывать на обычного пехотинца даже с пистолетом. На металл срабатывать, на движение.

Иногда сбрасывают с «Бабы-Яги» в пакете, в целлофановом из-под мусора. Лежит мусорный пакет на краю дороги. Боец идет, ногой пнул. Бойца нет — и отряда нет, с которым он идет.

Я расскажу еще одну историю, что была в Клещевке. Один из бойцов подорвался на растяжке. И «Старый» его вытаскивал. Хохлы это все заметили. И полчаса их накрывали. И он был ранен. Человека спас. А «Старого» не успели спасти. Тяжелое ранение было.

Позывной «Сухой», доброволец, БАРС-13

Я в БАРСЕ-13 в эвакуационной группе с медиками. Занимаемся эвакуацией наших раненых бойцов. У меня контракт уже много раз продляется. Зло должно быть уничтожено, а добро победить.

Раньше я был бойцом, стрелком в отделении. Мы строили блиндажи, копали окопы. Нам наши люди из Санкт-Петербурга помогли — загнали две буханки, мы их оборудовали и создали эвакуационную группу. С февраля 2023 г. у нас в батальоне образовалась эвакуационная группа. Однажды в один день мы вывезли 18 человек. Четыре захода на передок. Была контратака и было тяжело. А так один-два выезда в сутки. Мы дежурили на передке постоянно.

На эвакуационную точку кто-то сам выходил, кого-то выносили, а мы уже непосредственно оттуда, с этой точки, уже грузили машину и уже вывозили до госпиталя. И по дороге оказывает помощь наш медик.

Мы здесь не за наградами. Никто, кроме нас, не сможет защитить нашу Родину, наших жен, наших детей. Дядя никакой не придет. Только мы.

Позывной «Евген», доброволец, заместитель командира БАРС-13

Я — офицер, прослужил в пограничной службе 30 лет в разных регионах Российской Федерации. И не только в Российской Федерации. Проходил службу и в Таджикистане, и в Армении в свое время. Уволился и пошел в добровольцы.

Я помню много разных операций. Под Изюмом, Харьковское направление, село Богородичное, далее потом двигался чуть юго-восточнее направление, следующее было уже север Донецкой Народной Республики, поселок Дробышево. Затем Артемовск.

Министерством обороны было принято решение о перемещении нашего подразделения из района села

Кремневка на Бахмутское направление. Мы зашли через поселок Клещеевка.

В Бахмуте принимали позиции у парней. Ребята нам передавали полностью свои позиции, оставляли боекомплект. Очень много боекомплекта. Спасибо большое ребятам. В тот момент они очень поддерживали нас по данному вопросу. Были у них точки, где были и продукты питания, точки, где был боекомплект разносторонний на все виды вооружения, от артиллерийского до стрелкового. Поэтому, в принципе, мы очень благодарны за это. Абсолютно все оставили личного оружия.

Дальше мы уже совместно с армейскими подразделениями принимали их позиции и продолжали начатое ими дело.

За время службы помню много ситуаций разных. Помню, была точка под названием Лысая гора, где был очень серьезный укрепрайон ВСУ, который брали парни, и мы уже там закрепились и держали оборону.

В течение полутора месяцев мы держали оборону. Были ежедневные минометные артобстрелы, танки работали по нам. Были и первые потери. Оборону держали до того момента, пока не поступил приказ оттуда уходить. Задачу отряд свою на тот момент выполнил.

С начала СВО в отряде прошло много людей. Процентом тридцать — это отставные офицеры разных родов войск. И Министерство обороны, и Министерство внутренних дел, и Федеральная служба безопасности.

Есть категория людей, которые работали в коммерческих предприятиях и в государственных учреждениях. У нас коллектив разносторонний, и здесь уже все сплавиваемся. Все мы выполняем одну задачу, и кто откуда в той или иной степени забывается. Все выполняем одинаково задачи.

Добровольческое соединение — это не то подразделение, в которое попадают по мобилизации. Здесь народ с самого начала мотивирован и идеологически уже подготовлен для борьбы с фашизмом, с этими недобитками бандеровскими.

Каждый человек, который прибывает в это подразделение, он знает, на что идет. Для каждого мотивация — это именно доработать то, что не доработали раньше.

На той стороне тоже есть добровольцы, только с другой стороны света, с черной стороны, а мы светлая сторона. Поэтому будем бороться, добивать их до победы.

При прибытии в подразделение любой доброволец проходит сначала всестороннее обучение с инструкторами. А для нас неважна категория людей — военные, служащие, госслужащие. Всем добро пожаловать в подразделение.

Позывной «Аскер», доброволец, заместитель командира БАРС-13 по вооружению

Я служил еще в Афганистане, был в составе советского мусульманского батальона. В июне 1979 г. был в командировке в Афганистане. А потом уже вместе с батальоном зашли в декабре.

Сейчас я пошел служить потому, что кому-то нужно идти Родину защищать. Общая такая мотивация. Когда началась СВО, естественно, я был в курсе всех событий. Много смотрел передачи Соловьева, блогеров, смотрел про Горловскую Мадонну. Нашел ссылку на прием в добровольческий батальон БАРС-13. Я позвонил, мне сказали, могу ли я приехать через три дня. Я говорю,

давайте через две недели. Через две недели я приехал и после полигона подписал контракт добровольца. Мне уже было 62 года.

Чувствую себя хорошо физически, морально, эмоционально. Физически готов ко всему, скажем так. Поначалу было немножко тяжело после дивана сдвинуться с места. Но вошел в форму еще осенью 2022-го. Сейчас замкомандира отряда по вооружению. Поработал еще на винтовке СВД. Эффективно работал, потому что маленькое расстояние было. От 70 до 150 метров от противника.

А первое впечатление, помню, когда мы зашли, когда только на СВО, то есть мы дней пять, наверное, выехали. Как раз там был напряженный момент, наши войска отходили из Изюма, от Красного Лимана. И наша задача была сдержать наступление, чтобы они успели выйти. Вот мы держали оборону около Дробышево в течение 10 дней.

Ежедневно атаки. Ежедневно танки выезжали. Наши спецы подбили один танк. Мы отходили последние, нас где-то 30 человек группа. Противник прошел по дамбе и занял почти весь поселок. И нам поступила команда на отход. Это было уже после десяти вечера. Ночь была абсолютно безлунная. И вот мы ночью выходили.

Мы не видели ничего. Тяжело было идти по лесу, потому что мы на слух шли. Тридцать человек. Причем лес был закидан лепестками. Мы уже прошли четыре с половиной километра. Погрузились в Урал. В это время выехал танк противника, когда мы тронулись с места. Выстрел — попал в угловой дом, и мы как раз поворачивали за этот дом. Выехали на окраину поселка, подобрали еще двоих солдат. Где-то в середине ночи мы были в Рубежном. Проскочили.

Сейчас настроение сильно улучшилось, с тем, что было, когда мы отступали. БАРСы, как мы, участвуют

в штурмовых действиях, продвигаются вперед. В общем народ, как говорится, готов уйти вперед, ждет наступления. Мы ведем интенсивную подготовку, изменились принципы подготовки, есть штурмовая рота, есть поддержки. Люди начали более осмысленно действовать. Мужики готовы осмысленно, понимая задачу, ее выполнять. Не просто бежать по полю. Все это контролируется беспилотниками, все пораженные объекты, все.

У нас есть беспилотники, у нас есть дроны, у нас есть антидроны. То есть мы обеспечены всем необходимым вооружением, передовым. То есть мы получили, вооруженные силы нам выдали ружья, потом благотворительные организации привезли нам.

С начала СВО обеспечение улучшилось, и улучшилось по качеству. Заявки, в принципе, исполняются. То есть уже нет такого, что ты пришел, попросил, там, 50 мин, а тебе дали 10, к примеру.

Позывной «Монгол», доброволец, БАРС-13

Я когда услышал, что началась специальная военная операция, момента решения идти как такового не было даже. Началась специальная военная операция, боевые действия — мужчины должны быть там, размышлений не было.

Цель СВО Президент обозначил, тут ни убавить, не прибавить. Цель правильная, верная. Собственно, мы продолжаем то, что Россия делала всегда. У меня и деды, и дяди мои воевали. Воевали за правильное дело. И сын у меня тоже воюет.

Прямо рядышком — 23 километра отсюда. Здесь я вижу такую явную преемственность поколений.

До тебя учили так воевать с нацистами, ты об этом читал, сам пошел, сын-то, уже увидев, в том числе и от тебя, тоже пошел. Я надеюсь на то, что и этому поколению мы сумели передать. Приятно, что сыновья такие.

А мне на момент начала СВО было 54 года. И я пошел в БАРС. А возрастных много среди добровольцев. Уже здесь, в отряде, я приобрел специальность снайпера. Стрелять я умел на гражданке, у меня спортивная стрельба была. Я еще книги люблю читать.

Позывной «Спортик», доброволец, БАРС-13

В свой день рождения, в прошлом году, решил в январе пойти на СВО. Был вначале в Ахмате, сейчас в БАРС-13. Как началась специальная военная операция, из друзей, из знакомых многие пошли на СВО. Я и решил не оставаться в стороне. В свой день рождения решил его не отмечать, а пойти на СВО.

Меня никто не отпускал, ни жена, ни родители, никто, просто сам поднялся и в свой день рождения непосредственно уже был на полигоне. В этот же день уже направился на СВО.

Сейчас вспоминаются две боевых ситуации. Первая — это когда, находясь в Ахмате, я был командиром группы быстрого реагирования. И нас стал кошмарить блуждающий миномет. Поступило указание вычислить его, стали вычислять периодичность его стрельбы. Это миномет — полька была. Полтора километра от него до нас было. Две недели наблюдали траекторию, откуда стреляли, в какое время велся обстрел, и решили выдвинуться.

Выдвинулись на позицию, нашли миномет. Нашли в лесополке. После чего было принято решение по-

наблюдать. У нас с собой продуктов дня на три было, решили остаться. Это была серая зона, они подъезжали и вели обстрел. А мы организовали и засаду. На второй день, где-то в середине дня, приехали нацисты и были уничтожены. Их было четыре человека на пикапе.

А за три дня до конца прошлого контракта я получил ранение. Сейчас у меня уже новый контракт заключен. А тогда мы решили забраться на кукушку, посмотреть на высоте 5 метров в тепловизоры, есть ли движение. При обстреле я упал с 5 метров в полном обмундировании. Контузия, черепно-мозговая. В двух больницах лежал, и оттуда сразу сюда.

Контузия меня не остановила, такие вещи меня не могут остановить.

Я воюю, чтобы мной гордились родители. Я воюю за свою страну, за своих товарищей и друзей. И за тех друзей, которых уже нет, чтобы не было самому стыдно.

Поначалу, конечно, страшно всем. Но, как сказал один мой товарищ, можешь ссаться, можешь срать, но ни шагу назад. Все другое можно и незазорно.

Даже для невоенного человека овладеть необходимыми на войне навыками несложно. Главное — подняться и пойти сюда. Это самый важный, самый первый шаг, который нужно сделать. Здесь уже всему научат и подберут по вашим умениям, как говорится, специальность, то, чем вы будете здесь заниматься.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ШТУРМОВАЯ БРИГАДА ИМЕНИ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

**Александр Бородай, доброволец,
командир бригады (21.04.2023—27.05.2024),
глава Союза добровольцев Донбасса,
депутат ГД РФ**

Наша разведывательно-штурмовая бригада носит имя Святого Георгия. Начала она формироваться на основе двух уже сформированных отрядов Союза добровольцев Донбасса, двух диверсионно-разведывательных отрядов — ДРО «Вихрь» и ДРО «Херсон». Бригада состоит из двух батальонов штурмового отряда и смешанного артиллерийского дивизиона.

Сейчас активно используем FPV. Прекрасная вещь, очень удачная. Наши ребята хорошо работают. Но, правда, противник тоже работает. И надо сказать, что не без некоторых успехов. Нормальная ситуация. Любая война — это, конечно, колоссальный двигатель технического прогресса. В начале СВО о некоторых вещах мы даже не знали, таких как FPV. А сейчас применяются массово с обеих сторон.

Исход войны нельзя решить только армадами дронов. Но все равно без пехоты не обойтись. Честно говоря, все-таки эта война очень похожа на Первую мировую войну. Это война прежде всего артиллерийских стволов.

Из того, что произвело впечатление, могу рассказать, как противник выставил в качестве прикрытия на своем бруствере четверо наших бойцов — мобилизованных. Ребята попали в плен, и их выставили в качестве живого щита. Это все, согласно всем международным нормам права, конечно, военные преступления.

Мы понимаем, что в Киеве сидят западные марионетки. Вообще главная цель США в отношении Украины достигнута. Европа экономически серьезно ослабла. Этой цели Вашингтон добивался еще с 2014 г. — уничтожить Европу как экономического конкурента. Штаты развивают свою оборонную промышленность, развивают свои арсеналы, продвигают наукоемкое производство (связанное с военными технологиями). С точки зрения экономики и внешней политики у них все хорошо. Им все равно, что произойдет с населением Украины. Чем меньше его останется, тем лучше. Поэтому Штаты всегда будут довольны потерями с обеих сторон конфликта. Чем больше будет проливаться крови с обеих сторон, тем лучше для них.

Но настроения в бригаде у нас рабочие. Мы рассчитываем на то, что мы, по крайней мере в своем большинстве, сумеем дойти до Победы. Кто не дойдет по понятным причинам, тому Честь, Слава и Вечная память.

Нам нужен суд над преступниками из ВСУ, нужен трибунал. Не обязательно международный. В принципе, достаточно будет только российского. Чудовищные преступления, которые совершены украинским нацистским режимом, не должны остаться безнаказанными. Надо судить всю эту сволочь. Мы понимаем, что они западные марионетки. Но хотя бы их надо предать суду.

**Позывной «Таймыр»,
водитель 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Позывной «Таймыр». Водитель автомобиля, был в штурмах. Родственники переживают, естественно, но гордость берет. Я приехал на СВО потому, что было «За державу обидно».

Вспоминаю, как-то мы зашли на позицию, заходили трудно, заходили под обстрелом. Дошли, стали. Обстреливают очень сильно, ложат очень хорошо. Простояли, потом у нас трехсотый был. Пришла команда отойти. Трехсотого оттуда вытащили. Очень жестко выходили. ВСУ нас выжимали на минное поле, гнали на мины. Польша стреляла, миномет стрелял, короче, крыли со всего, и 120-е прилетали, птички летали, там, короче, все, что есть, все летело. Успеваешь 5—6 шагов сделать, или от птички уходишь, или падаешь от снаряда, чтобы осколками не зацепило. Ну так вот, в таком положении уходили. Хорошо с нами вот парень был, который знает это минное поле, вот он нас провел. Мы прошли прямо. Рядом он нас провел просто чудом, мы ушли.

Меня два раза расстреливали, то есть машину расстреливали. Просто из гранатомета лупили по ней, а как-то уходил из-под обстрела, 120-мм рядом ложился. Ребята говорят: «Ты — счастливый, машину-то твою все разобрали». Был у меня 300-й в машине, довезли вовремя, врачи поблагодарили за это.

Конечно, страшно бывает, спору нет. Если суждено, значит, оно сбудется. От судьбы не уйдешь. Я вот так к этому отношусь.

**Позывной «Тезка», доброволец,
штурмовик 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Я пошел добровольцем потому, что у меня брат мобилизованный в СВО и не хотелось подставлять свою страну. Почему старший брат на диване лежит, а младший находится здесь? Военный флаг подняли, гимн прозвучал — я пошел. У меня уже третий контракт добровольцем. Когда я пошел, меня дети, семья поддерживали. Мне этого достаточно. Да, мобилизованный. Служит, как бы сейчас не знаю, не говорит, не докладывает как бы.

Помню, 5 мая 2022 г. накат на нас был. Были два танка, БТР, плюс еще артиллерия. А с танком, как обычно, идет и пехота. Плюс еще всякие птички. 120-й миномет, 82-й миномет по нам работал. Отработали, как полагается. Выдержали накат. Командование говорило: самое главное — удержаться, в окопах просидеть, продержаться арту. Некоторые люди не понимали, конечно, но остальные, если здоровые, просидели, прождали арту и остались живы.

Один танк, как положено, как по книжке, закидали просто парни гранатами. Мы отсекали от пехоты танк. Танкисты испугались. Экипаж выбежал и попрыгался. Взяли в плен и отдали кому положено. Второго танкиста подбили.

Пехоте мы не дали даже продвинуться. Мы стояли на оборонительных, они не продвинулись ни на сантиметр. Как они пришли, половина у них успела уйти. А кто не успел, тот там и остался. Сталкивался и с наемниками. С неграми.

Людам, которые собираются стать добровольцами, хочу посоветовать, если ты пришел сюда не бояться, держаться плечом к плечу. Если ты сюда идешь, нацелен и уверен в себе, то должен понимать, куда, зачем ты прибыл. Мы идем не помирать, а защищать свою Родину и детей, родителей, матерей.

**Позывной «Якут», доброволец,
штурмовик 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев
Донбасса**

Я с 2014 г. уже служу. Украинские фашисты при эвакуации уничтожили колонну мирных жителей. И в этой колонне находились у меня дедушка с бабушкой. Я до сих пор не могу их похоронить, потому что там ничего не осталось от этой колонны. Я принял для себя решение, что я должен быть здесь. Вот так я попал в ополчение. Сейчас 2024 г., и я по сей день нахожусь здесь, уничтожая этих фашистов. 10 лет я на этой территории служу добровольцем.

Крайняя награда у меня за храбрость при штурме Берестового. Брали высоту, много потерь было, но мы взяли. Наша разведрота проводила разведку и участвовала в штурмах. От нас зависели правильные действия самого штурма. Наша задача была принять огонь на себя. То есть отвлечь их, чтобы с другой стороны поднялись две группы. Мы принимали огонь на себя, чтобы они заходили с тыла к ним.

Непосредственно по нам работали АГС и минометы, из 12 человек остались трое. Это вот именно наша

группа. Скоро сопка была наша. Штурм был успешный, много наемников там валялось. 10 человек на той позиции было, из них 8 человек — негры. Когда заняли позицию, находясь на ней, уже фашисты не стали к нам накатами двигаться. У них была запасная позиция сзади сопки. А мы удерживали позицию.

У меня были и ожоги, и осколочные ранения. Был момент, когда я горел, осколки — это в основном минометные снаряды. Попали в БК, взрыв, у нас бензин хранился еще, он вспыхнул, пришлось тушить, воды не было, тушили землей. Ну, все удачно. Лечение все было в окопах. Есть такие моменты, когда не сразу тебя могут эвакуировать. Особенно когда идет штурм. И при штурме, когда захватываешь территорию, тебе не сразу могут обеспечить полноценную медицину. И приходилось два дня оказывать себе помощь. Бойцы мне помогали. Себе как-то там перевязки делал, перематывал. А потом был доставлен в местный госпиталь. А от основного я отказался. То есть оно не сильно такое тяжелое. Я посчитал, что через неделю я опять смогу ходить. Так что, чтобы долго не задерживаться, чтобы не терять контакт, общение с группой, я принял решение для себя остаться. Через 10 дней уже был в строю.

Бывает ли страшно? Страшно всем, каждому страшно, неважно, он только пришел туда или давно находится. Страшно от взрывов, страшно из-за того, что по тебе стреляют. Но когда ты понимаешь, когда идет осознание, с кем ты воюешь и что впереди, ты не поддаешься этому страху.

Ты его давишь, мысленно отвлекаешь, отгоняешь этот страх. Мысленно принимаешь решение, что ты здесь до конца. Тогда намного проще бороться

со страхом. А страшно всем, каждому профессиональному бойцу и вновь привыкшему, всем одинаково страшно.

Семьям помогают. Я благодарен очень главе в своем городе, который заботится о моем ребенке, который помогает мне, пока я отсутствую дома. Он отправляет ребенка в лагерь, они отдыхают, к школе готовят, какие-то мероприятия происходят, приглашают постоянно. Я очень благодарен тем, кто вот так делает.

Первый раз столкнулся с украинским химическим оружием в 2015 г. И с газами с 2022 г. три раза сталкивался. Кидали фашисты газовые гранаты. Был такой момент, у нас боец сильно очень траванулся. Очень сильный у него ожог, там отек легких был. Применяют, применяют фашисты. Я не знаю, какой это газ, но было очень тяжело дышать и слезы, все это было. Вот это было днем, получается, мы находились в посадке и нас обкидали днем. Получилось так, что мы зашли в этот эпицентр газа, надышались и до вечера мы не могли отойти. Было очень тяжело. И один из нас очень сильно надышался, его госпитализировали.

Не так давно заходили в поселок, и мне женщина показывала фотографию со своего телефона, как она с окна снимала. Возле забора стояли два украинских военнослужащих-фашиста, у одного из них на повязке так и было написано — «рабовладелец». Я видел на столбах повешенных людей в населенных пунктах, которые мы освобождали. Местные сказали, что их якобы за сепаратизм, в назидание другим, повесили на столбах. Это был год 2015-й, элэнэровский поселок. Колодец был полностью забит убитыми людьми. Это гражданские люди были. Были пострелянные люди в домах. Рассказа-

зывали мирные жители, что увозили людей и больше не возвращались.

**Позывной «Бора», доброволец,
командир отряда 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев
Донбасса**

И по личным соображениям, и череда обстоятельств сложилась так, что сегодня я в СВО. Я родился в Херсонской области, проживал там до 12 лет. И когда началась специальная военная операция, не остался в стороне, а решил принять участие в освобождении своих родных территорий.

Когда подъезжаешь на ноль, а от ноля начинаешь работать дальше, то есть там где пешком, где как, то с этого момента начинаются там обстрелы, минометы, птички там встречаются. И это все продолжается до тех пор, пока ты находишься на передке. Минимально до противника бывало и 50 метров.

Противника недооценивать нельзя, там как бы тоже есть и достойное сопротивление, но мы переломим. Парни у нас заряженные, подготовленные, все хотят работать и выполнить свою работу отлично.

Доброволец — это тот, кто в стороне с приходом специальной военной операции не остался дома. Он принимает участие в СВО потому, что считает, что так необходимо. Самый молодой у нас — под 24 года, взрослые — за 50, не уточнял. На подготовке, кто уже прибыл сюда, командиры и инструкторы по максимальной передают навыки, те знания, которыми владеют. Пусть

спокойно вступают в наши ряды, стоят рядом, плечом к плечу с нами пусть работают.

**Позывной «Ларим», доброволец,
оператор БПЛА 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

На «мавиках» летаем, на «аутельках». Сейчас как раз новые пришли, с хорошим зумом, с термалочкой, прошивка стоит наша, разработка российская, ребята сами пишут. Все хорошие операторы, которые знают как правильно вывести птичку из-под РЭБ. Это непросто, много теряется птичек, но мы и трофеим, и восполняем потери. Сажаем птички противника, забираем с собой, отвозим ребятам, они перешивают их, и мы пользуемся.

Когда началась мобилизация, пришел в военкомат — так и так, возьмите, хочу. А мне сказали: не было срочки — до свидания. Пошел в добровольцы. Приехал, сдал крови анализ, комиссию прошел — пожалуйста, обучили. Хорошие инструктора были. Обучались три-четыре недели и там уже дальше в зависимости от того, кто на какое направление идет, кто с чем работать будет лучше. РПГ — очень такая хорошая штука, она очень впечатляет. Первый мой выход — дали мне в руки польский, модный такой, с планочками со всеми. Дали его, говорят — там, на позиции, разберешься. Просто очень срочно надо было. Приложил к нему ухо, выстрел сделал, и сразу меня контузило. Без наушников был, я даже не знал, что какие-то наушники и средства защиты есть.

Первый мой танк выехал красивый — с немецким крестом раскрашенные уши у него там, украинский

флаг. Он сторел полностью, выгорел с двух выстрелов РПГ. Второй прям так хорошо зашел, и все — сторел вместе с экипажем. Он заехал в посадку, и полыхнуло все, даже не видел, куда попал, то есть там БК его сразу сдетонировало. А «Брэдли» в борт с экипажем вместе попал метров 300—350 не больше с обычного РПГ. Было красиво, эпично, очень красиво. Нас послали туда на точку, должен был накат идти на нас. И мы зашли с другой стороны, чтобы наша другая группа гнала их на нас, а мы с другой стороны их уже встречали. Ну и пока ждали накат, как раз тут техника пошла.

А так коробочки очень часто мы брали. Брэдли хорошо разлетаются. Сейчас мало встречаются. Наверно, закончились, все-таки поставок у них уже таких нет. Очень много техники мы просто выводили из строя. Просто попадаешь, там мотор глохнет, экипаж оттуда выпрыгивает и убегает. Ну, единиц 40 и два танка. Танки запоминаются очень хорошо.

Ребята нормальные всегда попадались. Веселые, без этого никак, там с ума сойдешь. Шутками какими-то, анекдотами начинают там подправливать. У меня человек был один такой, во взводе. Постоянно травил анекдоты, без него было скучно. То есть вот он два месяца, на протяжении двух месяцев нас вот прям подбадривал хорошо вот этим, и ребята шли нормально в штурмы, все в настроении. Если молчать постоянно, то поникнешь, и... там начинаются думки какие-то нехорошие.

Никак страх не переборешь, всегда страшно. Ну что, делать нечего, работать идти надо. Страшно, а куда деваться, там люди, их же надо вытаскивать. Бывает, группы выводить нужно, гражданских или нет. Чисто штурм, была ситуация, что пришлось вывести 12 человек — собрать с точек и вывести оттуда, потому что уже эту часть забрали и дальше надо было идти,

собрать их всех. Как раз попали под АГС, АГС долбил нам, не могли пройти. Вот надо было вывести, и под огнем выводили.

Ранения у меня в основном были осколочные, такие легкие. Осколок зашел неглубоко — вытащили. Ожоги — мелочь. Осколки впаиваются, бывает.

Сталкивались и с наемниками. Грузин было очень много. Мы хорошо воевали, но у них подготовленные были ребята тоже. Они тоже очень хорошо воюют иногда, если у них слаженность прошла. Также, бывает, хорошо, грамотно все делают. Особенно пулеметы со снайперами. Пулемет со снайпером у них работает в паре. Грубо говоря, когда в посадку заходишь, у них сидят пулеметчик и снайпер, снайпер и пулеметчик. Снайпер подпускает очень близко, грубо говоря, там, до 50—30 метров. Чтобы назад не отходили, они начинают закидывать минометами за тебя. Соответственно, потери были.

По две недели на точке были, деваться некуда было, но все равно задачу выполнили. Деваться некуда, приходится идти вперед. Как раз в 2022—2023 гг. я с РПГ бегал. В основном сжигал их, и все.

Первый контракт я никому не говорил, что я ушел. На тот момент я уже жил в Москве. Собрался, поехал. И почти год на связь не выходил с родственниками, не было возможности. Потом уже приехал, когда контракт закончился. Конечно, все были в шоке от того, что я пошел. Второй раз, когда собирался, уже как-то более-менее спокойно.

Украинцы, когда отходили, прятались за ними, как живой щит, чтобы уйти. Мы уже подойти близко не могли, они ими прикрывались. Нам нужно было и мирных забрать, и уничтожить врага. У нас, по данным разведки, там есть мирное население, и нам надо

как-то его вытащить оттуда. Бывало, мы группы ВСУ уничтожали и спасали население. Они людей обычно просто загоняют в подвалы и все, и там оставляют их. ВСУ расстреливали людей. Нам попадались просто расстрелянные группы мирных жителей. Кто так делает — это не люди. Таких надо уничтожать.

Приходите к нам, всему научим, покажем, объясним тебе, как делать.

**Позывной «Гномик»,
доброволец, 7-я добровольческая
разведывательно-штурмовая бригада
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Я пошел в добровольцы потому, что не могу наблюдать за происходящим. Считаю, что не кто-то другой, со стороны, должен участвовать, а должен я. Первый раз контракт родственники мои тяжело переживали, но решение принимал я. Родственники в результате поддержали. Второй раз они уже были готовы к этому. Родственники понимают, что это необходимо.

Доброволец — это тот человек, который готов пожертвовать своими благами ради общего дела для нашего государства, для нашей Родины. С нами служат те, которым не все равно. По возрасту есть и молодые, есть и пожилые, от 23 до 65. Если есть желание, всегда можно поступить на службу даже без опыта. Товарищи боевые всегда научат, подскажут. Учили нас хорошо, поэтому и работаем нормально.

Если готовы, то приходите к нам. Здесь у вас появятся товарищи, которые прикроют вам спину всегда. Опыт тоже вы наберете.

**Позывной «Ташкент», доброволец,
медик группы эвакуации 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Я родом из Средней Азии, из Узбекистана. А гражданство России — с 2014 г. На Украине были ущемления русскоязычного населения. Естественно, видя это все, мне хотелось помочь. Хотя как-то. Не остаться в стороне. Сами понимаете, что за события были. Я пошел в военкомат. У меня поставили категорию В. То есть годен во время войны полномасштабный. Мне сказали — сидите дома. Пришлось пойти добровольцем. Препятствий для меня не было. Приехал в Ростов, попал в 23-й БАРС, потом в бригаду «Святого Георгия». В 23-м БАРСЕ я был артиллеристом, работали на Д-20, работали как раз, стояли мы под Угледаром, как раз участвовали в наступлении, февральском, Угледарском наступлении в 23-м году. Здесь стал работать на эвакуации, интересно стало тоже осваивать. По ходу дела научился уже. Оказываем первую помощь, стабилизируем, чтобы человек не погиб.

Одно дело, когда на орудии находишься, там понимаешь — у тебя одна задача, то есть хорошо отработать по цели, а здесь, получается, на тебе ответственность еще за человека. То есть все равно переживаешь, что можешь не справиться, но это было поначалу, то есть первые, так сказать, моменты эвакуации. Мы непосредственно можем подъехать прямо к орудию, где прилет произошел на позицию. Опыт именно медицинский я приобрел.

А в гражданской жизни я был строитель, тротуарной плиткой занимался в основном, ландшафтным дизайном, травку садил. Шучу, что не поменял профессию и в артдивизионе — почти ландшафтный дизайнер.

У нас в отряде разные люди. У нас люди из разных уголков страны. У нас насильно сюда никто не тянул, мы сами добровольно, по зову сердца, по разным причинам пришли сюда. У моих родственников сначала паника была, что я пошел. Я убедил родных, они у меня патриотичные люди и одобрили мой выбор в конечном итоге. Сейчас они знают, что меня уже просто так отсюда не выдрать. Я уже здесь планирую надолго, пока это все не закончится. Не просто приехать там, посмотреть, ага, война. Все уже будет тут до победного конца, как говорится.

Здесь нет лжи, фальши, все настоящее. Люди настоящие, тут никак не притворишься никем другим. Тут все это узнаешь. Сразу будет видно, что за человек и что он из себя представляет. Для меня это такая своего рода романтика.

В гражданской жизни дружбы, сплоченности не хватает такой, какая здесь у нас. Когда домой возвращаешься, не хватает сплоченности, именно от этого братства, когда один за всех, как говорится, и все за одного. Когда любая чужая проблема, она как бы становится твоя уже непосредственно. И в коллективе это все решается, и вот это одно из того, что сюда и тянет потом обратно.

**Позывной «Борланд», 7-я добровольческая
разведывательно-штурмовая бригада
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Мне 25 лет, я служу в артдивизионе, во взводе управления огнем. До этого военного опыта не имел вообще никакого. Я хотел пойти на СВО через Минобороны, но не взяли. Я решил пойти добровольцем, все объяснил,

что как, и меня приняли. Никаких сложностей не было, я понимал, куда я иду и зачем я иду.

Я пошел Родину защищать. Родственники поначалу: «Ты никуда не пойдешь», а потом начали с пониманием относиться, с гордостью говорили: «Мой сын идет на войну защищать Родину». Друзья поддержали, пережили все нормально.

Мне дают координаты, я с помощью математики уже навожу в орудие. А на гражданке на стройке работал строителем.

Было боевое задание, мы стреляли со Мсты, там я был вычислитель и мы попали в «Урал» противника, который ехал, прямо него залетело. От него ничего вообще, даже пыли, мне кажется, не осталось. Дальность была в районе 14 километров примерно.

Наши и «Брэдли» сжигали и танки противника. На своем первом боевом задании я шел учиться, и мы попали по танку. Там два танка ехали по лесополосе. Один танк повернул направо, а один ехал прямо. Мы попали, с первого выстрела сбили гусеницу, а со второго уже танк горел. Это уже с Д-30 было. Это очень тесная работа корректировщика и вычислителя. Позывной «Дизель» был у нас, он прямо корректировал как надо сразу, прямо идеально. Он сразу говорил, куда едет, с какой скоростью едет танк. Это очень такой опытный был боец. Бээмпэшек очень много всяких там и машин мы постреляли. Я не считал даже, много.

В начале страшно бывает. Но как-то переживаешь этот момент, переломный, когда прям настолько страшно, что потом аж не страшно. Это, мне кажется, каждый пережил. Я просто как-то во время обстрела себя настроил, как будто великан топает рядом, и все. Я вот так себя настроил, и все, и отпустил этот момент. Как будто вот великан идет, дух, дух, дух, дух, и как будто

он к тебе идет почему-то. Все ближе и ближе, а потом он остановился, слава Богу, все живы, все нормально.

Если боишься — не ступай, коль ступил — не бойся. А в отряде всему научат, все покажут. Если вы приедете сюда, вас не бросят. Вас всему обучат, абсолютно всему. Без подготовки никто никого никогда не бросает. Человека обучат и медицине, и орудию, и как с автоматом обращаться, и с гранатами, и со всем со всем.

**Позывной «Загоруля»,
штурмовик 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Я служу с самого начала СВО. Семья одобрила, конечно. Я приобрел тут братьев, научился ценить людей, все ценить начал. И семью больше начал ценить, и трава зеленее, небо голубее.

Из наград у меня орден Мужества. В двадцать втором на Херсоне мы останавливали поляков, прорыв был. У меня был выносной пост, я стоял один, парни стояли за мной. Выносной пост наблюдения, получается. Очень много поляков было. Я был пулеметчиком и наблюдал: отработала артиллерия, ребята замешкались, начали откатываться. Я остался, отработал, поляки оттянулись. Ребята вернулись на позиции.

Были у меня и ранения, но я молодой, здоровый, все быстренько зажило. И после ранения обратно пошел — надо доделать начатое вместе с братьями.

Доброволец — это тот, кто не может спокойно смотреть, что происходит на его земле. Добровольцы — это те, у которых есть совесть, честь, есть достоинство.

**Позывной «Кулибин»,
разведчик 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Я пошел добровольцем, потому что мои деды служили. Мои деды служили, а я чего? Кто, кроме нас? Родные все поддержали, поддерживают и будут поддерживать.

Недавно ехали на боевое задание в сторону Бахмута и чуть не доехали — вражеский камикадзе поднялся с дороги и планомерно взрывали машины, много машин сторело. Камикадзе на нас летел, и я начал на него разгоняться. Я разгонялся специально для того, чтобы на большой скорости уйти. Ушел от него. Я подъехал к лесополке, мы все выгрузились. А потом другой у меня прямо в лобовом стекле взорвался. Короче, меня посекло, осколки здесь, осколки в ноге, бронезилет спас, он с шеей был. Но все живы остались. Мне чуть-чуть прилетело и парням осколки. Когда нас взорвали эфпивишкой, меня вытащили и прилетела вторая добивать. Парень с нашей бригады у нее лопасти с автомата прострелил, и она просто упала. Рядом с лесом взорвалась, взрыв все слышали. Так она, слышно, она гудит как комар под ухом. Прямо такой мерзкий вот этот звук. До сих пор его боюсь. Ну, не то чтобы боюсь, но неприятный очень звук.

Пока мы ехали на поезде трое суток, везде нас встречали волонтеры. Как приятно было ехать как будто герой. Встретили в госпитале нормально. Я во Владикавказе был, лечение на хорошем уровне. Если закашлял, таблеточку дали. Там вообще как с детьми на самом деле обращаются.

**Позывной «Малява», доброволец,
начальник медслужбы 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Я прохожу службу в первом подразделении штурмового отряда бригады «Святого Георгия» на должности начальника медицинской службы. У меня уже третий контракт, а добровольцем я был уже в 2015 г.

Мой дед фашистов бил, и я считаю это своим долгом. Отсиживаться в стороне не могу. Кто-то воюет, как я буду сидеть дома?

Как-то мы забрали товарища после ранения, он наступил на мину, эвакуация была днем, и летают птицы противника, пришли, попали под обстрел. Тут либо рисковать человеком, либо рисковать собой. Решили собой рисковать. Все хорошо, парень жив и мы, вроде, тоже целы.

Жена не просто отнеслась к решению идти в добровольцы. Это не первая война. Сейчас уже с гордостью относится.

**Позывной «Кокош»,
разведчик 7-й добровольческой
разведывательно-штурмовой бригады
«Св. Георгий Победоносец»
Союза добровольцев Донбасса**

Я уже второй раз захожу добровольцем. Мне нравится, что я не сижу на одном месте, постоянное движение, работа кипит. Мы вычисляем вражеские территории, откуда они наносят огневые удары, находим технику,

пехоту, артиллерию, где они выдвигаются, где они ставят свои позиции и т.д. Бывало, шли на разведку и нежданчиком контакт происходил. Отстрелялись, отбились, узнали, кто и как.

Добровольцы — эти люди, которые душой к своей Родине, хотят что-то сделать, проявить себя, по-мужски встать за свою Родину. Родственники у меня сначала не хотели, чтобы я пошел, но все равно смирились. Мы уже не дети.

Я получил тут знания, опыт и новых друзей реальных. У нас друзей находишь здесь. Ты понимаешь, что они рядом. И даже что там, когда война закончится, ты свидишься с ними где-нибудь в другом месте. Отношения братские.

Будущим добровольцам, если они идут с душой, добро пожаловать, удачи, форта им. Мы рады их видеть. А тот, кто захочет заработать просто денег, — им здесь делать нечего. Надо идти сюда с чистой душой, за Родину.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БРИГАДА «ПЯТНАШКА»

Командир интернациональной бригады «Пятнашка» Ахра Авидзба

С самого начала в нашей бригаде были люди со всей России, а из Абхазии я один. Потом уже подтянулись. Наша группа были все сборные, там друг друга только два человека знали.

Мы формировались в Донецке, под аэропортом на улице Стратонавтов. 3 июля 2014 г. зародились. Первые бои там же принимали, в аэропорту. Каждый день вокруг аэропорта бегая, обстреливая. Там Кировоградский спецназ стоял, и мы с ними закусывались. У нас ближайшие наши соседи были 4 километра в левую сторону и 2 километра в правую сторону. Поэтому к нам можно было в город просочиться, больше не было заградотрядов. И поэтому мы демонстрировали что они окружении и постоянно кружили вокруг аэропорта.

27 июля мы ушли на оборону Шахтерска, потому что у нас единственная дорога жизни была это связывающая с Россией это через Луганск, Шахтерск, Антрацит. Дебальцево уже было захвачено, Новоазовский еще был под Украиной. Поэтому у нас единственная дорога была — это Шахтерск — Красный луч — Антрацит. Это единственная дорога была связывающая, чтобы не попасть в окружение. И вот как раз Украина при-

думала план с Новоазовска поднять ударный кулак и с Дебальцево второй кулак сомкнуться в Шахтерске. Вот они с Новоазовска поднялись, захватили 20-й блокпост, разбили шахтерский отряд.

Захарченко принял решение идти на оборону Шахтерска и нас позвали. Мы в первый день 178 человек оборонялись, на третий день пришел к нам отряд «Славяне» в количестве 600 человек. А потом кто-то остался с нами, а другие ушли на Снежное. Тогда были первые очерки формирования армии ДНР, потому что там отряды начали объединяться под руководством Захарченко. Потом нам позвонили и сказали, что «Гиви» находится в окружении, пошли прорывать окружение Иловайска. Вернулись, пошли в Шахтерск 24 августа. Пошли на штурм Еленовки. Вернулись под аэропорт. Начали бои за аэропорт.

Часть отряда перебросили в Марьинку, так как противник с Марьинки пытался в Петровский район войти. Оттуда ушли мы в бои за Логвиново. Это был январь месяц уже 15-го. В конце января освободили Логвиново, Углегорск. Забрали город. 23 февраля мы уже за это Героев получали, а 13 февраля мы перебросились освободить Дебальцево. Мы ушли через Луганск, заходили с отрядом «Призрак» и нашими донецкими казаками. Где-то 13 февраля уже освобождали. Я уже ранения получил, у меня два ранения было 24 августа. Первое — 24 августа — было осколочное от миномета 120-го. А второе — противотанковая мина взорвалась. Я как раз танкиста доставал, и у меня там в двух метрах противотанковая шпаркнула.

Потом, получается, у нас после Дебальцево мы вернулись, после освобождения Дебальцево вернулись в Донецк. Потом нам нарезали кусок линии фронта опять в Дебальцево. Мы туда воткнулись. 12 сентября

мы освобождали Петровское село Старобешевского района.

Потом Донецкая промзона. Мы ее укрепляли, обкапывали. И больших наступательных уже не было до самой СВО. В 2016 г. я передал командование Олегу Мамиеву, Герою Донецкой Народной Республики. Я ввел отряд во внутренние войска МВД ДНР, а то мы без довольствия и зарплаты были в Дебальцево. Поэтому я их ввел в 2016 г. в полк специального назначения. Возглавлял его бывший начальник охраны Захарченко, Семеновский полк назывался.

Как СВО началось, я собрал ветеранов из подразделений разных. Из Спарты, из Сомали, из Пятнашки. Ну и другие отряды начали к нам подтягиваться, кто именно был в ополчении. В 2022-м у нас было уже 250 человек. Собрали в течение 3—4 дней. Мы все были в эйфории. Все тогда ринулись освобождать Мариуполь, а город без присмотра остался. Я проехался по местным ребятам, у кого в разрешилровке было оружие зарегистрированное. Наши друзья, товарищи собрали оружие и заняли промзону аэропорта. Потом сформировали отряд, пошли освобождать Верхнеторецкое, поселки над Васильевкой, начали вести подготовку вокруг Авдеевки.

Так как понимали, что все ушли вниз и катастрофически не хватало артиллерии, мы с одним минометом ездили по линии фронта в протяженности 30 километров, создавая видимость того, что у нас минометов много. За день меняли по 5—6 позиций и стреляли. Миномет был 38-го года. Настолько ствол был раздраконенный, что мы в 200 метрах сидя слышали, как мина спускается, билась об края. У нас реально не было другой возможности. Мы для себя понимали, что, если не идешь ты, по законам войны идут к тебе. Поэтому у нас не было варианта.

У нас все были специалисты, ветераны войны. Кто-то танкистом был, кто-то артиллеристом был, кто-то еще кем-то. Мы все, что находили, все в ход сразу пускали. Мы научились с миномета попадать под мост. У нас каждую мину мы взвешивали, контролировали, потому что нам ничего просто не доставалось.

Потом у нас Верхняя Торецкая была, освобождали. Министерство обороны Российской Федерации и 1-й армейский корпус там тогда были. Нам чисто на товарищеских звонках позвонили. Говорят, не хватает людей. Мы с ними пошли. Была еще 1-я славянская. С ними мы лазили по этим поселкам, освобождали, штурмовали. От Васильевки продвигались.

У нас была одна позиция, где наши ребята попали в окружение. Мы их отбили, но шесть человек там тела застряли. И вот методично в течение 24 дней мы облепили все и насели над противником. Потом зашли, вырезали позицию и всех оттуда забрали. Это направление Верхнеторецкого и Васильевки. Вырезали часовых, а остальных из блиндажа уже с собой забрали. Пять человек пленными.

Потом пошли в промзону Авдеевки, сделали подкоп под пулеметчика. Операция Авдеевская труба. Первый раз был, как говорится, блин комом. Пошли наши бойцы, а когда выходили, нарвались на ротацию украинцев. Короче, там один только успел выйти. Не справились, обратно ушли. Мы эту трубу подорвали. У нас такая группа была — внуки Дедушки Мороза. Ну, отряд от Морозки. Там должны были их вылезти 14 человек, но успел только один вылезти, но ушли без потерь. Мы трубу подорвали там, где был овраг. В овраге она была на поверхности, и демонстративно мы заложили три «тээмки». Нам взрыв понравился. Потом мы начали копать на позицию пулеметчика, который нас раздражал

каждое утро. Мы прокопали 165 метров. Мы слышали уже его шаги над своей головой, где шли на глубине. Копали больше месяца на глубине пяти метров. Мы рассчитали, что они сидят в блиндаже глубиной 2—3 метра. И под них надо было быть. Заложили там 800 килограммов. Нормальная была это вороночка такая. Диаметр 40 метров. Весело. Сдуло его. И через неделю мы прочистили тоннель и вылезли, начали штурмовать позиции противника. Для основных сил, когда пришли, сделали удобную стартовую площадку за промзону.

Потом фильтровальная станция была. Там как раз появилась знаменитая надпись. Вы отключили нам воду, а мы вам Авдеевку. Когда мы Авдеевку взяли, начали штурмовать Часов Яр вместе с 98-й. Потом случился Курск, часть отряда оставили мы на Часов-Ярском направлении, другую часть забрали в Курск. Это же 2025 г.

В Курск мы пришли и 9 августа уже вступили в бой. Нам 8-го набрали. Говорят, видите, что в Курске происходит? Едете? Мы говорим, конечно. И мы стартанули, за сутки добрались и уже вошли туда. И, получается, мы занимали на Суджу, что идет дорога от Льгова. Левую сторону ее. Я заходил тоже в Суджу, ну после освобождения. Я сначала на эфпивишках поработал там, как раз под Суджей. Но они уже почти все убежали к тому моменту. Они уже там одиночные только шли. Техника отъехала. Мы собрали совет командиров и сказали так, что сидеть в обороне это хорошо, когда тебя атакуют, но надо идти встречным боем. Поэтому мы зашли, освободили первый населенный пункт Нечаев. И флаг мы подняли, и этот флаг мы потом подарили губернатору Курской области со словами, что уже пора освободить. И уже пошли туда Нижняя

паровая и потом Борки. Три поселка освободили, армии все передали. Потом еще корейцы подтянулись, когда в Суджу заходил, там корейцы такие бодрые были.

Вспоминаю, в 2014 г. парнишка, пулеметчик наш, поймал 8 пулевых по очереди. Он сидел прикрывал ребят. Пошли на вылазку, и в тот момент БМП выскочила. Сожгли с одноразовых. И выскочила вторая БМП. А пулеметчика вторичными осколками зацепило, и он сидел прикрывал отряд. И вот мимо него пробегали, он их косил, и они уже когда поняли, что это сидит не свой, начали по нему работать. И вот он на четвертой пуле, кажется, ему в пулемет попало, он его отбросил, начал автоматом дальше. Восемь пуль поймал. Потом набрался сил, перебросился через забор. Его вытянули. Здоровья хватило, выжил. Позывной «Фура». А в декабре 22-го наши в рукопашку сошлись, к ним хохлы пришли, и там суматоха — бой. Наши оказались ловчее в рукопашке.

Сейчас бригада омолаживается. Поначалу собирались ополченцы, которые воевали раньше там у нас. И они знали там, ну все равно 8 лет войны прошло, когда СВО началась. Поэтому к тому возрасту здесь собирались. А сегодня у нас артиллерия средний возраст 20 лет. Омолаживается, омолаживается. Сейчас дух силен, молодежь — она совсем другая. У нас птичники — девушки. Они с 17 лет к нам хотели. Мы их отмораживали, отмораживали. А 18 стукнуло, и никаких предлогов не осталось. Они пришли, летают нормально. Сейчас им по 20 уже.

В 2014 г. я начинал с тремя патронами. Я помню, что новенький, когда ко мне приходил, я не мог ему предоставить полигона, потому что не было из чего стрелять. И не было времени, так как постоянно надо было затыкать дыры. А сегодня человек приходит,

месяцами может у меня сидеть на полигоне, пока твое время не пришло. Сегодня я могу давать команду на полигоне идти стрелять с утра до вечера и не задумываться о патронах. Это показатель того, что у нас в армии нету с этим проблем.

В 2014-м мне обидно было, когда на меня выехало две БМП, мы завязали бой, а мы не могли, даже не имели пулемета, чтобы по нему хоть постучать. У нас 5,45 было самое тяжелое. Сегодня у нас с этим проблем нету. И одноразовые, и многоразовые, и противотанковые комплексы, и ПВО, и так далее.

Но момент еще в другом. Тогда мы воевали только с Украиной, а сегодня мы воюем с 10 странами. И когда заходишь в один окоп, ты у пяти человек берешь пять разных видов вооружения разных стран.

Позывной «Краснодар», интернациональная бригада «Пятнашка»

Я воюю с начала СВО, мне 24 года. Когда пошел, просто поставил родственников перед фактом. Когда было нападение на Белгород, я матери написал, что типа все, типа я собираться, ждать больше не буду, пока там все само решится. Нужны руки, нужна помощь, надо срочно на фронт. Я, в принципе, за ситуацией следил с раннего возраста, с 2014 г. Следил за ситуацией на Донбассе и, в принципе, я считал, что вот здесь зарождается вот та идея, которую нужно было поддерживать. То есть мы должны были поддержать население, которое кровью и огромным трудом добились права разговаривать на русском языке, защищало свою историю и свою идентичность. Мы должны были просто помочь им в этом всем, чем мы и занимаемся.

Я был и в пехоте с веслом, с автоматом, пулеметчиком был продолжительное время. В данный момент сейчас занимаюсь РЭБ. В принципе, интересная на самом деле тема. Углубляться можно тысячекратно. Очень интересно. Мне она нравится. Про радиоэлектронную борьбу много можно рассказывать. На самом деле это вечная борьба.

В принципе, на данный момент война идет технологическая. Войну эту очень сильно поменяли птицы — от обычных «мавиков», которые используются для корректировки артиллерии, до момента, когда артиллерию нужно было заменять более дешевым чем-то и начали заменять их сначала на те же самые дроны. По типу FPV-дронов, когда там буквально за 25 тысяч с Китая можно было собрать вещь, на которую можно было нацепить болванку, которая может порешать танк стоимостью нескольких миллионов долларов. И пошла настоящая борьба с этими самыми дронами. Технику дорогую не хочется терять, начали исхитряться, перепрощивать. Старый РЭБ становится негодным, птички становятся опаснее. Потом появляется новый РЭБ на эти новые частоты, и птички опять начинают падать. И вот эта борьба, она идет постоянно. Сейчас она идет на каком-то нереальном уровне, когда РЭБ начинает устаревать буквально за полтора месяца. Постоянно меняются частоты, меняется РЭБ. И вот эта постоянно догонка идет. Это борьба, которая не имеет своего конца. Нужно настроить определенную волну. Нужно обеспечить этому РЭБу постоянное охлаждение потому, что это очень быстро нагревается. Нужно постоянно следить за теми частотами, на которых летает противник. И быстро, оперативно, на каком фронте, где какая волна используется, РЭБ корректируется и пускается в ход.

Этим очень активно занимается на самом деле добровольческий корпус, он и снабжает подразделения свои РЭБом. Буквально на эвакуации, когда попало так, что у меня товарищ лежал буквально в поле, его догнала птица, когда они выносили, эвакуировали двухсотых, трехсотых. Его буквально она поймала в поле. Когда мы с медиком подлетели его быстро вытащить оттуда, над нами сначала появился ретранслирующий дрон, а потом на нас уже летел FPV на полной скорости. Человек просто включил коробку РЭБ, птица потеряла управление, и буквально она абсолютно по непонятной траектории начала улетать в неизвестное направление. То есть его спасло буквально то, что в свое время это просто добровольческий корпус очень быстро позаботился по поводу того, что нужен РЭБ. Из таких мелочей и сохраняется жизнь солдат.

Я многое перевидал на самом деле. От штурмовых мероприятий до оборонительных.

В конце мая 22-го г. я приехал в Донецк. Тогда завезли украинцам M777, три топора. Это 155-миллиметровые гаубицы американские. Одна из целей, по которой попало 4 снаряда, была школа в Киевском районе. И первое, что я видел, перейдя впервые на киевский район, — это буквально школа, вокруг два тела, один из них там лежал без головы, это был десятиклассник. Почему именно школа была выбрана как цель? Это просто аморальная сущность украинских войск. Кто-то давал добро, к примеру, на эту корректуру, кто-то это исполнял, и это не вызывало никаких осуждений с той стороны. Потом я жил в районе Крытого рынка, и там буквально каждый божий день ВСУ били. Вообще, на самом деле, запоминается вот эта картина, когда буквально вчера тебе этот рынок разнесли к чертям собачьим пакетами Градов, а утром там бабушка носки

продает. Вообще, как ни в чем не бывало, там вокруг щебень, металлопласты валяются, а она сидит такая вообще, как ни в чем не бывало. Ничего не произошло, но носки продают. Не знаю, но население настолько привыкло к этому. Когда сидишь после боевых в ресторане, аж стекла трясутся, а люди сидят и кушают в ресторане, а что, отвлекаться что ли, куда-то уходить? Население очень сильно адаптируется, люди ко многим вещам очень быстро адаптируются.

В самом начале войны у ВСУ была хорошо подготовлена армия, так как у них был боевой опыт, они обкатывали много людей через АТО, как они называли, то есть это была прям полная обкатка. У них были контрактные войска, у них были профессионально подготовленные частные военные компании по типу «Азова»*, «Айдара»*, «Донбасса»*, то есть у них очень быстро формировались новые подразделения из людей с бывшим боевым опытом, то есть по типу «Кракена»* и остальных, то есть они формировали очень быстро, у них проводилась мобилизация, которой они пользовались прям по полной, набирали огромное количество людей. К началу войны то есть у них не было никакого дефицита в артиллерии, у них на тот момент была авиация, у них на тот момент было огромное количество техники.

Сейчас сократилось количество техники значительно у них, перестала появляться авиация. Многие были с боевым опытом, уже новые пришедшие мобилизованные. Сейчас украинская армия с огромным дефицитом снарядами, то есть со снарядами голодом. Но снаряды, по большей части, они заменили FPV-дронами.

Добровольцы — это по своим идеям идущие защищать какую-то идею.

---

* Террористическая организация, запрещена в РФ.

Позывной «Горец», заместитель командира интернациональной бригады «Пятнашка»

На СВО с марта 22 г. Я из Абхазии, из Гудаутского района, из высокогорного села. Собственно, поэтому и позывной «Горец». Я офицер запаса армии Абхазии. У меня хорошая школа была, прошел очень хорошую срочную службу, потом еще служил. Но больше теории было, а практику я набирал здесь.

Очень многие ребята из Абхазии пришли сюда по зову сердца. В 92—93-х гг., после распада Советского Союза, как известно, возникло очень много локальных конфликтов на всем советском пространстве. Абхазия не стала исключением, и мое детство практически закончилось в 6 лет. Все прелести войны я видел своими глазами детскими, все ужасы войны. Я как сейчас помню первых добровольцев, которые пришли к нам на помощь, — это простые парни со всей России. Некоторые сложили свои головы за свободу и независимость Абхазии. Это те ребята, которые просто пришли защищать справедливость, защищать малый народ. И мое детство прошло в духе патриотизма. Мое детство прошло в этих историях, рассказах, посещениях мест боевой славы, памятников. В юности мы целиком и полностью, я и мои друзья, ушли в общественную работу и создали общественно-патриотическое движение, «Молодая Абхазия» называлось. И вся наша деятельность была связана с патриотикой. То есть мы все время росли вот в этом.

Поэтому я просто принял решение и приехал сюда с чувством благодарности, чувством глубокой благодарности к народу России, к нашим братьям, к нашим соседям. Это совокупность эмоций, совокупность чувств, это история, в которой нас воспитывали, это дед мой,

который дошел до Берлина. Это отец мой, который служил в Советской армии. И все то, что Россия и народ России делал и как Россия изменилась после прихода Владимира Владимировича Путина. И как ее простой народ даже в самые тяжелые времена был рядом с нами и руку помощи протягивал. А я же не имею права как человек, которого воспитали в нормальных традиционных ценностях, просто закрыть глаза и сделать вид, что ничего не происходит. Если беда здесь недалеко, рядом, это такие же дети, как и мои дети. Вот это и привело меня в добровольцы.

Когда я пошел, папа вообще ничего не сказал, он сам ветеран и понимал, что и зачем. Разная реакция была, некоторые друзья пытались... не то чтобы отговорить меня, а спрашивали: для чего тебе это нужно? Вот это же далеко, а кто-то вообще сказал, что это не наша война. Я просто отвечал: вспомните нас в 92 г. Эти люди ничем не отличаются от нас. Они такие же, как и мы. Это наши люди. Вопросы сами по себе отпали.

Первое, что я увидел, когда я сошел с транспорта в Донецке, это вот труп ребенка, тело женщины, старика на остановке. В центре города после обстрела я ко всему был готов на самом деле, но не к такому прошлому. С учетом моего детства — и обстрелы видел, и снаряды слышал, и выстрелы. Солдат против солдата, танк против танков, но не убитые женщины, не дети, не старики. Люди, которых ВСУ держали в заложниках. Это те вещи, с чем нельзя вообще смириться, это вот прямое проявление фашизма. Они там называют это как угодно, борьбу за территориальную целостность и тому подобное. А гибнут-то простые люди. А страдают за что? За свои убеждения, за свою веру, за свой язык. Не это ли нацизм, не это ли геноцид? На правовом языке это так называется.

Когда людей уничтожают по этническому принципу, по религиозному принципу.

Поэтому и благодарные нам глаза людей никогда не забуду, как они нас провожали, как они нас встречали, как они последним пытались делиться. Сами вот впроголодь жили под бомбежками в подвалах, но они пытались делиться с нами. Когда мы останавливались где-то возле населенных пунктов в посадках, люди нас размещали у себя на свой страх и риск, приглашали домой. Пытались накормить, говорили, что вы наши защитники. Это вот все, конечно, это неизгладимое впечатление на всю мою жизнь.

У ВСУ военных преступлений было очень много. Когда мы штурмуем, когда мы идем, мы не можем воспользоваться даже всей мощностью нашей артиллерии потому, что там мирные граждане. Мы каждый раз с учетом этого приближаемся максимально близко, чтобы вступить в контакт с противником. Поэтому мы с ним абсолютно разные.

Разный противник, абсолютно разный на каждом направлении, но по моральному состоянию его, по духу, по настрою он даже рядом не стоит с нашим рядовым бойцом.

Если мы оставим наши детям в наследство нацизм, фашизм, они не смогут дальше жить, им не дадут жить на своей земле, на своей Родине. Мы не хотим воевать, но нам не оставляют выбора. Пока мы стояли здесь, возле Донецка, мы держали один из самых сложных участков — Авдеевское направление, это ворота просто в три города — в Макеевку, Ясиноватую, Донецк. Львиная доля наших ребят полегла в Авдеевке, и для нас это переросло в священную войну. Да, это называется специальная военная операция, да, наша страна не всей своей мощностью в этом участвует. Но мы воюем

за свой народ, за веру свою, за свой язык, за любовь к окружающим, за любовь друг к другу. Поэтому наша идея — она сильнее. И поэтому сравнивать нашего бойца, допустим, с противником, считаю вообще невозможно. Сейчас у нас был 10-летний юбилей, они просто родные мне. Мы вместе двигались.

В 2022 г. несколько дней подряд шли штурмовые действия за шахтный ствол в районе аэропорта Донецкого. Мы параллельно со смежниками нашими двигались, и одним днем мы прошли там почти до полутора километров, вклинились в украинскую оборону, все зачистили, закрепились, раненых вытащили, пришла группа закрепления. Я со своей группой шел на передний край на позиции и, не доходя до нашего поста, где-то метров за 100, наступил на противопехотную мину — потерял правую ногу. Противник, в принципе, ждал, наверное, этого, что кто-то там наступит. Открыл просто невообразимый артиллерийский обстрел по месту взрыва. Ребята ценой своей жизни, рискуя, вытащили меня, передавая друг другу на плечах буквально. Спустя четыре месяца я вернулся обратно и столкнулся с иностранными наемниками. Были поляки, шведы. Их тел доставали очень много. Нет у них мотивации, воюют за деньги либо их прикомандировали.

Сейчас те, которые встречаются, среднестатистические солдаты, это те, кого поймали где-нибудь, там, во Львове, в Одессе или еще откуда-нибудь, затолкали в бусик, привезли в военкомат, прошел какое-то минимальное обучение, и выбросили их на передок. Но такие сражаются до первой возможности сдаться.

Здесь не просто специальная военная операция, здесь борьба двух цивилизаций. Западной цивилиза-

ции и русской цивилизации. И мы все, абхазы, греки, русские, армяне, чеченцы, дагестанцы, татары, все те, которые так или иначе относят себя к России, к этому Русскому миру, к этой русской цивилизации, встали на защиту интересов. Если здесь горит, мы не можем просто сидеть и ждать и надеяться, что нас это не коснется. Это такая же наша борьба.

Позывной «Ангел», артиллерист интернациональной бригады «Пятнашка»

Годков уже шестой десяток идет мне. Я рожден в СССР. Вопрос защиты Родины, Отечества был для меня необсуждаем. Потому что мои дедушки и бабушки прошли войну. Я знаю свои корни прекрасно.

В промзоне под Авдеевкой мы по тишине заходили, ни фонариком светануть, ничего. А когда штурм и такое веселье началось, такая веселуха, по нам начали бабахать со всего списка вооружений ВСУ. Соответственно, ты должен научиться ориентироваться по ситуации сразу. В шахматы когда играешь, ты должен думать на пять шагов вперед. Вот и все. То есть реально оценивать обстановку. Страх есть у любого человека. Но если у тебя будет животный страх, то все. Самое главное, чтобы не было животного страха. А там — все мы под Богом ходим. То есть реально понимаешь, что пуля дура, а снаряд тем более дурак. У тебя есть твои боевые товарищи рядом всегда. У нас легендарное подразделение, которое своих не бросает. И этот штурм показал кто, что, зачем, почему, над какими ошибками надо работать. Ошибки есть всегда. Нет идеальных людей нигде. То есть к вещам надо серьезно относиться, когда идешь, вот и все. Надо решать задачи.

Позывной «Мичман», командир взводного артдивизиона интернациональной бригады «Пятнашка»

Мне 62 года, служу командиром сборного арт-дивизиона. Я пошел добровольцем в 2014 г. Я — русский, мать орловская, батя курский. Я сын Донбасса, здесь родился. Сыну 18 лет исполнилось и с лета 2014-го мы с сыном служили в народной милиции Донбасса. А до этого служил на флоте, два года в Северодвинске отучился в школе техников и с 1981 по 1987 год проходил службу. За это время 9 патронов с автомата стрелял и 3 с пистолета. Вот это весь мой боевой опыт до 14-го года. В 2015 г. меня поставили на Д-30, и оттуда начал с ребятами работать. Потом старшиной реактивной батареи, потом небольшой перерыв и пришел в самоходы командиром орудия и через некоторое время старшиной батареи стал. Вспоминаю, первую Рапиру нам дали, мы ее помыли, выехали на боевое, она выстрелила, накатник полетел, вот ее и прозвали «Аврора», один выстрел — и ремонт. Ну, потом расширили, стал вникать в это дело подробнее. Хорошо стрелять для нас — это на отлично. У нас поговорка: «Чем больше пота прольет артиллерист, тем меньше крови прольет пехотинец». Так у меня еще есть Д20, «Мста», «Гиацинт», саушки, короче, расширяемся.

Я очень доволен, что попал в «Пятнашку». Вот это, наверное, оно там и всю жизнь останется. Самый главный результат — результативная, точная стрельба. Люди у нас подготовлены ко всей ствольной артиллерии. Нет такого, что я там рапирист, вот я там на Мсте только работаю. Такого нет. Я любой расчет могу поставить на любую точку, на любое орудие. Я знаю, что они с этим справятся.

Здесь, на Донбассе, особая черта людей. Например, отец с сыном работают на шахте. Отец погиб, сын все равно лезет туда, понимаешь. Они в шахте больше рисковали, наверное, чем когда взяли оружие в руки. Это характер такой, понимаете. Я же говорил, что по молодости ходили улица на улицу, шахта на шахту. Попадали на службу, становились лучшими друзьями на всю жизнь. Донбасс везде ценили, призывников с Донбасса. Когда с Донбасса приходит, знаешь, что нормальные пацаны пришли, хулиганистые, работающие, добросовестные.

Позывной «Журналист», интернациональная бригада «Пятнашка»

Я следил за ситуацией, за развитием событий на Донбассе с 2014 г., соперничал, понимал, что здесь происходит. И когда начались события в 2022 г., во время, скажем так, жарких дискуссий на кухнях, в соцсетях, где угодно, я понял, что достаточно большое количество моих знакомых разделяют мое мировоззрение, они исповедуют те же ценности, что и я, также восприняли эту ситуацию.

А вот с людьми второго, третьего круга начались такие словесные баталии. И я понял, что люди вообще не понимают, что здесь происходит. И что это было за периметром их интересов. Не по скудоумию, а просто людям неинтересно это было. У людей по какой-то причине, что Сирия, что Донбасс, их это не касалось никоим образом.

Решение идти добровольцем у меня возникло в марте, сразу после начала этих событий, но достаточно долго были согласования, потому что существовали еще

ковидные ограничения. Граница была, разворачивали, не пускали. То есть, если ты ехал напрямую и говорил, что ты едешь воевать в Донбасс, тебя разворачивали и не пускали.

Я вышел на командира подразделения «Пятнашка» Абхаза. На тот момент мы не были с ним знакомы, я только про него знал, что это один из легендарных командиров легендарного подразделения, наряду с Гиви, Моторолой, другими командирами добровольческого движения еще с 2014 г. Просто знал об этом подразделении и о командире.

Килограмм у пулеметчика свыше 30, и надо делать броски. Это достаточно тяжело. Это просто физически очень тяжелый труд. Не говоря уже про силу духа, которой должен обладать человек, особенно идя на штурмы. Что у них за сила духа, когда они могут вырываться в окопы к противнику и где бой иногда доходит в упор. Люди работают в упор друг по другу. Это не фигура речи. Это действительно он впрыгивает.

Доброволец, собственно говоря, название, термин говорит сам за себя. Добрая воля. То есть человек по доброй воле идет на войну. Это его воля, продиктованная его совестью, его воспитанием, его отношением к происходящему, мировоззрением. И, собственно говоря, вот это доброволец, человек, который по-другому поступить не может. Здесь все люди, если мы говорим про конкретных добровольцев, которые приходят воевать, — это все люди, которые по-другому не могли поступить. Выбор делает кто-то раньше, кто-то позже. Но они все постепенно пришли к этому выводу для себя. И другого они не видят пути. И поэтому они все говорят о том, что, если бы была возможность перемотать назад, они все равно бы поступили так же и выбрали бы этот путь.

Запомнилось первое ранение на моих глазах, когда подорвался на mine замкомандира. Мы вместе были на вылазке и пошли на только-только взятый укреп укронацистов. Была группа из нескольких штурмовиков, и меня в итоге нагрузили всеми разгрузками, автоматами и так далее. Они с себя сняли, чтобы было легче тащить. Мы его эвакуировали достаточно долго под обстрелом. Тогда еще был 22-й г., тогда еще не так были развиты птички, квадрокоптеры. По нам клали, они поняли, что шла группа и подорвалась, и они этот сектор начали отрабатывать из миномета. И мы вытаскивали его под минометным обстрелом. Вытащили. Все хорошо. Он сейчас восстановился, воюет замкомандира. Это для меня был один из первых примеров мужества человека — боль у него была дикая, но он понимал, что он не должен давать нам повод, чтобы мы еще переживали за его состояние. Он держался ради того, чтобы облегчить работу ребятам, которые его вытаскивали.

Я помню работу своего мозга, он как компьютер работал. В панике я четко просто выполнял задачу на тот момент. Мне четко давали указания, что мне делать, и, собственно говоря, я выполнял эти указания. Осознание всего этого пришло уже всей серьезности ситуации, в которой мы находились, и того, как мы уходили от этого обстрела буквально за минуту до следующего прилета. Я ощутил уже после, когда мозг начал назад проматывать картинку. И я понял, разговаривая уже потом со штурмовиками: у них такая же ситуация. Во время штурмовых действий еще каких-то мозг работает как компьютер. Он не дает информацию о степени опасности. Он просто тебе дает четкий алгоритм действий, исходя из твоего опыта, знаний. И это и помогает им работать. Когда я общался с ребятами, мозг у всех превращается в мини-компьютер. Я бы даже сказал,

не мини, а максимум. Все-таки мозг гораздо мощнее любого процессора. Но это, наверное, одно из таких... Там дальше много было воспоминаний. Поскольку это первое, вот оно всплывает. Есть еще много, но про трупы не будем говорить.

**Позывным «Радий», доброволец,
командир артиллерийского расчета
интернациональной бригады «Пятнашка»**

Мой позывной «Радий», а зовут Алексей Юрьевич, я — депутат Государственного собрания Курлутай Республики Башкортостан. Меня многие спрашивают, почему я поменял депутатский костюм, белую рубашку на военную форму. Депутат — это избранник народа. Он ничем не отличается от рядового защитника своей страны. Он также является мужчиной, многие являются отцами, и все являются сыновьями. И как раз то самое, что независимо, кто ты — избранник народа или простой гражданин, мы должны защищать свою страну. Сейчас как раз тот самый период, когда страна нуждается в защите. Она нуждается в тех самых ребятах, которые каждый день, днем и ночью выполняют боевые задачи. Спасают мир, стоят на страже правды.

На мое решение реакция была разная. Что касается семьи, что касается коллег по депутатскому корпусу, то в основном я увидел поддержку. Я ее ощущаю по сей день, как тепло, которое мне мои близкие, мои родственники передают, как и коллеги по депутатскому корпусу старательно поддерживают, приезжают, звонят по возможности. Нашему подразделению, которое сформировалось после моего сюда приезда, которое сейчас в данный момент насчитывает несколько десятков че-

ловец из Республики Башкортостан. Этот тот пример, который я хотел дать изначально, что нужно вставать на защиту нашей страны, он сработал. К нам приходят разные люди, но здесь, в нашем подразделении, они получают обучение, они получают знания, а приходят они сюда с желанием служить.

Я сам опыта участия в боевых действиях не имел. Здесь я уже получил артиллерийский опыт, в данный момент я являюсь командиром боевого артиллерийского расчета. Работаю на Д20, Д30. Здесь я простой человек, простой доброволец. Здесь ни в коем случае я не являюсь депутатом. Депутатом я являюсь там, у себя. А здесь я выполняю поставленные командованием задачи наравне со всеми.

Вспоминаю, когда мы впервые прикоснулись к гаубице, ее тактико-техническим характеристикам, обслуживание, сборка-разборка. Запомнились самые первые боевые, которые были на бахмутском направлении, Часов Яр — это самое первое нам навсегда запоминается. Запомнился первый ответный после нашего первого им отправленного привета, мы получили незамедлительно уже ответные здравствуйте. Дистанция была не очень далекая — это около семи-восьми километров. Конечно же, была работа корректировщика. Я могу сказать, насколько нас хорошо обучают. Первый был выезд, были первые точные попадания с первых выстрелов. И они были настолько точные, что мы получали ответ на протяжении трех дней практически без остановок. То есть настолько сильно мы их огорчаем.

Конечно же, еще запомнилось полученное ранение. Это я находился на боевых как командир боевого артиллерийского расчета. После отработки боевых задач нам пришел привет, обратный ответ, мой товарищ, к сожалению, погиб. Я запомнил, как меня эвакуиро-

вали, запомнились слова командира о том, что мы тела своих ребят не бросаем. Одно дело — тренироваться, другое дело — действительно в экстремальной ситуации полноценно им стать, планировать и скоординировать выход на запасную позицию, доложить о ранениях, о потерях, доложить о состоянии, чтобы вовремя была произведена эвакуация. В том месте, где мы находились, было очень опасное место по состоянию неба. Это беспилотные летательные аппараты, которые просто в очень большом количестве там летают, но эвакуация не побоялась, эвакуация приехала, забрала в короткие сроки. Остановили мне кровопотерю. Один из осколков остановился в сантиметре от печени. Спасибо большое врачам, в полевом госпитале быстро и качественно провели операцию, достали большинство осколков. Часть не достали, но они маленькие, не угрожают моему здоровью. Останутся во мне как память о том, для чего мы здесь.

Я желаю новым добровольцам решиться. Не бояться стать добровольцем. Это большая гордость — стать добровольцем. Здесь никто никого не держит, здесь нет каких-то юридических методов удерживания, здесь именно все добровольческое. Поэтому я хочу пожелать твердости духа, смелости, а главное — желания обучаться — в нашем деле это очень-очень важно.

Позывной «Черноус», артиллерист интернациональной бригады «Пятнашка»

В первую свою командировку я пришел добровольцем защищать территорию России в 2022 г. и до сих пор служу. Я пошел бы еще в 2014-м, но мне возраст не позволял. Настолько много преступлений творит

сторона противника, они разрушают храмы, уничтожают мирное население, из-за этого очень сильно страдают дети. Мужчина не может остаться в стороне, мы должны защищать нашу Родину, наших детей, гражданское население и нашу веру.

Семья у нас всегда была патриотически настроена. С самого детства нам прививали историю, патриотизм. Отец тоже на СВО. Мама сильно за нас переживает, но она — сильный патриот, она нами гордится, и братья, и сестры нас поддерживают.

Преступления ВСУ — не просто военные преступления, я бы назвал их преступлением против человечности в общем, против всего святого, что есть на Земле, всех устоев и всего достоинства. У наших врагов нет ни чести, ни достоинства. Ведь как мы можем назвать человеком того, кто может казнить детей? Мы с этим очень много сталкивались — они казнили детей, казнили бабушек, пленных. Над пленными они издевались, резали, по ним бронемашины ВСУ проезжали, раскатывали. Поэтому я не считаю, что это люди.

Когда мы зашли в одно из сел, мы зашли туда очень быстро, накатом, штурмом. Так что ВСУ не успели закончить все свои дела нечестивые. Часть населения была казнена, они валялись у домов. Мы реально из заминированного дома вытаскивали женщину и ребенка, а когда мы выводили их, по нам был шквальный огонь украинской минометной батареи. Они все осознавали, что это мирные.

Я отношусь к этому достаточно тяжело, я думаю, десятка полтора-два именно мирных жителей ВСУ убили. Бабушки, дедушки, дети, женщины в гражданской одежде. Именно огнестрельные ранения, именно огнестрельные, не осколочные. Большая часть населения была ими уничтожена. Они валялись в огородах, мир-

ные жители. Они не лежали там, они валялись. Часть убегали, видно, что им стреляли в спину. Я видел двух взрослых мужчин, один за 70 лет. Нашли его в скотнике, рядом с коровами, курами и всеми остальными. И видно, что это гражданский — дедушка.

Мы не бомбим, мы не стреляем по мирному населению. У нас есть совесть, есть честь и достоинство, мы будем бить только по врагу, а дети и женщины нам не враги, мы пришли их спасать, мы пришли освободить их от фашизма.

ВСУ минировали полностью подходы к селу. Почему подходы к селу — понятно. Но минирование дома, где находятся заведомо мирные жители? Я скажу, что больше всего они бьют по домам, все равно со временем народ возвращается. И бьют, как правило, по тем домам, где написано: здесь живут люди. То есть повесьте флаг подразделения, они туда не ударят, они ударят по соседним, по детям, по женщинам. Почему? Потому что они знают, что мы из-за этого злимся. Мы пойдем из-за этого вперед, мы будем их крушить. И они нас тем самым выманивают. И это исключительно больно.

В битве под Бахмутом мы увидели очень много зверств ВСУ, устраивают их и наемники из других стран, и нацбатальоны. Когда ты берешь позиции, они все с телефонами, а они снимают все на видео. Все на камеру. Они этим забавляются. У них есть забава — казнь человека, зверская казнь человека. Не расстреливают. Расстрел по сравнению с теми мерами, которые они применяют, расстрел это вообще самое простое, что может быть. Самое, так скажем, безобидное.

Когда мы взяли одну из высот, к нам очень много попало с телефонами. У них очень много наркотиков, и они не стесняются снимать это на видео, употреблять в окопах, на позициях, как бы смеются с этого, радуют-

ся. Также попадали из видеосъемки там, где человека ВСУ прикатывают гусеницами, наматывают человека на гусеницы, на танках. Мы встречали такое, что они давили нашего товарища. Что касается других казней гражданского населения мирного, я считаю, что они поступают нечеловечно.

Одно бы видео ВСУ я никогда бы не забыл. Там разбивали ребенку голову, просто об стол. На другом видео девочку лет 5—6 посадили на кол, на заборна живили живого человека. И она мучилась, они снимали, как она орет, плачет и мучается. А родители рядом, их потом расстреляли.

Людей, которые более-менее как-то к нам расположены, положительно нас ждут, ВСУ не дают им эвакуироваться, они их подставляют. Они специально находятся в их домах, прикрываются ими, гражданским населением. Зайдя куда-то, где будет плакать ребенок, надо смотреть по сторонам, потому что, скорее всего, они ребенка заминировали. Они минируют людей.

ВСУ знают, что мы зайдем по-любому, если будет плакать ребенок, конечно, мы забежим. Мы бросим все, что можно, и возьмем ребенка, чтобы его спасти. Дадим свой бронежилет, отдадим свою еду, и без разницы, в принципе, ребенок это, или любая женщина, или любой гражданский человек. Это не играет роли, кто он, какого пола. Для нас самое главное, что это человек. И мы пришли сюда не завоевывать, мы пришли освобождать, мы пришли спасти этих людей, которых Украина угнетает. Мы пришли помочь народу, ведь все же знают, что было в Одессе, в Харькове.

В самом Бахмуте, в Доме культуры или Доме детского творчества, не помню точно, на первом этаже ВСУ посадили гражданских. Я думаю, в районе 40—50 человек там находилось. Они свезли туда детей, взрослых.

Бабушек, дедушек всех посадили на первом этаже, сами находились в подвальном помещении. ВСУ вели оттуда огонь. Мы прекрасно понимали, прекрасно знали, что там гражданское. И никто туда не стрелял. Ни одной туда ракеты, ни одного туда заряда не улетело. Брали почти рукопашкой, без гранат. Обычно кидаются гранаты впереди. Здесь заходило полностью без гранат. Бойцы проявляли огромное терпение и готовы были отдать свою жизнь за любого, по сути, гражданского.

У нас был случай, мы эвакуировали гражданских на БТР. Три человека, которые сидели на броне, не выжили, ребята сами вылезли из десанта, посадили туда гражданское население, сами ехали на броне.

В другой раз нам сказали, что есть бабушка-инвалид, но парализованная, ветеран Второй мировой войны. Эта бабушка-инвалид, она была полностью парализованная, и ребята ее вручную вытаскивали, тащили до следующей коробочки, вытаскивали, таща через посадки, спасти ее жизнь. Наши бойцы эвакуировали. А сын ее помогал с эвакуацией, его подорвали ВСУ. Деда подорвали тоже, которому за 70 лет, он лишился конечности. ВСУ часто стреляют по эвакуационным группам. Я встретился с этим лично. Опять та же самая деревня Подгородняя, оттуда выводили женщину и ребенка ее. Когда их эвакуировали, по ним ВСУ вели огонь.

Я лично встретился с большим количеством наемников. Вначале кричали, что очень сильное подразделение из Польши, поляки. Но битве за Бахмут, за освобождение Артемовска мы доказали, что поляки очень быстро бегают. Я лично участвовал в штурме, два их пулеметчика побежали, все 700 метров мы крушили польские позиции. Самые омерзительные были грузины. Я не знаю, как вбили грузинам эту теорию фашизма. Они идеологически сильно настроены, они идеологически

направлены на то, что мы — твари, мы — последние люди на Земле и нас надо уничтожать, убивать.

Много было и людей афроамериканской внешности. Да, были американцы, французский легион встречается, он и сейчас воюет. На данный момент, например, часто управляют дронами французы. И ни для кого это не секрет, все находящиеся здесь это знают.

Очень много англосаксов подготовленных, но все равно у них нет того духа. Они пришли деньги зарабатывать, а мы пришли сюда освободить. Мы пришли защищать свои семьи, свою веру, свои земли. Поэтому везде мы побеждаем.

Украинцы используют химическое оружие. На моей памяти, по соседнему взводу ударили химией, погибло тогда много наших. Это было в 23 г. Это была именно химическая атака химическим оружием. Это не была самоделка. Причем они били точно ударили прямо в цель.

Кто такой доброволец? Есть такая песня, в песне — хорошие слова. Доброволец — приговор, раз на век решение. Не предать, не обмануть, не свернуть с пути. Доброволец — это тот человек, которого не надо принуждать защищать свою Родину, который идет за собой из-за любви к Родине, из-за любви к семье идет на эту жертву. Он готов пожертвовать собой ради счастливой жизни будущих наших поколений, потому что мы — потомки великих народов, великого государства. Мы должны выстоять и показать, что мы люди чести и достоинства.

На войне надо себя вести, как говорил один из моих командиров, на войну не беги и от войны не бегай. Не рвись в каждый бой сам, тебе сказали идти — иди, не бойся. Надо знать и понимать, что ты человек, патриот своего государства. У тебя великие предки. Ты — пото-

мок великой империи великого государства. Тем более на данный момент у нас, я считаю, самый величайший президент в данную эпоху. Он справедливый, самое главное, и он ведет нашу страну, он поднял ее просто с колен, с разрухи, когда ее разрушили, он поднял ее, что мы всему миру можем сказать, ребята, успокойтесь, у нас самые лучшие подразделения, самые лучшие люди, самые лучшие врачи, учителя, правительство.

Приезжая на гражданку, на гражданке очень тяжело. Не из-за того, что ты не можешь привыкнуть, что там тихо, да, или еще что-то, а из-за того, что там нет боевого братства. Здесь очень сильно люди сплочены. Здесь мы живем все своей семьей. И без разницы, какой религии, да, вероисповедания, какой ты национальности, мы все братки. Мы делим еду. Я могу отдать свою форму, могу отдать свою постель, без разницы что, могу отдать своему товарищу.

Позывной «Султан», штурмовик интернациональной бригады «Пятнашка»

Я — местный, с Горловки. Я уже 8 лет на фронте, сначала думал, все образумится, а не образумилось, и я пошел. Родственники у меня тоже все живут в Горловке, все наши, донецкие. Одобрели. Потому что пошел защищать свою Родину, свою землю от фашизма.

Добровольцы — это в первую очередь патриоты своей родины, своей страны. Честные русские люди. Кем бы они по национальности не были, все они говорят: мы — русские. Все они русские. Все нормальные люди. Все патриоты. Все против фашизма настроены, не хотят назад, чтобы нацизма не было. У нас хоть и интернациональная бригада, но нет такого, ты там

татарин, я — русский, ты — чечен. У нас все братья, все друзья. Братские народы, братские, все друзья.

Когда был под Бахмутом, там у врага наемники были. И негры, и поляки. Именно польский говор было нам слышно, до них двадцать метров было. А негры на английском говорили. Французы были. А в 2018 г. на Авдеевке американский флаг поднимали. Могли и украинцы поднять. А украинцы в основном по-русски разговаривают.

Ребята рассказывали о преступлениях ВСУ. Люди заживо похоронены были. Рот, уши, нос задуты монтажной пеной и заживо были похоронены, их закапывали.

А украинцы много наркотики употребляют. В одном бою они идут на нас в атаку. Я стреляю, а он все идет. Я ему, можно сказать, руку отстрелил, он все равно идет и идет. Он метра два от меня упал, пока из пулемета в голову не попал. Без руки он метров 30 прошел. Он шел как зомби. На десяти метрах, даже ближе, я видел его глаза. В глазах вообще ничего нет. Уже не стрелял — в одной руке он тянул этот автомат, шел как запрограммированный.

Сдаются много вэсэушники. У нас как-то было 6 человек, а их человек 20—30. С окопа выбежали и тикать начали, вытекать с окопа. Опять же, были у меня случаи, когда мы шли на штурм, а они выкидывали автоматы, кричали, не стреляйте, мы не хотим воевать. У них как — пошел за хлебом, подмотали, скрутили, привезли — на автомат, сиди, стреляй туда, и все. С их слов, вообще не подготавливали их. Сдаются, сами сдаются. Заскакиваем в окоп, все берем, и он кричит — я водитель или повар. А че ж ты тогда стрелял? У них все, кто как-то попадает, такие же или водителя или повара, других нет. Такое впечатление, что повара на машинах против нас воюют или на танках.

мысли, разговоры с самим собой. Я думаю, что это не последний мой контракт.

Мать все поняла, не было такого, чтобы меня задержать, оставить. Жена приняла, все поняла. Был случай, мы съездили, отвозили на Новый год гуманитарную помощь в один из госпиталей. Я взял ее с собой, она сама попросила, чтобы посмотреть на все это. Когда с ребятами пообщались, она расплакалась очень сильно. Она поняла, что там происходит, теперь она относится тоже положительно.

На подготовке обязательно надо слушать все указания инструктора, обязательно каждая мелочь очень-очень важна. Когда изначально я проходил первые свои слаживания, после первого дня на следующий и еще один последующий, мне пришлось колоть обезболивающие, чтобы я мог продолжить, то есть мышцы болели так, что без обезболивающих я не мог двигаться. Потом все как бы, привык организм, все мышцы начали работать, все пошло хорошо. То есть физическая подготовка достаточно серьезной должна быть. Но это, опять же, не гантели, а именно бег, работа с легкими, выносливости нужно больше, самое главное — выносливость. Алкоголь исключить, соответственно, сигаретки, если возможно. Если алкоголь будет замечен где-то на передовой, будет очень жестокое наказание, это просто увольнение, и безвозвратное, и больше вы никогда от него не сможете попасть.

Страх у меня был. Пару дней страх был со мной уже на передовой, когда я был штурмовиком. Потом уже как-то привык, понимал, прислушивался.

Вспоминаю, в первый контракт конкретно по нам работал пулеметчик, и пулеметчик был, скорее всего, «Утес» либо «Корд», крупнокалиберный. Мы перебежками метров 30—50 по открытой местности бежали, и место простреливалось. Этот момент я запомнил очень

сильно, потому что я бежал и у меня были разрывы справа-слева, то есть я их видел. И это мое первое боевое крещение, когда по мне начал работать пулемет. Было, конечно, страшно. Я увидел ямку, ямка была длиной полтора на полтора метра и глубиной сантиметров 15. Я в эту ямку упал, лежал и решил посмотреть, откуда работают. Поднял голову и буквально секунд через пять справа от меня очередью прошел именно этот пулемет. Я вскочил, побежал с криками: «Господи, помоги!» Адреналин зашкаливает. Добежал я очень быстро до первого уже окопа и понял, что как бы здесь я уже в безопасности. Ну, было страшно, страшно очень от этого момента. Уже понимаешь, что если попадет с этого орудия, то бронезилет вас спасет.

Большинство у нас ранение получали люди, которые выходили на открытки, стояли там, подолгу курили, соответственно, разведчик их где-то срисовал, и по ним уже начало работать миномет.

Добровольцы — это люди, которые пошли по собственной воле. Я говорю именно так, как я это вижу. Это люди, которые пошли помогать людям избавиться от всего этого кошмара, который преследовал с 2014 г.

Позывной «Вано», артиллерист-наводчик интернациональной бригады «Пятнашка»

До войны я работал водолазом, работал администратором. Собираюсь быть добровольцем до конца войны. Добровольцем стать быстро — два дня делов. Позвонил, списался, анкету заполнил и приехал. Проблем вообще нет.

Есть ли страх? У меня не страх, а азарт больше. Первый артобстрел, не было ощущения страха, паники,

я не знаю, вообще ничего, было ощущение того, что это происходит где-то на полигоне. То есть это нормально. Вообще даже не прятался. Начали накрывать. В 5—7 метрах взрывается. Я встал, смотрю, и у меня ощущение, как будто это на полигоне и это нормально все. Старшие товарищи по попе дали, сказали, ты что, дурачок, это уже по нам работает. Ушли, спрятались. Ну и еще пару часов висели над нами корректировщики. АГС потом ушел, пришел в гости 120-й калибр.

В другой раз было ранение. На тот момент я даже не понял, что случилось. Было очень весело, интересно. Понял, что что-то прилетело, потому что запекло, очень сильно стало горячо. Потрогал поясницу рукой, на руке крови не было. Показал сослуживцу, говорю: «Ну, там, типа, дырка». Но крови нет, потому что осколок был горячий, запеклось. Но когда прилетело, такой был приход адреналина, прям жуткий. Понял, что начало побаливать, часа через три-четыре, когда адреналин уже вышел. Потом выходили на эвакуацию.

Сами вэсэушники — вояки так себе. Не очень. Не особо подготовленные, да и не хотят особо воевать. вэсэушников нагоняют мобилизованных.

Один раз мы только на позицию пришли, и нам дрон сбросил на блиндаж что-то. Мы его слышали над блиндажом, ждали, пока улетит. Услышали отстрел флажка УЗРГМ, как от гранаты, то есть это произошел сброс. Сидели ждали подрыва, подрыва не произошло. Но потом резко начали все плакать, кашлять, дышать невозможно было, потому что першение. Ну что-то, я не знаю, похоже, какой-то газ, это посильнее черемухи, черемуха послабее. Сначала дыхание перехватило, то есть ни вдоха, ни выдоха нельзя было сделать. Потом слезы. Мы потом быстро все скооперировались, спустились в блиндаж, надели противогазы. Да, мы не решили

выходить, потому что у нас там арта была против нас. Они ждали того, чтобы мы вышли из блиндажа все, никто не вышел, поэтому птица потом улетела. Если бы мы вышли, нас бы противник артой накрыл просто. Посидели пару часов в противогазах, потом снимали, глаза потом выложили. Кто с салфетками, кто водой. В принципе, все живы, здоровы.

Один был у нас сослуживец с нами, дома сейчас, был пулеметчиком. Он еще в Копании служил, вот у него за один выход три ранения. Он работал с пулеметом, прикрывал свою группу, когда те отходили. По нему сначала полька прилетела. Он в рацию вышел, сказал, что он 300 и дальше продолжает работать. Минут через 10 ему прилетело 82. Я не знаю, по-моему, кожух на пулемете осколками посекло. Его чуть-чуть опять покромсало. Он опять в рацию вышел, сказал, что он 300, еще раз, продолжаю дальше работать. Перезарядился, потому что пацаны отстреливаются, надо было кого-то прикрывать. И потом минут 10 он еще поработал. И по нему отработал снайпер, попал ему в шею, короче, так, ну, не тяжелый, но тогда он сказал, что по мне начал работать снайпер, в рацию, сказал, что он опять 300, и говорит, все, я начинаю дальше отходить. Пацаны уже отошли, то есть он уже начал отходить потом. Нормально прошло, он сказал на веселье.

Хочу передать огромный привет вэсэушникам и всем натовским странам, которые принимают участие со стороны ВСУ. Мы даже очень ждем вас здесь. Земли у нас много, удобрения нам нужны.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ.....	3
ВСТУПЛЕНИЕ	9
БАРС-2 «БООТУР».....	11
БАРС-3 «РОДИНА»	46
БАРС-9 «РОСТЕХ»	68
БАРС-12	146
БАРС-13 «БРАТСТВО»	173
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ШТУРМОВАЯ БРИГАДА ИМЕНИ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ	202
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ БРИГАДА «ПЯТНАШКА»	221

М.С. Григорьев окончил Ленинградский государственный университет, Дипломатическую академию МИД России, Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Кандидат политических наук, профессор РГСУ, директор Центра истории СВО, директор Фонда исследования проблем демократии, член Общественной палаты РФ, председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов, участник СВО.

**ЦЕНТР
ИСТОРИИ
СВО**

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРОБЛЕМ
ДЕМОКРАТИИ

**Союз
добровольцев
Донбасса**

ISBN 978-5-4484-6131-6

9 785448 461316